

СЕРАЯ СОВА

**Рассказы
опустевшей
жижины**

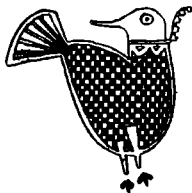

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1974

СЕРАЯ СОВА

**Рассказы
опустевшей
хижины**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1974**

И (Канад)
С32

Перевод и предисловие
Аллы МАКАРОВОЙ

Художник Б. ЖУТОВСКИЙ

С $\frac{70302-097}{078(02)-74} 174-74$

Перевод на русский язык
©Издательство «Молодая гвардия», 1974.
Loval Dichson limited published cop 1936. London

ПРЕДИСЛОВИЕ

На мою долю выпало счастье найти и перевести на русский язык для нашего читателя две книги замечательного индейского писателя Вэши Куоннезина (Серой Сова). Первую книгу Серая Сова посвящает детству, той нежной поре в жизни человека, когда он живет «в зачарованной долине золотых снов». Она впервые была издана в Нью-Йорке в 1936 году, а у нас напечатана в журнале «Пионер» в моем переводе в 1939 году, с предисловием М. Пришвина. В 1940 году книга вышла отдельным изданием в Детиздате и была переиздана еще два раза. Я говорю о повести «Саджо и ее бобры», которую так полюбили наши читатели. Второе мое счастливое открытие — это «Рассказы опустевшей хижины» Серой Сова, впервые увидевшие свет в Лондоне. Я работала над переводом книги с не меньшей радостью, чем над переводом поэтической повести «Саджо и ее бобры». Книга «Рассказы опустевшей хижины» обращена к юношескому и взрослому читателю, автор посвящает ее «Людям последней индейской границы

и всем, кто прочтет эту книгу с сочувствием и пониманием». Другими словами, Серая Сова посвящает ее своим соотечественникам-индейцам и всем людям с чутким сердцем. Многие рассказы этой книги в моем переводе появились на страницах журнала «Наука и жизнь» в 1966—1968 годах.

Он родился в 1888 году в Канаде, был индейцем по материнской линии, отец его — выходец из Шотландии. В детстве благодаря заботам тетушки Серая Сова изучал понемногу историю, географию и английский язык и получил таким образом кое-какие познания. Рано осиротев, мальчик попадает в Северное Онтаро, где кочевали индейцы племени оджибеев; они пригостили и усыновили его. Они научили его своим обычаям, охотничьему ремеслу как средству к существованию; он воспринял у них свое мировоззрение. На всю жизнь сохранил в своем сердце Серая Сова благодарность к этим добрым простым людям — своим учителям, и куда бы судьба ни забросила его, он тянется к ним в своих воспоминаниях.

Дикая природа Севера — необъятные леса, многочисленные озера и бурные реки стали родной стихией Серой Совы, обычаи индейцев — его обычаями. На легком каное из березовой коры он странствует по дальним водным путям, преодолевая водопады и стремнины, и становится известен по всей стране как самый отважный гребец.

Во время первой мировой войны британское правительство Канады призвало Серую Сову в армию; пришлось ему надеть английскую военную форму и ехать за океан воевать.

В 1917 году Серая Сова вернулся на родину. Здесь он увидел страшное опустошение после лесных пожаров. Колонизаторы, прокладывая линии железных дорог, безжалостно жгли леса, в которых кочевали и охотились индейцы. Серая Сова тяжело переживает трагедию своего народа. В автобиографии он писал: «Пожары, железные дороги, электростанции, аэропланы разрывали на куски старую жизнь. Индейская граница отступала, как убегающая волна, я спешил за ней» («Странники лесной глуши»).

Найти лес, еще не разоренный колонизаторами, стало мечтой Серой Совы — лес, где водятся бобры. Так начались его скитания.

Два с лишним года путешествовал Серая Сова в своем каное по рекам и озерам в поисках леса, где водятся бобры. Лес без бобров в представлении племени оджибеев — пустой лес, бобры — это «душа» индейского кочевья. Во время своих скитаний Серая Сова встретил знакомую девушку из племени ирокезов по

имени Анахарео. Она стала его женой, и они вместе продолжали путь.

Поздней осенью, когда уже начались заморозки, после долгого и тяжелого пути Серая Сова и его молодая жена добрались до сказочно красивого Березового озера, на берегах которого рос девственный лес. Здесь Серая Сова заметил признаки бобрового жилья.

Измученные и усталые скитальцы разбили палатку и затопили железную печку, накормили двух осиротевших бобрят, которых они привезли с собой. Здесь началась новая жизнь, по-прежнему полная тяжелых испытаний.

Тоска по разоренному родному краю не оставляет Серую Сову. Особенно тяжело становится, когда он видит, как этот чудесный лес начинает бессовестно грабить шайка белых охотников-спекулянтов со сворой собак. Он проводит бессонные ночи в лесу, охраняя бобровые колонии.

Пара осиротевших бобрят, прирученных Серой Совой, неволью сыграла решающую роль в его жизни. Серая Сова, который зарабатывал себе на жизнь охотой, перестал охотиться и взялся за перо, чтобы писать в защиту дикой природы.

«Лес научил меня все больше и больше любить миролюбивых и интересных зверей, которые жили вместе со мной в этой страхе Тишины и Теней. Он вызвал у меня отвращение к охоте, к убийству. Итак, в конце концов я отложил в сторону ружье и капканы и стал работать в защиту тех, кого я так усердно преследовал» («Рассказы опустевшей хижины»).

Записи наблюдений над бобрами, этими умными, интересными зверьками, были прекрасным материалом для рассказов и повестей. У Серой Совы явилось страстное желание опубликовать свои наблюдения, чтобы вызвать протест против варварского истребления бобров, чтобы зажечь в людях любовь к природе.

«Человек, я имею в виду цивилизованного человека, должен войти в лес с чувством уважения и даже благоговения, которое испытывают люди, вступая под своды огромного древнего храма великолепной архитектуры. Тому, кто возомнил себя властелином мира, следовало бы не только снять шляпу, входя в лес, но и обувь. Он скоро и сам это поймет, потому что лес перевоспитывает человека». И дальше:

«Человек, долго проживший в лесу, познавший его тайны и очарованный его прелестью, невольно будет проявлять чувство дружественного внимания ко всему живому, что окружает его.

У него появится чувство ответственности перед лесом, и, прокладывая себе тропу, он будет стараться не топтать цветы»*.

Канадское правительство заинтересовалось работой Серой Совы с бобрами. Он стал появляться со своими питомцами на экране кинотеатров, выступать с рассказами о животных перед многочисленной аудиторией. Вскоре ему предложили занять пост хранителя бобрового заповедника в Национальном парке в Саскачеване. Серая Сова, немного поколебавшись, принял это предложение и переехал со своей семьей и ручными бобрами. Вэша Куоннезин, «Тот, кто охотится по ночам»**, целиком отдался своей работе по охране диких зверей, и в первую очередь бобров и окружающей дикой природы. Он обеспечен материально, но живет в такой же скромной хижине, как и та, которую он построил своими собственными руками на зачарованных берегах Березового озера; бобры получают свое любимое лакомство — яблоки.

Отдавшись с беззаветной преданностью любимому делу, Серая Сова завязывает дружбу с обитателями леса, бобры даже построили хатку в его хижине. Пристально вглядываясь и неустанно следя за поведением четвероногих друзей, писатель делает очень интересные открытия. Гармоническое сочетание таланта писателя и интуиции исследователя придает удивительное обаяние книге «Рассказы опустевшей хижины».

Счастливы ли Серая Сова? Он получает удовлетворение от своей любимой работы, но временами, по собственному признанию, испытывает чувство растерянности и тоски.

«Последнее время я часто чувствую себя растерянным. Обязанности, которые я взял на себя, временами тяготят меня: мне приходится подавлять инстинкты кочевника. И я порой задумываюсь: сохранил ли я ловкость и выносливость, которыми обладал? Могу ли я путешествовать с прежней неутомимостью по лесным просторам и легко ориентироваться в незнакомых местах? Смогу ли я преодолеть за день в своем каноэ сорок миль водного пространства?

Вечерами я люблю великолепными солнечными закатами и поджидаю, когда взойдет луна. Я слежу за полетом орла, парящего высоко надо мной. И я думаю, что солнце, луна и орел свободно выполняют предназначения природы, когда, минуя меня, отправляются в свой далекий неведомый путь.

Зимой я выхожу на свое заснеженное озеро, на берегу кото-

---

* Серая Сова. Рассказы опустевшей хижины.

** Это прозвище дали ему индейцы его родного племени оджибеев.

рого в уютной безопасности спят мои бобры, и наслаждаюсь неистовым ревом бурана, ликую в суровых объятиях Ки-Уэйдина — странствующего ветра индейцев, который примчался из далекого уединенного края, где, быть может, мне уже не суждено побывать. И вот он помчался дальше, и мне его не догнать».

Эти строки, проникнутые тоской по родному кочевью, взяты из предисловия к английскому изданию «Рассказов опустевшей хижины».

Что же это за книга, «Рассказы опустевшей хижины»?

Рассказать о ней очень трудно. Ее очарование неуловимо. Она вся проникнута поэзией и любовью к дикой природе, глубокой тревогой за ее судьбу. Этой тревогой продиктованы, мне кажется, точные зарисовки пейзажей и поведения диких зверей — не зверей вообще, а каждого в отдельности с его индивидуальными особенностями.

«В то время я не написал ни одной строки и не думал, что буду писать. Но даже тогда, в те далекие дни, я понимал, что Дикая Природа изменится, исчезнет, что это ее последнее сопротивление и мы последние в своем роде. И часто, когда я оставался один, мне хотелось запечатлеть ее совсем такой, какой она была, пока еще не было поздно»*.

Гибель природы влечет за собой гибель индейского народа, и наоборот: гибель индейцев повлечет за собой гибель Дикой Природы. Это народное поверье легло в основу чудесного рассказа-легенды «Сосна».

На перевале Скалистых гор белка случайно уронила шишку и из этой шишки выросла могучая тенистая сосна. Она прожила долгую, долгую** жизнь и была свидетельницей многих трагических перемен в этом крае.

Колонизаторы проникли в эти дикие места, и от них все больше и больше страдала природа. Редели стада бизонов, которые паслись в прерии бесчисленными стадами у подножия Скалистых гор, пока совсем не были уничтожены. Звериные тропы превращались в проезжие дороги, горные ручьи засорились, пересыхали, в них уже не водилась больше форель, которой в былые дни лакомился медведь-гризли.

Колонизаторы стали проникать в прерию огромными толпами и, наконец, подняли огнестрельное оружие против индейцев, вооруженных луками и стрелами. И какими бы неравными ни были

---

* Серая Сова, Рассказы опустевшей хижины. Рассказ «Прощание».

** Канадская сосна живет до 700 лет.

силы противников, индейцы в своих бесшумных мокасинах, обнаженные до пояса и раскрашенные боевой краской, победили американских солдат в голубых мундирах и в тяжелых сапогах. Пушки, ружья, пистолеты оказались бессильными против воли народа к победе — индейцы отнимали оружие у врага и бились до изнеможения.

Битва произошла у подножия огромной старой сосны, которая своей тенью так часто укрывала и облегчала страдания и человеку и зверю. «Сюда пришла победа, но она затерялась на этом горном перевале и была предана Забвению», — с горечью говорит автор «Сосны».

Скоро после этой исторической битвы индейцы племени черноногих, о которых идет рассказ, были изгнаны пришельцами из родных прерий. Изгнаны, но не покорены, не превращены в рабов; они сохранили гордое и свободолюбивое сердце кочевников прерий.

Алла МАКАРОВА

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Людам последней
ИНДЕЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

и всем, кто прочтет эти рассказы
с сочувствием и пониманием.

И особенно тем,
чьи сердца рвутся на свободные просторы,
но кто волею судьбы
лишен радостей жизни среди
ДИКОЙ ПРИРОДЫ
и только со страниц книги узнает о ее чудесах.

«И маленькая опустевшая хижина
вдруг преобразилась
и снова стала зачарованным замком,
где было столько мечтаний и грез.
И теперь она уже не была кучей бревен и реликвий,
она ожила в памяти
во всей своей трепещущей красе.
Она уже не была больше покинутой и печальной,
дорогие образы прошлого
населили ее».

Человек сидит перед гаснущим открытым
очагом весь во власти воспоминаний,
и картины прошлого оживают перед ним,
как мерцающие огоньки.

Кольца дыма от его трубки движутся,
словно артисты на сцене.

Вот человек начинает говорить.
Он говорит медленно, вдумчиво,
часто делает паузы,
как будто прислушивается
к слабому эху своей памяти.

И вдруг в памяти оживает звук, тихий,
грустный, стонущий.

Звук становится все громче и громче,
пока не превращается в рыдания,
разразившиеся под игом столетий
несправедливости;

потом звук постепенно стихает
и лишь время от времени доносятся
всхлипывания, словно удаляющееся эхо,
пока не наступит тишина.

И когда эти томительные звуки умирают,
замолкают наконец,

человек снова продолжает свои
„Рассказы опустевшей хижины“.
Огонь разгорается, потом гаснет.
Неверные тени прошлого дрожат
и скользят взад и вперед.

Человек продолжает свой рассказ.

опустевшая хижина

Среди холмов, устремившихся в туманную даль на Север, в глубокой ложбине прячется маленькое безымянное озеро.

Едва ли можно назвать красивым этот узкий обмелевший пруд, где убывающая вода оставила лишь болота, поросшие камышом, да острые верхушки скал, когда-то погруженных в воду, а теперь обнаженные, почерневшие, словно заброшенные памятники давно забытого кладбища.

От берега этого маленького озера вьется едва заметная тропинка, на которую давно не ступала нога человека. Тропа загромождена поваленными бурей деревьями. Она приводит к берегу большого озера,

которое впадает в реку; множество речек и ручейков, устремившихся с Великого Водораздела, несут свои воды в эту реку.

Озера и реки тянутся непрерывной цепью все дальше и дальше на Север и наконец огромным бурлящим потоком впадают в Северный Ледовитый океан.

На берегу этого сумрачного полувысохшего пруда, который в былые времена был настоящим озером, виднеется старая заброшенная плотина — памятник трудолюбию и терпению ее строителей. Стена плотины возвышается на четыре фута над теперешним уровнем воды пруда; через полузавалившееся отверстие ее арки протекает маленький журчащий ручеек, и чудится, будто он бормочет, словно человек в полусне, но разобрать, что он лепечет, невозможно.

Всюду вокруг видны старые сооружения, построенные очень прочно и разумно, но ни одно из них не было делом рук человека.

Из леса спускаются к озеру и идут вдоль берега старые, заброшенные тропы давно покинутой бобровой колонии, отлично спланированной, прекрасно выстроенной, сохранившей до сих пор своеобразную архитектуру (несмотря на разрушительное действие времени), — лучшее доказательство мастерства и труда.

В том месте в лесу, откуда начинаются эти тропы, видны пни — множество пней, и на них все еще заметны следы зубов четвероногих дровосеков. Неподалеку стоит заброшенная бобровая хатка, ее хозяев давно уже нет на свете. Она стоит высоко над уровнем высохшего пруда, ее потайной вход открыт для хищников; стены хатки, когда-то отлично заштукатуренные, теперь поросли травой и побегам ивы. И все-таки она еще прочна и выстоит много лет — немой и печальный свидетель удивительного трудолюбия ее строителей. Напротив бобровой хатки темнеет сосновый бор. Огромные сосны, настоящие великаны, — редкие деревья в этих краях. Наверно, потому они и кажутся такими гордыми и безупречно красивыми. Среди сосен там и сям белеют стволы березок. Тоненькие и стройные, они кажутся высокими деревьями, хотя их ярко-

зеленые вершины, устремленные к живительному солнечному свету, едва лишь достигают нижних веток гигантских сосен. В тени этой рощи стоит маленькая бревенчатая хижина — единственное свидетельство пребывания здесь человека.

Она стоит покинутая и печальная. Мох, которыми были законопачены щели между бревнами, давно уже растрепался, вывалился, двери настежь открыты, а выбитые окна беспомощно глядят вдаль. Даже в свои лучшие дни это было скромное жилище, хотя труда и забот было вложено очень много, чтобы его построить и создать уют. Следы простенького орнамента, не лишнего художественного вкуса, до сих пор заметны то тут, то там.

Было здесь и радостно, и весело. Взгляните, и вы увидите в углу маленькую засохшую елочку, заметите на побуревших ее ветках концы тесьмы, которой когда-то были привязаны игрушки. Опустевшая, покинутая хижина теперь обречена на медленное разрушение. А когда-то, в незабываемые дни здесь ключом была жизнь, полная исканий и надежд. Это был дом, где жили не только люди, о чем рассказывают вещи; вот там, у развалившейся койки, видно сооружение из палок и высохшей глины: нетрудно догадаться, что здесь поработали бобры, строившие себе хатку над прудом.

Эта скромная обитель была когда-то знаменитым местом; многие обитатели леса стали друзьями хозяина хижины. Некоторые из них переступали порог и чувствовали себя как дома. Другие собирались вокруг хижины, инстинктивно понимая, что никто не обидит их здесь. Они приходили то небольшими стайками, парами, то поодиночке. Здесь можно было видеть крупных зверей и маленьких. Здесь каждый был желанным гостем, выступал на этой скромной сцене, сказал свое слово, сыграл свою роль и внес свою лепту в историю этого уголка земли.

Роща знала их всех, и знала хорошо. Но огромные вековые сосны, казалось, смотрели равнодушно на землю, покачивая своими гордыми перистыми вершинами, и, кто знает, быть может, со-

всем не замечали маленьких созданий, которые на такое короткое время поселились у их подножия.

Уже давно опустела хижина и стоит такая молчаливая и тихая.

Но чудится, будто она живет своей особенной, загадочной жизнью, будто тени населяют ее, и, словно эхо далекого прошлого, порою вдруг звучит томительный, нежный аккорд... Он все звучит, дрожит в воздухе, хотя никого уже нет.

От набежавшего ветерка трепещут листья высоких и стройных березок. Как тоненькие девушки, застенчивые и скромные, стоят они врассыпную среди высокомерных, строгих сосен и все кивают вершинами, шелестят листьями, словно шепчутся между собой. Своими устремленными вверх ветками, словно поднятыми руками, как Шахерезада, просят они пощады, боясь захапнуть и погибнуть без живительных солнечных лучей в темном бору. И чудится, будто они шепчут соснам, своей мрачной охране: «РАС-СКА-ЗЫ ОПУСТЕВ-ШЕЙ ХИ-ЖИ-НЫ!».

Происшествия и события, описанные в этих рассказах, произошли в разных местах, местах, отдаленных друг от друга большими расстояниями. Я рассказывал их в зимнюю стужу своей молодой жене Анахарею, когда мы сидели перед открытым очагом и любовались, как разгорались и меркли угли. Перед глазами у нас вставали целые картины и лица; маленькие существа, казалось, бродили по этой освещенной пламенем аудитории. Они будили воспоминания давно минувших дней или же недавнего прошлого. Все эти рассказы березки слышали и, конечно, запомнили.

Здесь многое происходило. Люди и звери, и те, кто жил здесь, и те, кто гостил или же заходил мимоходом, оставили след своего дела, мысли, слова, и ничто из этого не потеряно, не забыто. Все радости и горести, комедии и трагедии, труд и достижения, которыми была заполнена здесь жизнь, все это оставило неизгладимый след в памяти древних холмов, сохранилось в рассказах, превратилось в легенды, воспоминания. Но эти воспоминания не

померкнут, пока трепещущие березки передают их шепотом, и сосны, суровые часовые, посланники Скалистых гор, стоят и охраняют их всех.

Они родились, эти незабываемые рассказы и легенды, на крыльях стремительного ветра, скользящего по вершинам деревьев, они живут в тундре среди болот, заросших камышами, они отражаются в зеркале прудов, и все повторяются и повторяются в неясном бормотании ручейка, в миллиардах голосов Дикой Природы, которые никогда не умолкнут.

Герои этих рассказов — люди, четвероногие и крылатые существа — никогда совсем не исчезнут; еще долго после того, как их слова и дела превратятся в легенду, они будут мерещиться в долине, полной воспоминаний; они никогда не покинут тихого озера, разрушенную плотину, бобровый дом и опустевшую хижину в лесу, где были радости, горе, мечты.

Быть может, тому, кто случайно очутится в этих местах в ожидании рассвета, вдруг почудится в сумерках, что темное тельце плывет в направлении к покинутой бобровой хатке, оставляя за собой расширяющийся след по воде; а может быть, до человека долетит эхо протяжного, жалобного крика. Или же ему почудится, что в туманной дали проскользнула бесшумно, как призрак, ладья, сделанная из коры золотистой березы.

А если он будет сидеть совсем тихо, не шевелясь, ему даже может почудиться легкое прикосновение к плечу, как будто кто-то невидимый беседует с ним. Несмолкаемое журчанье ручейка — то громкое, то тихое, то приближающееся, то удаляющееся — вдруг замолкнет, и донесутся, словно издали, звуки глухих голосов, говорящих на языке, ему непонятном. А может случиться так, что ему послышится какое-то неуловимое движение за спиной, и, обернувшись, он заметит, или ему только померещится, несколько загадочных теней, собравшихся вместе и как будто беседующих друг с другом. Эти легкие тени не испугаются одинокого путешественника, но вздохами, тихими, как шелест тростника, нежными, как шорох листьев на березках, будут пытаться — терпеливо

и настойчиво — добиться понимания в сердце того, кто пробудил их сумеречное сознание.

Я знаю, это правда, потому что я сам бывал там часто и прислушивался к тишине в предрассветные часы: я слышал их нежные, тихие голоса, словно звук их долетал откуда-то издалека. И в такие минуты воздух вокруг меня казался наполненным какими-то легкими шорохами и топаньем малюсеньких ножек. Я чувствовал, как легкий ветерок пробежал по моему лицу, словно от движения множества невидимых гостей, пришедших навестить меня и вместе со мной послушать рассказы, которые березки без умолку нашептывали величавым молчаливым соснам.

Быть может, вы скажете, что эта прозрачная компания друзей лишь плод моего воображения, взволнованного тоской и долгим созерцанием родных мест, что я ловлю руки, которых уже нет, и в темноте ночей напрасно прислушиваюсь к голосам, давно умолкнувшим.

Если вы думаете так, не судите меня слишком строго, потому что это неизгладимые Воспоминания о прошедших днях, о людях и четвероногих друзьях, с которыми мне никогда больше не суждено увидеться.

Не обо всем я смогу рассказать вам — самые дорогие воспоминания я утаю от вас и буду хранить только в своем сердце; я боюсь, что, открыв свою тайну, потеряю силу вызывать в своем воображении любимые образы прошлого.

И все-таки мне хочется многим поделиться с вами. Итак, мои неведомые читатели, дорогие друзья, если вы не пожалеете часок-другой своего времени, садитесь возле меня, и я вам поведаю «РАССКАЗЫ ОПУСТЕВШЕЙ ХИЖИНЫ».

Они были индейцами
и привыкли к суровой жизни — это правда.
Но сейчас они были
просто беспомощными мальчиками —
одни-одинешеньки посреди бескрайней немой глуши,
без еды и без крова.
Перед лицом почти непреодолимых трудностей
мальчики выполнили заветы индейцев,
требующие, чтобы начатое дело
было доведено до конца
во что бы то ни стало,
любой ценой.

сыновья ки-уэй-кено

В наши дни, когда радио и быстрые теплоходы установили настолько тесную связь между КАНАДОЙ, английским доминионом, и старой АНГЛИЕЙ, что можно слышать речи через океан, а путешествие из Ливерпуля в Галифакс стало чуть сложнее, чем прогулка к морскому берегу, трудно себе представить, что рядом с этой передовой и процветающей КАНАДОЙ простирается край первозданной дикости. Тем не менее это так.

Этот не тронутый цивилизацией район, составляющий большую часть КАНАДЫ, лежит к северу от Великого Водораздела, который пересекает КАНАДУ и разделяет ее реки на те, которые текут на

юг и другие, которые впадают в Северный Ледовитый океан. Мало кто знает, что только южный склон цепи возвышенностей подвергся модернизации, и то не на всем протяжении. Для обитателей этой «цитадели» дикие просторы Севера известны под индейским названием Киуэйдин, что в переводе на русский язык означает «Страна Северо-Западного Ветра», — название это передает суровую таинственность и беспредельность просторов.

Для обитателей дикого Севера густонаселенная часть южного склона — это особый мир; о тех же, кто в кои веки раз добрался до железной дороги и отправился туда, люди многозначительно говорят: «Они поехали в КАНАДУ», словно они предприняли путешествие за границу.

Индейцы, кочующие по бескрайним лесам страны Северного Ветра, живут по обычаям своих предков, обитавших в этих краях с незапамятных времен. Они все еще пользуются старым индейским оружием и охотничьим снаряжением, но некоторые товары выменивают у бледнолицых, и без этого им уже трудно обходиться.

То здесь, то там на песчаных берегах озер вырисовываются закопченные дымом конусообразные верхушки вигвамов. Домотканые одеяла из кроличьей шерсти неизменно служат верной защитой от суровых холодов, а мокасины из оленьей и лосевой шкуры, легкая и удобная обувь индейцев незаменимы при скитаниях по обманчивым лесным дебрям. Копье, лук и стрелы, деревянные капканы и старинное шомпольное ружье, которое заряжается с дула, еще часто встречаются в этих краях. А в глухих, отдаленных местах, где нелегко достать себе обновку, индейцы до сих пор мастерят себе одежду из оленьей и лосевой шкуры. Этот народ не входит в семью цивилизованных народов, но называть его диким, как это принято, несправедливо. Удивительно честные, простые и добрые люди, они считают своим священным долгом гостеприимство; они готовы принять у себя каждого индейца, но пришельцев они сторонятся и стесняются. Мужественный и сильный от природы, индеец твердо идет по намеченному пути. Его смелость и настойчивость так велики, что, невзирая ни на какие

препятствия и трудности, он достигает намеченной цели часто даже ценой самой жизни.

Мне хочется рассказать о подвиге двух индейских мальчиков племени оджибеев. С их родовой группой я охотился в районе, известном у индейцев под именем Маниту-пи-пажи, или «Место, где хохочет дьявол». Ки-уэй-кено («Человек северного ветра») был отцом этих мальчиков. Среди людей, известных своей выносливостью, Ки-уэй-кено выделялся своей почти сказочной силой. Высокий, легкого атлетического сложения (хотя большинство его единоплеменников коренасты), он переправлял волоком грузы весом в шестьсот фунтов. По всей округе он славился как замечательный охотник и носильщик.

Была пора листопада. Охотничьи ветры разгулялись в темном сосновом бору. Индейцы, покинув поселок, направлялись на свои зимние охотничьи участки. Они проводили там всю зиму, а зима в тех краях длилась шесть-семь месяцев. Приходилось перевозить большие грузы через большие и маленькие озера, перетаскивать волоком — люди преодолевали расстояние до двухсот миль. Большинство семей проделывали этот путь дважды, переправляя груз по частям на своих обычных шестнадцатифутовых каноэ. Но Ки-уэй-кено не признавал такого способа переправы. Он грузил всю свою поклажу на огромную пирогу, чтобы больше не возвращаться в поселок. Поднять такую ладью было едва под силу двум мужчинам, но силач Ки-уэй-кено перетаскивал ее через все волокá один. У него было еще маленькое каноэ, сделанное из березовой коры, на нем два его сына, подростка, переправляли более легкий груз; оно предназначалось также и для осенней охоты.

Дела шли своим чередом, и все было, как обычно бывает во время этих переездов. В иные дни индейцы продвигались всего на пять миль, а в другие на двадцать — все зависело от трудности пути. Долго ли, коротко ли, но они прибыли на зимнее стойбище. Не теряя времени, разбили лагерь, наловили и засолили рыбу; охотники настреляли дичи и сделали запасы мяса, проло-

жили тропы по нехоженным местам. Скоро побуревшая трава бобровых лужаек была покрыта изморозью и на ней обозначились следы пробежавших здесь лисиц и рысей. Кромка льда образовалась на болотах. Капканы были расставлены, и охота началась.

Как-то утром, когда уже начались заморозки, Ки-уэй-кено отправился на охоту в маленьком каноэ, сделанном из березовой коры. Я уже говорил, что Ки-уэй-кено был замечательным охотником и искусным гребцом, но мне хочется еще сказать, что порой Дикая Природа расставляет такие препятствия и ловушки, что даже самые опытные охотники и бывалые люди могут быть застигнуты врасплох. Итак, Ки-уэй-кено плыл в маленьком каноэ. Он перезарядил свое ружье и выстрелил в утку. В обледеневшем каноэ он не смог удержать равновесия. Легкая ладья перевернулась, охотник попал в водоворот и был сброшен водопадом с высоты шестидесяти футов.

Сыновья охотника в это время разбивали лагерь на берегу. Они все видели. Обливаясь слезами, они бросились к подножию водопада и искали, искали отца... Но все было напрасно, они не нашли даже щепок маленького каноэ. Река в этом месте представляет собой длинную цепь водопадов и стремнин. Дети поняли, что найти отца им не под силу.

И вот сыновья Ки-уэй-кено — старшему было пятнадцать, а младшему тринадцать лет — решили как можно скорее вернуться в поселок и рассказать о случившемся несчастье. Мальчики надеялись, что кто-нибудь поможет им найти останки отца. От поселка их отделяло расстояние в сто двадцать миль, и на этом пути нужно было преодолеть переправу через тридцать два волока. В их распоряжении была лишь та самая громоздкая пирога, взвалить которую на плечи было едва под силу двум сильным мужчинам. В довершение всех бед надвигалась зима, в любой день она могла сковать льдом озера и остановить мальчиков в пути.

Прибежав на место зимнего стойбища, мальчики отправились в очень трудный обратный путь — домой — совсем налегке. Они захватили с собой только топор, мешочек с мукой, кусочек сала,

чай, немного спичек, сковородку и котелок. Таким образом они рассчитывали сберечь драгоценное время.

Все, что произошло дальше, кажется невероятным. В это время года почти непрерывно дуют сильные ветры, и огромную ладью, почти без груза, управляемую двумя мальчиками, временами относило в сторону на несколько миль. Особенно тяжело было, когда они плыли в юго-западном направлении, где их замучили свирепые встречные ветры. Не в силах бороться со стихией, сыновья Ки-уэй-кено стали плыть по ночам, так как ночью ветры затихали. Трудности этого мучительного пути становились все тяжелее оттого, что он проходил по незнакомым мальчишкам местам, — они проплыли здесь всего один раз.

И все же самое большое испытание ждало их впереди, на волоках. Согнувшись в три погибели, они с невероятным усилием поднимали громоздкую пирогу — один с одного конца, другой с другого — и клали ее на сваленные деревья или на большие камни. Потом они подлезали под нее, каждый со своего конца, с трудом поднимались на ноги и шли, неся эту непосильную ношу, пошатываясь, спотыкаясь. Местами мальчики ползли через волок. К счастью, большинство волоков были короткими, но было несколько очень длинных, а один из них вытянулся на целую милю. Так день за днем сыновья Ки-уэй-кено совершали свой подвиг, проделывая изнурительный, непосильный путь. Они ели наспех сделанные лепешки, смазанные салом, запивали горячим чаем. А спали просто под пирогой, так как одеял с ними не было.

Небольшие озера все больше покрывались льдом, и мальчику, сидящему в носовой части ладьи, приходилось пробивать его шестом — это сильно задерживало их движение. В довершение всех бед повалил мокрый снег, и вечером, вместо того чтобы ложиться спать, мальчики сушили свою одежду у костра.

То и дело теряя драгоценное время от неожиданных задержек в пути, усталые до изнеможения, они продвигались теперь лишь со скоростью четырех-пяти миль в день.

Запас продуктов становился все меньше и меньше. От недое-

дания они еще больше теряли силы. В конце концов мальчики остались совсем без еды. Их мучил голод. Им снились страшные сны. В больном воображении пирога то казалась им чудовищным белым слоном, оседлавшим их, то безжалостным надсмотрщиком, который выматывал у них последние силы, каким-то дьявольским существом, губящим их.

Они были индейцами и привыкли к суровой жизни — это правда. Но сейчас они были просто беспомощными мальчиками, одиношешеньки посреди бескрайней немой глуши, без еды и без крова.

Малейший просчет в управлении ладьей на поверхности бушующего озера или отклонение в пути грозили смертью либо в пучине волн, либо от голода и холода. Но перед лицом почти непреодолимых трудностей мальчики выполнили заветы индейцев, требующие, чтобы начатое дело было доведено до конца во что бы то ни стало, любой ценой.

Исхудавшие, с болезненно горящими глазами, измученные горем тяжелой утраты, сыновья Ки-уэй-кено ступили на землю своего поселка. Они вынесли такие тяжелые испытания, которые редко кому из ребят выпадали на долю. Закаленные суровым воспитанием индейцев и жизнью, полной лишений, эти мальчики совершили подвиг, который даже многим взрослым оказался бы не под силу.

От жары, в затишье полдня,
Тяжким воздух становился;
В полусне шептались сосны
Позади вигвамов душных;
В полусне плескались волны
На песчаное побережье

Лонгфелло

Один день в тайном городе

Влияние «цивилизации» отняло много романтики, красочности и экзотики у индейских поселений, расположенных либо в резервациях, либо в глухих уголках Дикой Природы. Попытки строить свою жизнь на жалком подражании белым — без средств, без умения и навыков — не дали положительных результатов, и индейцев стали упрекать в неряшливости. Только те из них, кто на протяжении долгого времени при благоприятных условиях привыкал к культуре белых, приспособились кое-как к непривычной жизни в деревянных домиках. Нищие хижины индейцев, расположенные вдоль железной дороги, красноречиво говорят о трагедии приспособления. Совсем

иначе идет жизнь в вигваме. Несмотря на тесноту, индейцы ведут свое хозяйство очень аккуратно и разумно. Попробуйте предложить семье бледнолицых похозяйничать в типи* — они растеряются, и все пойдет кувырком. Многие из индейцев, поселившихся в деревянных домишках, отвыкли от кочевой жизни отцов, и туристу придется пройти далеко за пределы обычных маршрутов, чтобы найти поселение кочевников, живущих примитивной, но очень разумной жизнью, обычаи и устои которой создавались на протяжении многих веков. Эти индейцы организуют на зиму временные поселения, местонахождение которых выбирается в зависимости от условий охоты. Они выезжают небольшими коммунами из четырех-пяти семей, а иногда выезжает и одна семья. Все походное оборудование очень легкое, и непосвященному может показаться едва ли подходящим для суровой зимы. Охотники выбирают защищенное место, вблизи хорошего леса, где водятся лоси и можно рассчитывать на рыбную ловлю. Здесь индейцы разбивают свой лагерь — четырехугольные палатки и восьмиугольные типи. И для палатки, и для типи воздвигают стены высотой в четыре бревна, а потом прилаживается верх из бересты или шкур. Щели между бревнами старательно законопачиваются мхом. Когда зима вступит в свои права, жилища индейцев утепляются тщательно присыпанным снегом. Небольшие жестяные печурки обогревают палатки, а в вигвамах индейцы греются у открытого очага. У индейцев Канадского Севера очаг складывается вблизи одной, почти перпендикулярной стены, а не в центре, как у племен Великой Равнины.

Каждый член семьи имеет свое спальное место, позади которого хранятся его личные вещи. Утром все байковые одеяла складываются в дальний угол вигвама или же скатываются и укладываются на полу у самой стены. Весь пол индейского жилища устлан душистыми ветками, на этом мягком ковре индейская семья садится за еду, здесь же они делают свою домашнюю работу.

---

* Типи — вигвам.

Подстилка не залеживается, а меняется часто. В этих условиях домашнее хозяйство чрезвычайно простое и ведется с минимальным количеством кухонной утвари и посуды, и таким образом хозяйки легко соблюдают порядок. Кости и другие отходы охотничьего хозяйства, отходы после очистки и покраски шкур выбрасываются на снег в кусты, где они лежат замороженными семь-восемь месяцев — до наступления весны, а к этому времени охотники уже покидают свой зимний лагерь. Эти кучи отбросов, которые остаются после индейцев, и создали кочевому народу репутацию нечистоплотной жизни.

Вблизи вигвамов между деревьями, расположенными треугольником, устраиваются полки, а повыше прикрепляются плетенки, где хранятся мясо, рыба и другие продукты; это делается с тем расчетом, чтобы уберечь припасы от вечно рыскающих голодных упряжных собак. После каждой метели через сугробы снега люди прокладывают лыжные тропы, соединяющие их жилище с целым рядом собачьих конур, сделанных из хвороста и утепленных снегом. Внутри вигвамов все удивительно чисто и уютно, огонь в открытом очаге без особых хлопот поддерживается всю ночь; труднее поддержать тепло в палатках, отапливаемых железными печурками.

Летом, когда пройдет период весенней торговли мехами, некоторые из этих индейских коммун отправляются в глухие уголки, расположенные вдали от больших дорог. Индейцы не любят бледнолицых туристов и других непрошенных гостей. Они тщательно маскируют свои тропы, и человек, который забрел в эти глухие места, лишь случайно может обнаружить поселение индейцев.

Эти спрятанные в глухих местах поселения индейцы называют «Оден-па-ка-инне-хекадж», что в буквальном переводе означает «Скрытый город», «Тайный город». Такие города в наши дни уже редко встречаются, но все-таки они еще существуют и бережно хранят старые индейские обычаи и традиции.

Мне посчастливилось получить гостеприимный прием в нескольких из этих независимо существующих тайных поселениях. А один

раз меня приняли даже с компанией бледнолицых туристов, чей искренний интерес и доброжелательное отношение к «краснокожим братьям» заставили меня приложить все усилия, чтобы получить разрешение переступить запретную границу. Вышло так, что мы разбили лагерь в нескольких милях от одного тайного поселения, о существовании которого мы уже догадывались. Один из туристов, возглавлявших эту компанию, настойчиво уговаривал меня сделать попытку договориться с индейцами. Я знал, что нога бледнолицего еще не ступала дальше причала каноев, и на успех этих переговоров вряд ли можно было рассчитывать. Ни в одном обществе ваше неожиданное появление — без приглашения и без извещения — не вызовет такого определенного, безоговорочного, полного отказа в гостеприимстве, какой вам дадут обитатели обыкновенного индейского поселения, для которых вы нежеланный гость. Вождь родовой группы, о которой идет речь, — Большая Выдра — был человеком высокомерным, и, несмотря на то, что я с ним был знаком, он никогда не приглашал меня к себе. Тем не менее как-то раз я нашел на волоке прекрасно сделанное весло работы Большой Выдры, на котором было вырезано мое имя. Это был отличный подарок в краю быстрых, стремительных рек и, казалось бы, было хорошим предзнаменованием. Однако я не возлагал больших надежд. На следующий день я попытался объяснить своим спутникам, как надо себя вести во время таких встреч с индейцами; потом мы сели в пирогу и поплыли к поселку Большой Выдры. Мы плыли почти час, преодолели по пути несколько водопадов и вдруг очутились на огромном круглом озере, спрятанном среди обрывистых холмов, поросших дикими соснами, еще не тронутыми топором человека. По озеру мы плыли еще час прямо навстречу солнцу и наконец попали в узкую бухточку, там за высоким выступом неожиданно обнаружили целую флотилию каноев: одни стояли на причале, другие были перевернуты вверх дном. Вверх от берега вилась узкая тропа, она поднималась по невысокому склону к роще великанов сосен. Здесь среди громадных пней на ровном

месте стояли врассыпную вигвамы и палатки. Голубой туман от дыма повис в воздухе просеки; какие-то люди, словно загадочные тени, появились около жилья и снова исчезли. Никто не вышел, чтобы встретить нас; была полная, угнетающая, давящая тишина.

Я кликнул своим обычным совиным кличем. И мгновенно невероятный, неопиcуемый шум разорвал тишину на клочки: свора огромных собак-волков с оглушительным лаем бросилась к берегу и разыграла там жуткую сцену, демонстрируя свою неутолимую жажду крови. Один из наших спутников в испуге спросил, умеют ли они плавать?

Высокая стройная фигура с развевающимися волосами сбежала вниз по склону холма и, очутившись среди своры разъяренных прыгающих собак, стала размахивать горячей головней, пока они не покорились и не выстроились в ряд на берегу. Человек, теперь уже нетрудно было в нем узнать самого вождя, подошел к песчаной кромке берега, к самой воде, и там остановился. Он не поднял руки и вообще никак не приветствовал нас. Вся обстановка этой сцены была картиной первобытной дикости. Представьте себе: огромные стволы вековечных деревьев, конусообразные типи, которые неясно вырисовывались в голубом от дыма тумане, быстрые, едва различимые жесты людей, передвигавшихся, словно тени, среди закопченных жилищ, высокая гордая фигура вождя, ставшего неподвижно на берегу, и позади него целая свора свирепых собак.

Что-то нужно было сказать, я начал переговоры: «Хау! Куэй, куэй, Гитче Негик! (Приветствую тебя, Большая Выдра! Я нашел весло и должен поблагодарить тебя)». И потом: «Мои друзья хотят сделать подарки вашим ребятишкам». Последние слова, которые не раз смягчали сердца самых суровых людей, на этот раз прозвучали впустую. Большая Выдра закричал: «Аноатч! Аноатч! (Так нехорошо поступать!)». Кто эти люди? Не Большие ли Ножи?»

Положение было напряженное и требовало особого чувства такта, чтобы не сорвать переговоры. Я не могу похвастаться, что

обладаю дипломатическими способностями, но сделал все от меня зависящее, чтобы выйти из трудного положения.

Я сказал ему, что эти люди приехали издалека, что у них самые дружественные намерения и им искренне хочется посетить своих краснокожих братьев. Я подробно остановился на тех трудностях, которые пришлось перенести этим путешественникам, преодолевая расстояние более девяноста миль от железной дороги, по нехоженным тропам и бурным водным путям, пока наконец они не достигли этих берегов. Это дипломатическое лавирование, тщательно сформулированные комплименты, осторожные утверждения и возражения, которыми мы обменивались, очень напоминали переговоры между послами двух стран на грани войны, но воспроизвести все это в точности я уже не в силах. Достаточно будет сказать, что Большая Выдра, задав мне очень ловко несколько испытующих вопросов и предупредив, к сожалению, что фотографирование у них запрещено, произнес с чувством удовлетворения: «Ундуш, кибан. (Ладно, сойдите на берег, и мы переговорим)». Я следил за сворой волков-собак позади нас. «С нами женщины, — сказал я по-английски, — может быть, вы привяжете собак». Вздохи облегчения вырвались не только у женщин. Большая Выдра повернулся и сказал мимоходом несколько слов; старая женщина и несколько ребятишек, не проявляя ни тени страха, появились среди свирепых собак и стали их отгонять и тащить в сторону. Собаки послушно исполняли их волю.

Когда мы сошли на берег, вождь торжественно пожал руку каждому из нас, и его суровое лицо осветилось непривычной улыбкой; с удивлением смотрели бледнолицые гости на него — два ряда ослепительно белых зубов так резко контрастировали с его обветренным, смуглым лицом.

Он шел впереди, показывая нам дорогу к лагерю. Собак уже не было видно, но они все еще не могли успокоиться, и мы слышали их рычание. Одна или две темных головы высунулись из вигвама и смотрели в упор на нас. Несколько детишек отбежали на некоторое расстояние, а потом повернулись и разглядывали нас

своими любопытными глазками. Вдали мы увидели двух или трех мужчин. Положение было явно напряженное, и бледнолицые гости стали говорить шепотом. Казалось, что между ними и индейцами была стена непонимания, неосозаемая, но реальная, невидимая, но явно ощутимая.

Большая Выдра сказал несколько слов на своем плавном гортанном языке, и не успели замолкнуть звуки его голоса, как к нам подошел неслышной поступью индеец, обутый в мокасины, и поздоровался со всеми за руку. Он был молод, и его красивое лицо зарделось от смущения. Потом пришли другие индейцы — индейцы разных возрастов, со спокойными лицами, все в бесшумных мокалинах. Они пожали всем руки, торжественно, но бесстрастно и безмолвно. Теперь вышли женщины из своего укрытия и тоже продемонстрировали церемонию рукопожатия. Веселая пожилая женщина, задрапированная в клетчатый плед и с ярким платком на голове, держала в левой руке большой нож и отпускала остроумные, но совсем не враждебные замечания по адресу каждого из гостей. Переложив нож в другую руку, она снова принялась за работу и стала скоблить свежую лосевую шкуру. Глядя на нее, и другие женщины погрузились в свой самоотверженный труд, по-видимому прерванный нашим приходом. Появились дети, застенчивые, улыбающиеся личики, с блестящими черными глазами, полными любопытства. Мальчики подошли решительной, мужественной походкой и с чувством собственного достоинства поздоровались с нами за руку. Маленькие девочки — в широких клетчатых платьицах, с шалью на голове — уселись поодаль от нас и в изумлении перешептывались: «Шаганаш! Гитче Мокомен! (Белые люди! Американцы!)»

Когда туристы начали давать детям подарки, женщины, занятые работой, взглянули в нашу сторону с явным одобрением, и атмосфера недоверия и подозрительности сразу исчезла, словно снег под горячими лучами солнца. Казалось, все было хорошо. И в то же время нельзя было не заметить царившей здесь настороженности. Непроходимые заросли шириной в сто футов, выросшие на месте

вырубленного леса, защищали селение с трех сторон — ни одно живое существо не смогло бы пробраться сюда бесшумно. Через это естественное ограждение были прорублены узкие просеки-тропинки, которые расходились от селения во все стороны. На каждой из этих троп стояли привязанные к длинным ремням собаки. Стоило к ним немного приблизиться, как они бросали на вас взгляды, полные злобы и ненависти.

Это было в двадцатом столетии, но не прошло и нескольких минут, как мы об этом забыли. Время и влияние современной цивилизации были отброшены, как ненужные одежды. Кругом стояли высокие старые деревья, немые свидетели многовековой истории этого края. Типы из коры желтой березы, одни посеревавшие от давности, с закопченными конусообразными верхушками, другие новенькие, ярко-желтые, расположились под темно-зелеными ветвями. Вблизи жилищ сооружены сушилки из жердей, на которых висела разрезанная вдоль рыба и длинные куски лосевого мяса; внизу, посредине, тлел синеватым пламенем костер. Хозяйки варили обед на костре, другие женщины прилежно обрабатывали шкуры. Недалеко от берега озера двое мужчин и женщина заканчивали работу над каноэ из березовой коры — кругом валялись щепки и куски коры. Яркие байковые одеяла — красные, зеленые, белые — проветривались, разбросанные на высоких жердях, и добавляли экзотические тона этой живописной картине. Едкий запах дыма и тихий прерывающийся гомон голосов на старинном, старинном языке. Индейское поселение прадедовского уклада, в подобном же селении, наверно, и Понтиак* лелеял свои мечты о победе. Мы спустились по шкале истории на несколько столетий назад за несколько минут. Туристы в спортивной одежде выглядели нелепо, их речь звучала диссонансом. Они буквально стали анахронизмом в обстановке первобытной жизни индейцев. Несмотря на официальное приглашение в гости, которое мы получили, каждый из нас инстинктивно чувствовал, что есть граница,

---

* Понтиак — индейский вождь племени оттава (1720—1769 гг.).

пределы которой мы не смеем нарушать, ни в коем случае мы не могли позволить себе фамильярности. Какая-то таинственность и сдержанность ощущались во всем, вряд ли это можно было объяснить дикостью. В цивилизованном мире эти люди могли бы показаться странными, неловкими, неряшливыми, из ряда вон выходящими. Но здесь, на лоне Дикой Природы, в своих собственных владениях они были великолепны. Трудлюбивые, они рассчитывали только на свои силы и гордо защищали свое право граждан государства Дикой Природы.

Я стал перебирать в памяти свои встречи с этими людьми. С благодарностью вспоминал, как Большая Выдра делился со мной лосевым мясом. И разве можно забыть старого сказочника Пад-уэй-уэй-дук («Вот он идет с криком»), у него в уголках глаз были нарисованы красные и голубые треугольники, потому что он был ранен стрелой; всю ночь напролет он мог трещать сделанной из панциря черепахи трещоткой; прыгал поздней осенью в реку, когда уже намерзал лед. Я узнал старого Саа-Сабина — «Желтую Скалу», он всегда бродил в одиночку, говорил очень редко и то только поговорками. Тут и Джимми Туенти — редко кто видел, чтобы он ходил, он всегда бежал, быстро семеня ногами. Матодженс («Маленький ребенок») — он колдун, только незлой, предсказывает погоду за две недели вперед. И хотя он обычно напевает под аккомпанемент своего барабана, натянутого волчьей шкурой, он очень приятный собеседник. У Пад-уэй-уэй-дука удивительно стройная дочь, с великолепными длинными волосами, распущенными по плечам; она не подошла к нам, осталась немного в стороне, но не сводила с нас своих испуганных, как у лани, глаз.

Теперь Большая Выдра пригласил нас жестом руки в большой вигвам и сказал: «Войдите и отдохните немного, женщины приготовили вам еду». Это приглашение было очень кстати. Нас угощали жареным лосевым мясом, жареной рыбой, индейским хлебом — баннок — и очень горячим чаем. Внутреннее помещение вигвама было безукоризненно чистым, на столбах висели пучки

душистых трав и разные корни, распространявшие своеобразный аромат. Две молодые женщины исполняли роль хозяек. Гости уселись — по индейскому обычаю — на полу, застланном свежими зелеными ветками, и ели с аппетитом из жестяной посуды.

Некоторым из туристов уже приходилось знакомиться с жизнью индейцев, но был с нами спортсмен, который признался, что «обед на ковре из зеленых веток, в вигваме тайной индейской деревни — было осуществлением давнишней мечты». Наши спутницы попросили, чтобы кто-нибудь из индианок рассказала бы о себе. После настойчивых уговоров одна из них согласилась. Оказалось, что она никогда не видела ни большого города, ни поезда, и ей было безразлично, увидит ли она их когда-нибудь или нет. Дальше началось полное непонимание друг друга, и мне как посреднику и переводчику пришлось лавировать, делать дипломатические увертки и в меру своих сил импровизировать, чтобы не порвать дружественных отношений.

Тепло и тишина вигвама подействовали успокаивающе на гостей, утомленных путешествием, и несколько человек задремало. Другие сидели, прислонившись спиной к стволу дерева, на подстилке из сосновых игл или же на бревне у очага и с удовольствием курили. В вигвам вбежал мальчик, в руках у него был лук, согнутый из кедровой ветки, за поясом три куропатки; он ловко очистил их от перьев и повесил над тлеющим очагом.

Вечерело, жара начала спадать. Две белки с бешеной быстротой промчались по лагерю и, взметнувшись на дерево, все кружились и кружились по стволу с дикими криками, как будто перебранивались друг с другом. Сойка беззвучно появлялась в воздухе то здесь, то там; она доверчиво летала, и никто ее не трогал.

Невозмутимая тишина водворилась в лагере. Вечерняя прохлада и сырость уже начали пронизывать воздух, из-за деревьев и со стороны опушки леса стали расползаться тени. День быстро угасал, и на обратном пути нам должна была светить луна. Мы разбудили уснувших и сели в лодку. Никто не попрощался с нами, но вождь проводил нас до причала. Я поднял руку в знак

прощального приветствия, и, как бы в ответ, Большая Выдра сказал мне: «Ки сакитон на ки до мокомен? (Дорожишь ли ты своим ножом?)» У меня за поясом был обыкновенный охотничий нож, по тому времени хорошего качества. Я ответил, что очень дорожу своим ножом, он мне настолько дорог, что никому не хочу отдавать его. Но, добавил я, так как ты мой брат, я отдам его тебе. (Что я и сделал. Я отдал нож вместе с поясом и ножами.)

Отчалив от берега, мы все замерли, зачарованные дикой красотой природы. Красное солнце наполовину спряталось за черную стену леса. Тесными рядами стояли легионы сосен, сливаясь с тенями уже потемневших холмов.

Пара гагар, сверкая своей белой грудью, плыла так тихо по воде, что казалось, будто они плыли в воздухе. Тоненькие струйки дыма поднимались из очагов вигвамов и стелились белым покровом над Тайным Городом. Скоро возшла луна, бледная и очень близкая к земле, и на ее широком светящемся фоне встала черным силуэтом сосна. Где-то вдали прокричала сова.

Мы плыли все дальше и дальше от сказочного Тайного Города, с его обычаями далекого прошлого, с тихими и нелюдимыми обитателями, загадочными и таинственными, как темный бор, в котором они родились. И когда мы переплыли озеро и очутились среди скалистых берегов узкой реки, к нам донесся протяжный, заунывный вой собак-волков, приветствовавших полнолуние, как это делали их дикие сородичи с незапамятных времен.

Глубокой ночью в тихом воздухе раздался едва различимый звук, настойчивый, все повторяющийся, монотонный, — ритмический бой индейского барабана.

СОСНА

(Рассказ-легенда)

Под утро роса стекала каплями с игл сосны, и казалось, что падали слезы на человека и на умолкшее поле битвы.

Возраст дерева можно точно опеределить по ствольным кругам: сколько кругов, столько и лет дереву.

Шестьсот пятьдесят лет назад, а может быть, немного раньше или позже, белка подобрала сосновую шишку, которую она только что сбросила вместе с десятком других шишек с вершины дерева, растущего на ближнем холме. Белка понесла эту шишку в потайное место на перевале Скалистых гор, где уже начала складывать на зиму самые сочные и спелые шишки. Когда белка добралась до своей кладовой, то отвлеклась чем-то, выронила шишку, а потом забыла о ней.

Должно быть, уже двена-

дцать шишек натаскала белка, но кладовая еще не была полна и осталась неприкрытой. Дождь и ветер постепенно разбросали шишки на расстояние нескольких футов друг от друга. Они благополучно перезимовали, на следующий год семена пустили корни и дали побеги, став крошечными сосенками. И сразу каждый побег потянулся к солнцу, стараясь перегнуть в росте своего соседа, потому что от солнца зависела его слабенькая жизнь. Деревца росли быстро, участвуя в состязании, довольно жестоком для таких нежных, маленьких существ. Некоторые из них росли медленнее других — они были затенены своими более сильными братьями, стали чахнуть от недостатка солнечного света и скоро погибли. Пять лет спустя всего семь или восемь сосенок выжило — они стояли врассыпную и выглядели весело и бодро.

В один из осенних дней того года пришел олень. Он полакомился нежной верхушкой одной из сосенок и общипал молодые побеги на ее ветках. Когда пришла зима, нагрянули кролики — их было много в тех краях, они ободрали кору на двух-трех деревцах очень тщательно по всему стволу, куда только могли дотянуться. И эти сосенки тоже погибли.

Прошло еще пять лет. Уже лето было на исходе, когда сюда повадился ходить лось. Он облюбовал себе молодую сосенку из знакомой нам семьи и постоянно приходил и почесывался о ее тонкий ствол головой, чтобы очистить молодые рога. В конце концов он повалил ее вместе с другими деревцами, которые росли поблизости.

Через двадцать лет молодые сосенки стали уже стройными деревьями и могли бы прожить еще много лет, до самой старости, если бы не забрел в эти места дикий кабан и не ранил их смертельно: он ободрал кору с каждого дерева, кроме одного. Кабан задержался здесь ненадолго, он побрел дальше в поисках более интересных и богатых лесных участков.

Оставшись одна-одинешенька, молодая сосна уже не служила больше приманкой для диких зверей и целую сотню лет росла спокойно и набирала силы, пока наконец не превратилась в заме-

чательно красивое дерево. Но из-за того, что сосна росла на открытом месте, на высоком обрывистом перевале Скалистых гор, у подножия которых простиралась прерия, она была коренастая, с могучим стволом и широко распростертыми ветвями, хотя и не очень высокая; юго-восточные ветры дули из прерии, то и дело трепали и гнули ее вершину, а ветви ее, словно огромные темные руки, в стремительном жесте всегда были направлены на север.

Сосна устояла против ужасных ветров, временами свирепых, как смерч, постоянно дувших на нее. Засуха, ливни и снежные бураны — все разрушающие стихии — пытались погубить ее, вырвать с корнем, сломать. И несмотря ни на что, она росла и росла и даже, казалось, чувствовала себя отлично в этих условиях. Постоянная борьба за существование выработала в ней необыкновенную выносливость, и она жила и жила. Она прожила около двух веков; ствол ее разросся до огромных размеров в обхвате, а гигантские ветви, будто маленькие деревья, сучковатые, искривленные, переплетались друг с другом и свешивались до земли, образуя просторный тенистый шатер, который манил к себе пробегавших мимо зверей: летом они прятались здесь от жары, а зимой — от снежной выюги.

С незапамятных времен разные звери направлялись к этому перевалу, потому что здесь было удобно проходить. Перевал представлял собой довольно ровную площадку шириной до двухсот ярдов. И звери приходили сюда то в поисках добычи, то просто брели. Но теперь здесь выросло дерево — тенистая, развесистая сосна, и незаметно она начала влиять на направление их пути. Животные, как и люди, путешествуют по определенным тропам — от одного приметного места к другому. Часто следы зверей видны на необычайно высоких скалах или же в лощинах, покрытых богатой древесной растительностью, на большой бобровой плотине, а также в местах, где образовался особенно удобный брод. Хорошо заметные тропы прокладываются между такими местами.

Перевал был последним звеном в цепи излюбленных зверями мест в конце длинного утомительного путешествия по горам. И в то же время он был истоком пути, если путешествие начиналось из прерии. Могучая сосна со временем стала обетованным местом, в своем роде Меккой, куда устремлялись все звери, путешествующие взад и вперед и отдохавшие в ее тени. Набравшись сил, они продолжали свой путь, быть может, с каким-то неясным чувством благодарности и дружбы к одинокому дереву. Это место привлекало еще чудесной горной поляной, которая, словно зеленый ковер, стелилась вокруг сосны. Там пестрели цветы, и созревали ягоды — было чем полакомиться, — и журчал горный ручей, где водилась форель.

По звериной тропе, которая постепенно сделалась гладко утоптанной и хорошо заметной, проходили порой удивительные звери. Огромный лось — вожак стада, степенно передвигающегося, словно длинная процессия, был завсегдаем у подножия нижних холмов. И каждый год, когда первые заморозки покрывали золотом и бронзой листья осины, он приходил на поляну и располагался стойбищем со своим стадом. Отсюда раздавался на весь мир его тревожный трубный клич. Но пришло время, когда вожаком стал другой лось, — в ту осень он провел свое стадо через перевал, даже не остановившись у сосны.

Как-то раз забрела сюда свора степных волков — койотов, — эти хищники редко встречаются на такой высоте. Свирепые и осторожные, с разбегающимися косыми глазами, они вскарабкались по склону горы, потоптались с беспокойством на поляне, потом легкими, пружинящими прыжками убежали прочь и больше сюда не показывались.

А однажды пришел на поляну медведь-гризли, настоящий великан. С тех пор он повадился сюда ходить довольно часто. По своему характеру он был добродушным зверем, но стоило его рассердить, и он делался свирепым и опасным. Он был королем этих гор, грозой для всех обитателей окрестных мест. Когда он поднимался на задние лапы, на груди его отчетливо вы-

делялась серебристая подкова, словно королевская эмблема. Огромный зверь — восемь футов от носа до хвоста, четыре фута высотой, если мерить до плеча, с громадными клыками — казался ужасно сильным. Но он не нападал и не ссорился напрасно и больше всего любил тишину, часто грелся на солнце, питался корнями и ягодами, да еще рыбой, которую ловил в горном ручье, протекавшем возле поляны. Пообедав хорошенько, он ложился под дерево, облизывал свои лапы и дремал, и, быть может, ему даже снились сны.

Он подолгу пристально смотрел вниз, где простиралась привольная прерия, уходящая в бесконечную даль. Время от времени по просторам прерии темным потоком передвигались черные ревушие массы, они застилали холмы и долины словно движущимся ковром. Иногда вдоль края этих передвигавшихся потоков живых существ поднимались облака пыли, и до перевала доносился едва различимый, далекий вой волков, потом более пронзительный, более дикий звук, и бой барабанов, и ритмический гул. Медведь проявлял тогда явное беспокойство.

Что же там происходило? Это передвигались сплошным черным потоком бесчисленные стада бизонов в сопровождении свор койотов. Высокие меднокожие люди спешили сюда легкой походкой; они собирались здесь целыми племенами и загоняли бизонов в наскоро сколоченные корали и там убивали их, стреляя из лука. Это происходило еще в те далекие времена, когда у индейцев не было лошадей.

Медведь все видел и слышал. Но никому не известно, что за мысли роились в его голове, какие чувства волновали могучего зверя, когда он долго всматривался своими маленькими пронзительными глазами в ту далекую, неизвестную ему страну с ее необъятными просторами и незнакомыми обитателями. То не были родные места гризли, и он никогда туда не ходил. А могучая сосна, великан среди деревьев и тоже старая, как и он сам, стала для него как бы тихой пристанью — ему не было теперь так одиноко. Ему казалось, что сосна живая и что она его друг, хотя

и была такая тихая и никогда не двигалась с места. В знак дружбы он сделал заметку зубами на стволе сосны.

И сосна, которую никто не трогал с того самого дня, когда четыреста лет назад кролики ранили ее своими крошечными зубами, вдруг почувствовала неведомую радость: теперь она знала, что в ней теплится жизнь. Когда медведя не было, земля у ее корней казалась такой голой и пустой; но как только старый гризли возвращался и занимал свое привычное место, сосна трепетала ветвями от радости. А медведь лежал довольный, успокоенный в тени любимого дерева и глядел на бескрайнюю прерию, которая уходила в неведомую даль.

Эта удивительная дружба длилась почти полвека. Теперь гризли стал старым, очень старым... Наконец пришла весна, когда он все дольше и дольше лежал, прислонившись к стволу сосны, а к концу лета почти не вставал со своего места, если не считать коротких прогулок за ягодами или же к ручью, чтобы напиться; сил охотиться за форелью у него уже не хватало.

Листья быстро желтели, краснели, и лес заиграл волшебными красками осени — была пора индейского лета*. В дымке тумана суровые очертания гор вырисовывались мягче. Как-то раз перед самым листопадом, когда медведь лежал, прислонившись к стволу дерева, и прислушивался к тихим напевам ветра, игравшего среди ветвей, загадочная привольная прерия, которой он так часто любовался, показалась ему как бы застланной туманом и более далекой, чем всегда. Он очень устал в тот день... Но вот он почувствовал чудесный покой во всем теле, и его стало клонить ко сну... Широкая равнина поблекла и исчезла. И шепот сосны звучал все тише и тише, как будто доносился откуда-то издалека, пока, наконец, не замолк.

Медведь умер.

Горькая судьба была у старой сосны: все, кто ее любил, уми-

---

* Индейское лето — это теплая пора осени, наше бабье лето. (Прим. перев.)

рали, а она продолжала жить в печальном ожидании, что последний из друзей умрет... И вот она стояла одна на горном перевале, суровая, как бессменный часовой.

После смерти медведя орлы свили гнездо на ее вершине — король и королева воздушного пространства. Они кружились высоко над скалами с удивительной легкостью; парили в поднебесье, описывая все более и более широкие круги, поблескивая крыльями в лучах солнца. Каждый год у птиц появлялись орлята, и гнездо на вершине сосны с его молодыми обитателями было предметом постоянной заботы двух королевских птиц. И сама сосна оберегала их пока, наконец, сотню лет спустя гнездо не опустело. Но прилетела другая орлиная пара. С тех пор орлы всегда гнездились на этом дереве.

Сосна все старела и старела, все шире и шире разрастался ее ствол. Рана на стволе, нанесенная медведем, зажила, но не совсем — на том месте выступал шрам, он так и остался навсегда. Ее великолепная пурпурово-красная кора становилась все толще, а громадные ветви — более сучковатыми и широко распростертыми; с годами корни разрастались и крепили. В ясное летнее утро восходящее солнце освещало толстую, изрезанную глубокими морщинами кору и согревало дерево живительным теплом. Когда утренний ветерок набегал и играл среди ее иглистых ветвей, казалось, что они шептали и напевали тихую песню благодарности владыке жизни — Солнцу.

Индейцы, кочевавшие в прерии у подножия Скалистых гор, тоже поклонялись Солнцу. В их представлении Солнце не только давало жизнь, но и помогало бороться за жизнь. Оно сгоняло зимний снег и заставляло расти травы и цветы, чтобы украсить прерию, лишенную древесной растительности. Так думали индейцы племени блэкфут (черноногих). Они часто любовались сосной, такой могучей и гордой, — ее темный силуэт так отчетливо и дерзко вырисовывался на фоне гор, увенчанных снеговыми вершинами. Они диву давались, как сосна могла вырасти до таких огромных размеров; что даже им, индейцам, обитателям прерии,

она была видна. Издавна кочуя по тем местам, откуда была видна чудо-сосна, такая старая, что никто не знал, когда она тут выросла, индейцы невольно связывали свою судьбу с судьбой вечнозеленого великана. Так было с незапамятных времен. У индейцев племени черноногих существовало поверье, что, пока стоит сосна на перевале гор, никто не прогонит их из родной прерии. А если индейцы погибнут, то и сосна погибнет. И они смотрели на дерево с чувством благоговения.

Прошло пятьсот восемьдесят лет с тех пор, как белка в минуту забывчивости уронила шишку и, сама того не зная и не понимая, посадила удивительную сосну. И только теперь, впервые за свою жизнь, сосна оказала гостеприимство человеку.

Юноша из племени черноногих, перед тем как принять посвящение в воины, дал обет, что проведет пять дней и пять ночей под сенью старой сосны в посте и размышлениях, чтобы очистить свою душу от зла. Быть может, за эти ночи он увидит сон, и, когда вернется домой, его сон разгадают мудрые колдуны. Тогда, если он выдержит испытание, которое будет очень суровым, его посвятят в воины. И он мечтал, что черноокая подруга выслушает признание в любви и согласится войти в его новый красивый вигвам. Она разделит с ним славу — он всем сердцем надеялся, что заслужит ее в надвигающейся битве с бледнолицыми чужеземцами, которые уже начали отнимать у них землю.

И молодой человек поднялся на гору и постился пять дней и пять ночей у подножия священной сосны. А старое-престарое дерево, наверное, удивлялось: почему он не ел — ведь все живые существа, которые приходили сюда, всегда ели. И сосне стало жаль юношу, и она распростерла свои тенистые ветви, и чудилось, что она напевает ему тихую, нежную песню.

Пять дней сидел юноша в размышлениях, устремив взор вниз, на родную прерию. Зоркими глазами он выискал лагерь и даже вигвам любимой девушки, которая с нетерпением ждала его возвращения: так, по крайней мере, он надеялся, но мог ли он в этом быть уверенным: любовь девушки такое скрытое чувство.

Вечером, ложась спать, юноша клал себе под голову вместо подушки череп медведя, который он нашел здесь, под сосной. И стоило ему заснуть, как разные звери, дикие обитатели здешних мест, подкрадывались к нему, смотрели на него с любопытством, удивляясь: кто мог появиться в этих краях? Юркие мышата, с глазами как бусинки, то выбегали, то прятались в норки. Усаживались, выпрямившись, обнюхивали его, а некоторые даже бегали по его ногам. Белки-летяги, словно бледные тени, парили бесшумно в воздухе прыгали с ветки на ветку над самой его головой. Лисица с настороженными ушами, с вытянутым рыльцем, щеголяя роскошным хвостом, проследовала мимо легким, семенящим шагом. А один раз лунной ночью появились олени карибу и бесшумно, как привидения, пересекли поляну.

У индейцев был обычай выбирать себе в покровители животное, которое явилось в сновидении во время поста. Это животное становилось символом мужества — тотемом и изображалось красками на щите. Никто из животных, навестивших юношу во время сна, не приснился ему. А приснился огромный серебристый медведь. Он стоял на задних лапах перед ним и махал передними, словно пытался что-то передать*. Это было счастливое предзнаменование, и юноша решил, что медведь будет его покровителем, его тотемом. Потом он нашел под деревом два орлиных пера, выпавших из гнезда с вершины сосны, — они могли пригодиться ему при посвящении в воины.

С чувством благодарности юноша сделал метку на стволе сосны своим томагавком — длинную узкую зарубку рядом с еще не зарубцевававшейся раной, которую давным-давно оставил медведь. И на короткий сухой сучок он повесил череп медведя, предвзвительно положив в него щепотку табаку — священный дар; потом связал челюсти тонким волокном от корня сосны. Это было счастливое место для молодого индейца. Уходя, он тепло побла-

---

* Такое поведение характерно для канадских медведей-гризли. (Прим. автора.)

годарил дерево, сказав ему несколько приветливых слов на прощание. И сосна затрепетала от радости, когда юноша вешал череп медведя на ее сук, — словно старый друг вернулся, и она радовалась приветливым словам нового гостя. Первый раз за всю жизнь старая сосна услышала вблизи голос человека; после сотен лет ожидания к ней пришел наконец новый друг.

После посвящения в воины индеец пошел навестить черно-оую девушку. Она приняла его тепло, гордясь им, — ведь он с таким мужеством прошел тяжелые испытания: об этом красноречиво говорили открытые раны на его груди*. Она радовалась, что ее жених честно выполнил обет и постился пять дней и пять ночей, а не пошел на обман, как это делали некоторые молодые люди, запасаясь на время поста кусочками вяленого мяса. И она больше не противилась ему, и он услышал ответ, которого так долго ждал... Закрыв лицо шалью, как это принято у индейских девушек, она в смущении протянула ему руку и прошептала обещание. И ей захотелось посмотреть на то место, где ее жених постился пять суток и которое так полюбилось ему.

И вот в солнечный день Месяца Ягод они простились с родителями, как будто уезжали в далекую страну, на самом же деле молодые отправились в соседние горы — на перевал, где росла старая сосна, чтобы провести там медовый месяц. Под ее тенистым шатром, на лужайке, усеянной цветами, они разбили вигвам из шкур бизонов. Несмотря на то, что подъем был крутым, они захватили с собой много домашней утвари, так как везли свое имущество на траву — тележке-волокуше, запряженной лошадьми. Уже несколько поколений индейцев, кочевавших на просторах Великой Равнины, занимались охотой на мустангов — одичавших лошадей, брошенных бледнолицыми исследователями с Юга.

Когда супружеский лагерь был разбит и лошади вернулись

---

* Здесь речь идет о ритуальном танце, который танцуют юноши во время посвящения. Будущего воина привязывают к столбу тонкими ремешками, продернутыми через петли, надрезанные на его теле. Во время танца юноша резким движением должен оторваться от столба. (Прим. перев.)

с пастбища, молодой воин принес своей жене форель, которую поймал в ближнем ручье, и ягод с поляны; принес он и букеты цветов для убранства вигвама, свежей оленины и еще сосновых ароматных веток для постели. Он нарвал вишневых листьев, подсушил их немного у костра и сделал из них душистую подушку для любимой. А потом разжег большой костер, надел на голову повязку с двумя орлиными перьями и нарядился в самый лучший костюм, вышитый бисером и украшенный бахромой. Это был подарок молодой жены — она готовила его тайком и терпеливо вышивала, веря, что счастливый день настанет.

Юноша вынул из пестрого мешочка небольшой барабан, расписанный яркими узорами, и запел; он обещал в своих песнях, что станет вождем, а она, сидя рядом у костра, слушала его с волнением и разделяла надежды; руки ее, привыкшие трудиться, усердно чистили скребком шкуру только что убитого оленя, над пламенем она вялила оленину, варила ягоды и жарила форель.

Они были очень счастливы. Дерево заботливо простирало над ними ветви и посыпало землю хвоей, выстилала мягкий ковер.

Но вот словно какой-то стон раздался в густой зелени ветвей. Старая сосна знала, что, как все живые существа, которые гостили у нее, и эти двое не проживут долго; она переживает их и снова будет одинока — такова была ее судьба: жить и жить, в то время как другие умирают... И сосне захотелось сделать молодых счастливыми, пока они подле нее.

Как-то ночью юному воину приснилось, что около вигвама сидел огромный бурый медведь с серебристой меткой на груди. И так живо было сновидение, что юноша встал и выглянул из вигвама. Не найдя никого, он снова лег спать. Наутро он ничего не сказал жене о своем сне, боясь ее испугать. Она же, едва успев открыть глаза, начала рассказывать ему, что видела во сне огромного бурого медведя со светлой меткой на груди, которая напоминала выгнутый кверху лук и отливала серебром. Медведь сидел перед вигвамом, освещенный луной, и жестикулировал пе-

редними лапами, словно пытался что-то сказать. Тогда воин признался, что и ему тоже приснился медведь, что это, должно быть, вещий сон и что гризли надо немедленно сделать жертвоприношение, чтобы умилостивить его дух, — ведь медведь был покровителем молодого индейца. И юноша положил оставшийся у него табак в череп медведя, привязал, как знамя, свой самый красивый кушак, расшитый бисером.

А сосна затрепетала от радости всеми своими ветвями, и индеец думал, что и дух медведя тоже радовался.

С тех пор он всегда рисовал медведя на своем щите и на колчане, а жена вышивала бисером этого зверя, украшала праздничную одежду мужа, предназначенную для торжественных церемоний. И какую бы одежду ни надевал воин, на ней всегда можно было разглядеть неяркое изображение медведя или коричневые тона естественной окраски зверя.

Позже индеец ежегодно совершал свое путешествие к перевалу в горах, где росла старая сосна, и проводил ночь у ее подножия. И снова, и снова ему снился медведь, будто охранявший его во время сна. И каждый раз юный воин приносил дары, чтобы поблагодарить дерево и умилостивить дух медведя. Это бывало всегда летом, в ту пору, когда созревали ягоды. И каждый год он обновлял свою зарубку на стволе сосны, очищал от смолы шрам незажившей раны со следами зубов медведя и никогда не забывал положить табак в череп.

Но однажды индеец появился в необычном виде. Он пришел обнаженным, лишь в поясной повязке, да вокруг талии затянут кушак, расшитый бисером, на котором висели широкие ножны; ноги обуты в мокасины. Лицо и тело его были расписаны малиновой, желтой и белой краской в каком-то причудливом узоре. Повязка из орлиных перьев высокой короной украшала голову, а длинные концы ее крыльями спускались на спину. В руках воин держал длинную трубку, украшенную орлиными перьями и иглами дикобраза.

Прошло уже двадцать лет с тех пор, как индеец юношей впер-

вые посетил горный перевал. За эти годы он совершил много военных подвигов, сбылась его юношеская мечта — он стал вождем. Теперь он пришел сюда, взволнованный очень тревожными событиями, ему необходимо было излить свою душу перед деревом и просить помощи у медведя-покровителя, которого он называл Братом.

Наступили тяжелые дни. Назавтра ожидали большое сражение с бледнолицыми — они наводнили прерию шумными толпами и отнимали землю у индейцев, от битвы с ними зависела судьба его родовой группы.

Индеец зажег свою трубку и, держа ее в вытянутых руках, повернулся сначала на Восток, потом на Запад, на Север и на Юг. Вот он поднял трубку вверх, к Солнцу, которое боготворил, и опустил вниз, к Земле, он называл ее Матерью. Потом он закурил и выпустил дым сначала между ветвями сосны, а затем в череп медведя. Отступив на шаг, поднял руки в умоляющем жесте и склонил голову, украшенную трепещущими орлиными перьями.

В тишине раздался его звучный голос:

— О ты, великое Дерево, страж гор.
О ты, дух Медведя, мой Брат.
Вы — мои покровители.
Выслушайте меня.
Только об одном прошу вас:
сделайте меня сильным в битве.
Помогите моему ножу и топору сразить бледнолицых,
когда они станут отнимать наши дома.
Дайте силу моим рукам,
чтобы они не устали сгибать лук
и пускать меткие стрелы в врага.
Помогите быть храбрым на поле битвы.
Не для себя я об этом прошу.
Не ради славы буду теперь сражаться,
но ради спасения моего народа,
моих детей и моей жены.
Бледнолицые разбрасывают индейцев,
как буря снежные хлопья.
Солнце индейцев на закате,
а Солнце бледнолицых высоко.
Как хлопья прошлогоднего снега,
мы исчезаем.
Сделайте меня сильным в битве.
Вы — мои защитники.

о мой Братья,
услышьте меня!

И старая сосна заколыхала своими ветвями, из ее густой зелени словно вырвался вздох и послышался шепот: «Мужайся, мы с тобой».

А среди теней почудился шепот духа медведя: «Я буду рядом с тобой, я могуч в битве».

Совершив жертвоприношение, индеец поспешил вниз по склону горы в прерию, к своему народу. По пути ему показалось, что из темноты, откуда-то позади него, доносились глухие звуки шагов огромного зверя, который шел вслед за ним. И воин сказал:

— Мой Брат медведь следует за мной.

И это придавало ему храбрости, и он стал обдумывать план битвы, которая надвигалась.

Вбежав в вигвам, где собирался совет вождей, он воскликнул:

— Начнем военный танец! Быстрее делайте приготовления, и мы победим. Наши надежды очень сильны сейчас. Пусть юноши распишут себя боевой краской. Бейте в барабаны, трещите трещотками, свистите в свистки... Пусть раздается военный клич: «Мужайтесь, завтра мы победим!» — И он снова воскликнул: — Мужайся!

Это был пароль, который, ему чудилось, он услышал от медведя в горах.

Но, когда на рассвете появились бледнолицые солдаты, оказалось, что они лучше вооружены, превосходили индейцев численностью и лошади их были сильнее. Своими ружьями, револьверами, саблями они сеяли смерть в индейском лагере, никого не щадя. Солдаты стреляли в женщин, несущих младенцев за спиной, иногда одной пули было достаточно, чтобы убить двоих. Они косили саблями девушек, юношей, стариков и детей, когда те пытались бежать. Убийства сопровождалось хохотом и бранью этих извергов в голубых мундирах. Теснимые бледнолицыми, индейцы в отчаянии бежали в горы, к перевалу. Солдаты, преследовавшие их, не смогли туда перевезти свои пушки, а крупные лошади ка-

валеристов не в силах были подниматься по крутым склонам гор с быстротой индейских пони.

Индейцы разнуздали своих маленьких лошадей и отвели их на пастбище в безопасное место на перевале, а сами сражались пешие. Меткими стрелами они косили солдат одного за другим, потом настигали их в засаде, отнимали оружие, амуницию и продолжали сражаться в горах, повернув ружья бледнолицых против них самих.

А потом на поляне, где росла сосна, произошла решающая битва. Индейцы сомкнулись дружно вокруг священного дерева, и оно оказалось в центре битвы. И в самый разгар боя вождь все время чувствовал рядом с собой медведя, но только не того, спокойного, миролюбивого, а быстрого, ужасного, грозного. И от этого рука его становилась более твердой, с каждым ударом томагавка он набирал новую силу, и никто не мог устоять в борьбе с ним. «Как медведь», — шептались индейские воины между собой.

А грозное эхо битвы грохотало и металось между сосной и скалами, и казалось, что и дерево и скалы были тоже участниками битвы. Орлы описывали широкие круги, парили с криками над политой кровью землей.

И высоко над пороховым дымом, пылью и грохотом возвышалась сосна — величественная, спокойная и суровая, словно полководец, который наблюдает с высоты и обдумывает план сражения.

Успех перешел на сторону индейцев. Они сражались ожесточенно, отчаянно, мстя за гибель своих семей. Теперь у них были сабли, пистолеты, ружья, и они бились с врагом не на жизнь, а на смерть. Солдаты тоже были храбрыми, но их связывали в движениях тяжелые сапоги и узкие мундиры, и они не могли состязаться в быстроте и ловкости с обнаженными краснокожими.

Индейцы вышли победителями — предсказание вождя сбылось. И он рассказал собравшимся воинам, как помогло им могучее дерево и как дух медведя сражался ожесточенно бок о бок с ними. И каждый из оставшихся в живых индейцев принес свой

дар к подножию сосны. Теперь она стала дважды священным деревом: под ее сенью произошла последняя отчаянная битва, которая принесла им победу. Череп медведя все еще висел на ветке, он был украшен, как гирляндами, затейливо вышитыми бисером поясами. Оперенные украшения, расписные щиты, военные сумки и другие ценные вещи были положены к стволу дерева или же повешены на его ветках в знак благодарности.

И этому не стоило удивляться. Уже давным-давно мудрые старцы племени черноногих предсказали, что, пока живет Дерево, и они будут жить, но если Дерево погибнет, они будут изгнаны с Великой Равнины. И еще говорилось в предсказании, что, если черноногим суждено погибнуть раньше или же покинуть эти места, Дерево рухнет на землю. А вот теперь под его священной сенью они одержали победу.

Но сердце сосны было встревожено, и душа медведя печальна. Что будет, когда воины вернутся в свой лагерь и начнут считать убитых?

Там, среди сорванных вигвамов и дымящихся пепелищ, лежали истерзанные трупы женщин и детей. И среди них вождь разыскал свою жену и двух юных сыновей. Скорбь народа была так велика, что он не обмолвился словом о своей безвозвратной утрате, безутешном горе.

В сумерках он покинул разоренный, опустошенный лагерь и поднялся по склону горы на место битвы. Он остановился молча под сенью дерева. Тяжелые вздохи отчаяния вырвались из его груди, когда нахлынули воспоминания. Здесь он провел счастливые дни медового месяца. И образ черноокой девушки, такой нежной и застенчивой, доверчиво переступившей порог его вигвама и одарившей его счастьем, возник перед ним как живой. Он с трудом сдерживал рыдания. Овладев собой, вождь приветствовал дерево и медведя четким торжественным жестом, поблагодарив за победу.

Да, такая была победа! Он бросился ничком на ковер из опавшей хвои, посреди даров благодарности, принесенных воинами,

и, уткнувшись лицом в корявый корень сосны, зарыдал. Теперь он уже не был воином, он был просто человеком.

Кругом царила смерть, и никто не увидел его горя. Лишь огромные ветви сосны ласково склонились над ним, и тень медведя появилась рядом — гризли сидел совсем неподвижно и пытался что-то сказать, но не мог — видно, от горя.

Под утро роса стекала каплями с игл сосны, и казалось, что падали тихие слезы на человека и на умолкшее поле битвы. Сюда пришла Победа. Но она затерялась на этом горном перевале и была предана Забвению.

Бледнолицые нахлынули на землю индейцев в таком бесчисленном множестве, что небольшие отряды кочевников не в силах были выдержать их натиск. Индейцев уничтожали безжалостно. Там, где бледнолицые не могли покорить справедливой войной и силой закона, они нарушали договоры, разоряли страну, подвергали людей изгнанию, спаивали индейцев, приучая их к виски. В короткое время были целиком уничтожены огромные стада бизонов, безжалостно подорван родовой строй индейцев, искоренены их обычаи, верования, их язык и искусство.

Волна переселенцев, приехавших почти со всех концов света в поисках земли, наводнила страну, как саранча, и заполонила ее. Высокомерные и жадные, они уничтожали всех, кого не могли подчинить себе, и все, что не могли использовать. Дым от лесных и степных пожаров заслонил полуденное солнце. Огромные территории страны мало чем отличались от бойни, потому что бескрайние прерии теперь были почти непроходимыми из-за ужасного зловония, распространяемого миллионами убитых бизонов. Тысячи осиротелых телят, чьи шкурки не годились охотникам-спекулянтам, умирали от голода.

Те немногие индейцы, которые выжили, стали бездомными в своей собственной стране и были загнаны в резервации. Здесь они находились под властью правительственных чиновников —

агентов, которые мало что знали об индейцах и не всегда отличались честностью. Началась горькая и безнадежная борьба, в которой некоторые индейцы опозорили себя, став перебежчиками; одни с овечьей покорностью, другие с низким раболепством, в зависимости от темперамента, помогали врагу в кознях против своего народа. Всякого рода подонки, порой мало чем отличавшиеся от наемных убийц, занимались охотой на индейцев и проявляли ничем не оправданную жестокость, какая бывает у отъявленных негодяев, которым терять уже нечего. Они же вербовались на службу разведчиками и проводниками при военных отрядах колонизаторов. Изредка встречались в этой роли и порядочные люди, полюбившие суровую жизнь на индейской границе. Однако слишком много было злостных убийц, удовлетворявших свои преступные страсти, не рискуя быть вздернутыми на виселицу.

Враги убивали друг друга без разбора, с несказанной жестокостью: одни боролись за то, чтобы захватить, другие — чтобы не отдать залитую кровью землю. И люди и животные, обитавшие в прерии, измучились, потеряли доверие друг к другу и не подпускали к себе близко. И, кто знает, быть может, чувство полной безнадежности нередко толкало людей на измену.

В пограничных городках, размножавшихся как грибы, тюрьма и ночной кабак были нередко главными зданиями; здесь, среди колонизаторов, выросло целое поколение разбойников и головорезов, которые терроризировали население, убивали и грабили, бунтовали против установленных законов и порядков*.

А индейцы, обездоленные и обессиленные, молчаливо наблюдали, как бледнолицые ссорились и дрались между собой из-за обладания землей, которая не принадлежала никому из них.

Цивилизация пришла на Запад, но Запад теперь одичал. «Ди-

---

* И теперь, когда я пишу эти строки, мало что изменилось. Разница лишь в том, что арена действия этого разбоя передвинулась дальше на Восток и что воинствующие искатели приключений измелчали. (Прим. автора.)

кий Запад», воспеваемый в песнях и прославленный на страницах романов и повестей, был в зените своей славы.

Вековечная сосна была свидетельницей всех перемен, но, казалось, оставалась безучастной. Она стояла неподвижно на перевале гор, суровая и безмолвная.

Много лет спустя после исторической битвы, теперь уже давно забытой, старый человек поднялся по тропе, которая вилась по цветущему лугу горного перевала. Человек шел очень медленно, неуверенным шагом, как ходят люди, чьи силы иссякли и жизненный путь подходит к концу. Когда он подошел к одиноко стоявшей сосне, перед которой расстилалась там, далеко внизу, бескрайняя равнина, он сел на один из выступавших корявых ее корней, и, погрузившись в раздумье, долго смотрел вдаль.

Он увидел там жилища людей, разбросанные повсюду, но только не индейские вигвамы, а деревянные дома бледнолицых, — они стояли на земле, разделенной на правильные квадраты, подобно шахматной доске. Стада бизонов, которые передвигались в былые дни по пастбищу, словно движущийся ковер, уже не оживляли больше прерию. От них остались лишь кости, сваленные в огромные кучи, целые горы костей; местами кости были выложены в высокие, широкие штабеля вдоль железной дороги, чтобы удобнее было погрузить их и отправить на удобрение. Старик хорошо это знал, потому что сам все видел.

И он сидел молча в печальном раздумье, и взгляд его был устремлен на бескрайние просторы равнины.

Охотничьи тропы былых лет теперь превратились в дороги. Сначала пришли звероловы с капканами, они излазили все и проникли в самую глушь, проложили тропы к местам, ранее считавшимся недоступными. Потом появились землепроходцы-разведчики. Надо сказать, что эти «разведчики» редко шли впереди, обычно они следовали по стопам звероловов, но это не мешало им присваивать себе честь первооткрывателей неизвестных мест, которые

часто даже назывались их именами. Вслед за ними один за другим приходили топографы, геологи, миссионеры, земельные агенты, торговцы виски, ковбои. И вряд ли кто из них догадывался, за исключением разве звероловов, что тропа, по которой они странствовали, целиком обязана своим существованием старой одинокой сосне, манившей усталых путников под свою тень.

Преобразование звериной тропы в тропу, по которой передвигались вьючные животные, а потом в проезжую дорогу произошло быстрее, чем за двадцать лет. Все эти люди, искатели приключений и наживы, проходя мимо старой сосны, уносили с собой — сколько хватало сил — оружие, одежду и украшения индейцев, по непонятным для них причинам громоздившиеся кучами у подножия сосны.

Миссионеры запретили индейцам поклоняться деревьям и Солнцу, верить, что у животных есть душа; они проповедовали христианскую мораль, однако не упускали случая использовать свое влияние на индейцев, чтобы поддержать грабительскую политику пришельцев.

Череп медведя, вопреки всему, продолжал висеть на ветке сосны. Была ли это случайность? Вряд ли кто знал теперь, в чем его таинственная сила. Он никому не был нужен, тем более что живого медведя в те времена еще можно было подстрелить. А форель в горном ручье уже давно исчезла — лес на его берегу погиб от пожара, и ручей почти пересох. Орлы были либо убиты, либо давным-давно улетели — их гнездо растерзано по частям снежными бурями, бушевавшими здесь много зим.

После первого проникновения смельчаков, искателей приключений, в прерии Америки двинулись массами рядовые представители так называемого «прогресса». Они ничего не щадили. Когорта «цивилизации» того периода — пестрая толпа, мучимая неутолимым земельным голодом, дерзкая и жадная, — наводнила страну и захватила ее в свои руки. Для них не было ничего святого, они ничего не замечали, кроме земли и золота; большинство из них ненавидели первобытную природу и ее иско-

ных обитателей и считали своим долгом как можно скорее уничтожить индейцев, чтобы распахать прерию и приготовить место для великого бога — пшеницы, — того бога, который впоследствии, подобно легендарной истории с Мидасом*, задушил их и заставил голодать.

Даже старый мудрый человек, который сидел под сосной, безмолвной свидетельницей всех этих быстрых и бурных перемен, не мог предвидеть, что придет день, и наступит голод в стране, где закрома помиллись от избытка пшеницы, а люди продолжали упрямо сеять пшеницу и только пшеницу, потому что так было положено. Они хвастались небывалыми урожаями, когда зерно уже негде было хранить и оно не использовалось. Старый человек не понимал, как жадность и бесхозяйственность могли превратить некогда плодородную, цветущую прерию в пыльную пустыню, где даже кактус и гремучая змея погибали.

Старый человек пристально вглядывался в даль — там простиралась его родная земля, теперь для него запретная, ему отказавшая в гостеприимстве: он был индейцем.

Одетый в заплатанные мешковатые брюки и куртку, которая была слишком мала для него, в каких-то не поддающихся описанию стоптанных ботинках и в шляпе с обвисшими широкими полями — через порванную тулью ее торчал пучок седых волос, — этот человек, бывший вождь, стал бездомным оборванцем. Он просил хлеба у тех, кто отнял у него все, и ходил в их обносках. У него не было ни белья, ни носков. На шее у старика висел грубый образок с изображением какого-то святого.

Под тяжестью горя старый индеец согнулся, и вид у него был жалкий. Только в выражении лица, озаренного умными глазами, сохранилось чувство достоинства. Если бы не его вдумчивый, пронизательный взгляд, наверное, волновавший и покорявший людей

---

* Сравнение взято из греческой мифологии. Царь Фригии Мидас попросил Диониса — бога вина и веселья, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото. Но, когда даже еда превратилась в золото, Мидас попросил Диониса освободить его от этих щедрот. (Прим. перев.)

в минувшие годы, можно было подумать, что черты смуглого лица окаменели в состоянии невозмутимого покоя, с которым могла соперничать лишь суровая неподвижность вечных гор. Машинально прикоснувшись к образку, висевшему у него на шее, он вдруг пришел в себя и взглянул на него. Резким движением он разорвал шнурок и отшвырнул образок. Образок, ударившись о скалу, издал дребезжащий звук, до смешного ничтожный среди величия окружающей природы.

Индеец поднялся на ноги, пошатнулся, в глазах его вспыхнул гнев, и испещренное морщинами лицо стало удивительно суровым. С жестом отвращения он сбросил уродливую обувь, сорвал с себя нищенскую куртку и отшвырнул шляпу. И вот он стоял, обнаженный до пояса, приняв величественную осанку дикаря: следы былой мужественной красоты ожили в нем. Он погладил ствол сосны в том самом месте, где была старая рана и еще другой шрам — они почти заросли корой.

Неуверенной походкой индеец сделал несколько шагов и нащупал череп медведя. Кожаный ремешок, которым он когда-то скрепил челюсти, давно сгнил, и нижняя челюсть упала на землю. Опершись устало на череп, он поднял вверх свою убеленную сединой голову, поседевшую за долгие девяносто лет, и, глядя в густую зелень переплетающихся веток — словно высокий свод храма изогнулся над его головой, — начал говорить:

— О Сосна, моя заступница,
ты и я прожили долгую жизнь,
каждый, как ему предопределено.
Слишком долго мы прожили.
Слишком долго.
Прошлое ушло и лежит у наших ног,
как старая ненужная одежда.
Пусть оно и лежит там.
Если мы попробуем его поднять,
оно распадется на куски,
и мы потеряем его навеки.
Из тех, кто знал это великое прошлое,
остались только мы с тобой.
Только ты и я храним его в своей памяти.
Уже недолго осталось нам нести это бремя воспоминаний,
такая большая тяжесть легла только на нас двоих.
Наш народ погиб, а бледнолицые захватили все.

Теперь наша работа пришла к концу. Моя и твоя.
Не успеет зима запорошить твои ветви снегом
и злые птицы-метели с воем пронестись
на Белых крыльях по лесу,
я встречу ту, кто была матерью моих сыновей.
Я увижу моего Брата Медведя —
его дух сражался рядом со мной
здесь, на этом месте.
Скоро и ты придешь вслед за нами.
Индейцев уже нет, и тебя скоро не будет.
Мудрые люди далекого прошлого,
которые знали тебя еще молодой, сказали это.
Все должно произойти, как они говорили, —
предсказание должно сбыться.
И когда ты придешь к нам — в Великое Неизвестное, —
мы еще раз посидим в тени твоих ветвей
и, отдыхая, поговорим о прошлом.
И огромный Медведь — мой Брат — будет с нами,
и он все услышит.
Все это долгое время мы были друзьями — ты, и я, и он.
Великий дух добрый, и он не разлучит нас.
Ни один человек, как бы умен он ни был,
не смеет сказать, что только он один будет жить
в царстве будущего.
А до той поры храни свою силу,
о мой друг долгих, долгих лет.
О Сосна, о великий Медведь — мои заступники,
услышьте меня...

И индеец замолк. Он пошарил в своем кармане и вынул оттуда щепотку табаку и очень осторожно вложил в череп медведя. Это было жертвоприношение. Потом старый вождь сел и прислонился к сосне — она поддерживала его, но не могла вдохнуть в него жизнь. Он сидел совсем тихо, не сводя глаз с Великой Равнины, и прислушивался к голосу дерева, который раздавался с высоты, когда ветер играл среди ветвей. Это был тихий протяжный напев чарующей красоты.

И вот, когда старый индеец сидел так тихо и спокойно, прерия словно заволоклась дымкой, пока совсем не исчезла с глаз. И голос сосны умолк...

Жизнь покинула старого-старого индейца...

Двести лет назад на этом самом месте она ушла от медведя-гризли.

И сосна знала, что самый последний из ее друзей умер и что теперь настал ее черед. Так было суждено. Все, кто любил ее, должны были умереть, пока она жива.

В ту ночь нагрянула с гор гроза. Одинокая сосна, терзаемая бурей, стонала и раскачивалась из стороны в сторону. На ослепительном, освещенном вспышками молний небе отчетливо выделялся ее темный силуэт, и казалось, что она мучительно корчилась в предсмертной агонии.

На следующий день несколько всадников, проезжая мимо, увидели безжизненное тело индейца. Они зарыли его в неглубокой могиле у самой дороги. Один из них с чувством озорства сорвал привязанный к ветке череп медведя и бросил его в ручей, где плавали банки из-под помидоров и другие отбросы.

Прошло немного времени, и было решено проложить здесь широкую проезжую дорогу. Приехали инженеры — энергичные деловые люди, хорошо овладевшие своей профессией. Они видели красоту в прямых линиях и жестких очертаниях и не без удовольствия наблюдали, как разрушались первобытные силы, которые свободно действовали в природе еще за полмиллиона лет до появления человека. Их увлекала задача преобразовать природу и приспособить ее к себе. Сосна — старый часовой на перевале Скалистых гор — мешала их работе, и они решили ее срубить.

И дерево, которое прожило такую долгую жизнь, терпеливо ждало своей гибели. Раздался первый удар топора. Сосна продолжала стоять во всем своем величии и благородстве до самого последнего удара — и тогда пошатнулась... и начала свой последний путь к земле. Со стоном и рыдающим скрипом — так разрывались все ее волокна — могучая сосна, склонив вершину, стремительно падала на поляну, где зрели ягоды и цвели дикие цветы. Она распростерлась на перевале.

Предсказание мудрых людей племени черноногих сбылось: сосна погибла после того, как погиб их народ.

Горы наблюдали все это с каменным спокойствием. Они знали, что деревья умирают и люди тоже, но что сами они будут жить вечно.

В тот момент, когда раздался последний удар топора и жизнь навсегда покинула дерево, на горном перевале, по преданию,

появилась фигура обнаженного индейца с развевающимися орлиными перьями на голове и за спиной. Он появился на одно лишь мгновение и тотчас исчез.

А рядом с ним был огромный медведь-гризли.

Автомобиль — великолепное творение современной техники с полным комплектом более или менее нужных приспособлений, спроектированных с хитроумной выдумкой и расчетом, чтобы все изобретенное ранее померкло бы перед ним, — мчался по новой дороге, проложенной через горы. В машине сидели два пассажира. У водителя были красивые тонкие руки и спокойный, вдумчивый взгляд человека, который привык наблюдать. Спутник его казался человеком грузным, с большими мешками под глазами, отвисшей челюстью и толстыми губами; пальцы его были унизаны перстнями, в углу рта торчала сигара.

Автомобиль поднялся на перевал Скалистых гор; оттуда, если оглянуться назад, открывался чудесный вид на возделанные поля прерии, расстилавшиеся внизу. Молодой человек остановил машину и с нескрываемым восторгом воскликнул:

— Черт побери! Взгляните-ка на эти горы! Это же великолепно, не правда ли?

Спутник, окинув взглядом уходящие в поднебесье горы, сказал:

— Не могу использовать их в своем предприятии. — И, пожевывая сигару, добавил: — По-моему, это убогая природа.

У самой дороги возвышался огромный пень недавно срубленной сосны. Толстяк вынул изо рта сигару и сплюнул лихо, нацелившись в пень.

Потом автомобиль продолжал свой путь.

Рыжеватая белка промчалась через дорогу с сосновой шишкой в зубах, бросила ее где-то на горной поляне и сейчас же забыла о ней.

Я перебирался через черные болота Абитиби, бродил по обманчивым заболоченным ее местам: голодал в суровой пустыне неисследованного Севера; прорубал себе тропу сквозь непроходимые кедровые заросли в далекой Темискауате; и как-то раз я провел лето на вершине горы Всадник, в прекрасном ее оазисе, она красовалась своими тополевыми лесами, усыпанными мириадами цветов склонами и казалась изумрудным островом на фоне знойной, засеянной пшеницей Манитобы. А теперь я живу среди озер и бескрайних хвойных лесов Северного Саскачевана.

Каждое из этих мест привлекает и манит к себе, слов-

но волшебной силой, как, впрочем, и любой уголок неисхоженной и ненаселенной земли. Но где бы я ни был, мне везде недостает сурового романтического величия Северного Онтарио, с его дерзким нагромождением гор, бесчисленными глубокими озерами и быстрыми реками. И хотя я получаю большое удовлетворение от моей теперешней работы, которая накладывает на меня все больше и больше ответственности и обязательств, хотя круг моих интересов становится все шире и шире, — несмотря на все это, томительные воспоминания о прошлом не покидают меня. Это воспоминания о давно минувших беззаботных днях молодости, когда я бродил легко и свободно по диким гористым местам Онтарио, не обременяя себя ношей, — все мои вещи помещались в моем любимом быстроходном каноэ, а в зимнюю пору в тесной хижине, наскоро выстроенной на берегу замерзшего или же готового замерзнуть озера.

В то время я не написал ни одной строки и не думал, что буду писать. Но даже тогда, в те далекие дни, я понимал, что Дикая Природа изменится, исчезнет, что это ее последнее сопротивление и мы — последние в своем роде. Часто, когда я оставался один, мне хотелось запечатлеть ее совсем такой, какой она была, пока это еще не поздно.

Однажды, когда я сидел на вершине высокого холма, недалеко от волока Вэшегаминг, и любовался бирюзовым озером, инкрустированным, словно драгоценный камень, в темную зелень леса, это желание овладело мной с непреодолимой силой. Вдали ревел и пенился огромный водопад, ниспадая каскадами с западного склона гор, где гигантские сосны, ветераны последней армии Дикой Природы, выстроились стройными рядами. Кругом была тишина, невозмутимая тишина; все было покрыто дымкой мерцающего тумана. Казалось, какой-то волшебник ублаживает эту мирную природу, и она погружается в сон. Очертания волнообразных далеких холмов становились мягче, чудилось, что они покрыты темно-зеленым ковром, и кое-где на нем, словно выплеснутая ртуть, блестели озера.

У подножия горы на песчаном берегу я отчетливо видел ладьи моих товарищей. Я долго не мог оторвать глаз от реки, неистово мчавшейся, устремляясь все дальше и дальше вперед, в полном неведении, что ее ждет, навстречу своей судьбе, вперед, к могиле всех исчезнувших рек — к Океану. Бурная и неукротимая Весной, усталая и ленивая Осенью, она уходит навсегда, все дальше и дальше, к Забвению.

Я старался проникнуть в тайну реки и задавал себе вопрос: когда она попадет в Океан и поймет, что ей уже не вернуться обратно, будет ли она тосковать по горам и скучать по деревьям, будет ли грустить о веселых, беззаботных днях, которые она провела в тихих краях?..

Но я замечтался. Мои товарищи — наша флотилия — ждут-поджидают меня.

— По-ра-а, по-ра-а отчаливать, — раздаются голоса с берега.

Я стал спускаться вниз. Мы отправлялись в трудный далекий путь, мои товарищи полагались на меня, нельзя было их подводить; заслужить уважение у этих бесстрашных, отчаянных молодцов было равносильно награде за боевую доблесть. И хотя впоследствии мне удалось прославиться на поприще другого, более полезного труда, никогда я не испытывал большего удовлетворения и радости, чем в ту счастливую минуту, когда мне случайно удалось услышать несколько слов, не имевших прямого отношения ко мне (но тем не менее я их не должен был слышать): «Во всей стране не найти такого отважного гребца». Мне лично они никогда этого не говорили.

Хвастовство ли это? Быть может, и так. Но знаете ли вы жгучую радость честолюбия, неукротимую гордость профессионального каноэмена и лыжника? Это, вероятно, единственное из достижений всей моей жизни, чем я горжусь. Прошло много тяжелых трудовых лет, много тяжелых битв было выиграно с неистовой Миссиссаугой и другими далекими реками — и я должен был доказать еще и еще раз свое искусство, силу и выносливость, прежде чем заслужить похвалу, которую я случайно услышал за сво-

ей спиной. И так, я сразу забыл о желании записать свои мысли и вернулся к своей первой любви — каноэ. Лишь много лет спустя я стал писать.

Я был кочевником когда-то, весло, багор и лыжи всегда были у меня под рукой, а теперь я держу в руке перо. Вместо ласкового журчания воды за бортом моего каноэ или же волнующей симфонии снежной бури я слышу раздражающий прерывистый треск моей пишущей машинки, мне становится досадно, что без нее я теперь не могу обойтись. Вместо веселых песен наших удалых гребцов, разносящихся по реке, я слышу по радио унылые голоса расслабленных женоподобных мужчин, которые все жалуются и жалуются на неразделенную любовь. Собственные мелкие горести и неудачи — основная тема их песен, в полной беспомощности они сетуют на свою судьбу. Своей дешевой сентиментальностью и вульгарной музыкой они оскорбляют самое высокое и благородное чувство — любовь.

Как-то раз я читал очень тяжелую невыдуманную историю о том, как кучка финансистов, собравшись словно стая волков, сломала и разорила своего собрата, поставив в безвыходное положение его семью — жену и детей — только потому, что их товарищ и собрат оказался недостаточно предприимчивым и ловким, чтобы соперничать с ними. А потом я читал об одном талантливом мальчике-артисте, чьи родственники слетелись, как стая стервятников, чтобы поживиться его богатством, словно это был подбитый зверь.

И когда я сижу на ступеньках у дверей своей хижины, размышляя над всем этим, вдруг какая-то нотка в песне птички, падающий лист, едва уловимая далекая мелодия или мимолетный аромат вызывают в памяти очарование родных мест. И я брожу мысленно по лабиринтам памяти. Вот воспоминания нахлынули на меня с непреодолимой силой, и я снова тоскую по звериным тропам и прислушиваюсь к ритму скользящих лыж, напрасно всматриваюсь в даль, весь в ожидании увидеть легкое каноэ, появляющееся из-за уступа берега; я снова слышу запах дыма давно погасших костров, вижу лица, тени людей, которых давно уже

нет, ко мне доносятся звуки навсегда умолкших голосов. Знакомые руки, грубые, сильные и добрые, с мозолями, натертыми веслами, чудится, тянутся ко мне из прошлого. Кучка маленьких доверчивых созданий с живыми глазками, любознательные и трогательные, крошечные обитатели лесных просторов, пробираются, шелестя сухими листьями, и приветствуют меня, когда я бреду по аллеям Времени в далекое Прошлое. Невидимая армия выстроилась колоннами и марширует со мной — теперь уже не назад, но вперед, к Реке дикой, романтической, загадочной, — реке Миссиссауге. Только немногие добились — своим искусством, выносливостью и отвагой — небольших побед над ее грохочущими, ревущими водопадами; другие же вынуждены были признать непобедимость Реки, а себя покоренными.

Ведь это не рядовая река, но королева среди рек, или, пожалуй, ее лучше сравнить с воинственным восточным владыкой, который посылает свои дикие орды, и те наводняют целые материки. Вот так ведет себя Миссиссауга — Великий Водопад Индейцев. В неистовстве она прокладывает свой путь меж скалистых берегов, двести миль несется сквозь леса, собирая дань с бесчисленных притоков на территории четырех тысяч квадратных миль; непокорная, дерзкая, неутомимая, она царит над всей этой землей; и человек может плыть много дней в каноэ, перебираться через волоки, странствовать по запутанной, сложной сети ручьев и озер, бродить по лесам и любоваться все новыми и новыми картинами природы, не выходя за пределы владений могучей Миссиссауги. И нет человека на земле, кто знает о ней все. И я думаю, что есть ямы и омуты, водовороты, пороги, перекаты, пруды и озера, ручьи, которых никто не видел, даже индейцы; и что в девственных лесах, протянувшихся на сотни, сотни миль, не найдешь следа человека.

У Реки есть свои настроения, как у каждого живого существа. И какая она неожиданная и разная на всем своем протяжении! Местами темный, угрюмый поток, могучий и глубокий, несется быстро и спокойно между зловещими обрывистыми берегами;

прорвется через мрачное ущелье в горах, потом, вырвавшись на свободу, вдруг заревет, станет яростным могучим потоком и бьется в неистовстве о свои берега; но вот он уже превратился в стайку маленьких лепечущих волн и играет на камешках отмели.

Как часто Река течет в задумчивости, и кажется, будто она напевает песенку или же бормочет что-то неясное, словно во сне; течет все спокойнее и спокойнее, пока не превратится в живописное озеро с глубокими заливами и заливчиками, с дерзко вырисованными скалистыми мысами, поросшими соснами.

Есть быстрины между этими озерами — игривые, но спокойные. Но, когда Река попадает в ущелье, в тиски высоких скалистых берегов, она прыгает неистово через валуны и скалы со страшной разрушительной силой и быстротой, это настоящие пороги «белая вода». Река бросает вызов гребцам, и тогда робкие (или, может быть, разумные) предпочитают обойти ее волоком; только испытанные путешественники и бесстрашные гребцы принимают вызов могучей Миссиссауги, ставя на карту свою жизнь. Некоторые из этих порогов — бурные, коварные, трудные и опасные — занимают небольшое пространство. Другие же, поспокойнее, тянутся милью, а то и три. Но самые знаменитые пороги вытянулись на расстояние двадцати миль — водопад за водопадом, стремнина за стремниной, и только кое-где они прерываются небольшими озерами, словно для передышки. Двадцать миль захватывающей дыхания скорости, оглушительного шума и волнующей опасности — таковы знаменитые пороги «ДВАДЦАТЬ МИЛЬ».

Есть такие пороги, которые ни один человек не может преодолеть, каким бы искусным спортсменом он ни был. То здесь, то там по течению Реки встречаются громыхающие водопады, которые низвергаются с отвесной скалы в пенящийся пруд (где иногда можно поймать крупную рыбу).

Вдоль берегов шумит дремучий лес. На сотни миль тянется он сплошным зеленым массивом на Восток и на Запад, к Верхнему озеру. Там встречаются все виды деревьев, характерные для этой

зоны, и панорамы — одна другой прекраснее — предстают вдоль берегов. Вы увидите целые леса тополей, полюбуетесь их светлыми стволами и беспокойной трепещущей листвой, легко скользкими тенями; вы увидите густые смешанные чащи ивы, ясени и ольхи; яркую зелень березы и клена; фиолетовые луга с сочной травой; старый сосновый бор, погруженный в мрачную задумчивость.

Местами огромные гранитные скалы громоздятся на берегу, и КИУЭЙДИН — самая старая гора — возвышается над Рекой; карликовые искривленные деревца цепляются, спасая свою жизнь, за уступы. Странные изображения высечены давным-давно дождем и снегом на отвесных скалах: одни из них сидят, другие стоят, третьи наклонились вперед из своих альковов, все застыли в неподвижности, и все смотрят и смотрят на быстрое бесконечное движение Реки с какой-то саркастической улыбкой. И наконец, словно утомленные спектаклем, у которого нет конца, горы поворачиваются круто и уходят в глубь страны, образуя массивную стену, как будто сторожевой вал.

Сбившись в кучу на небе, здесь собираются в бесчисленном количестве тяжелые облака и грозовые тучи. Они висят зловеще над горным хребтом вдоль бурлящей и рокочущей Миссиссауги.

А позади реки, далеко, далеко, где не слышно ни ее рокота, ни шума, лежит «Страна, где никогда ничего не случается», где Вечная Тишина отмечается делением в тысячу лет, движением колоссального маятника Времени.

Река, хранящая тайны, ты и я знали отважных гребцов. Они были отважные ребята, выносливые и исполнительные; их богом была СКОРОСТЬ, их девизом: «Доберись туда, во что бы то ни стало доберись».

Река, величественная и непокорная, дочь Дикой Природы, наверно, до сих пор тебя навещают призраки прошлого. Вот они ритмически сгибаются и отбрасываются назад, сидя на веслах в

каноз; под бременем невидимой ноши, они прокладывают бесшумно свои тропы по волоку среди теней соснового бора; в быстрых ладьях-невидимках они несутся вниз по бурлящим, клочущим волнам с пронзительными возгласами и криками, которые никогда не долетят до слуха человека.

Мне чудится, что я вижу эти скользящие тени, а на волоках я ловлю напряженным слухом шорох забытых шагов, словно шорох во сне, уже почти стертый в памяти, но все еще не совсем забытый.

Зазвенела песня белогрудой славки в густой зелени деревьев, высоко надо мной. Мне кажется, я слышу рев Реки, ее бесконечный шумный церемониальный марш; в отдаленном шуме водопадов мне чудится разговор мертвых.

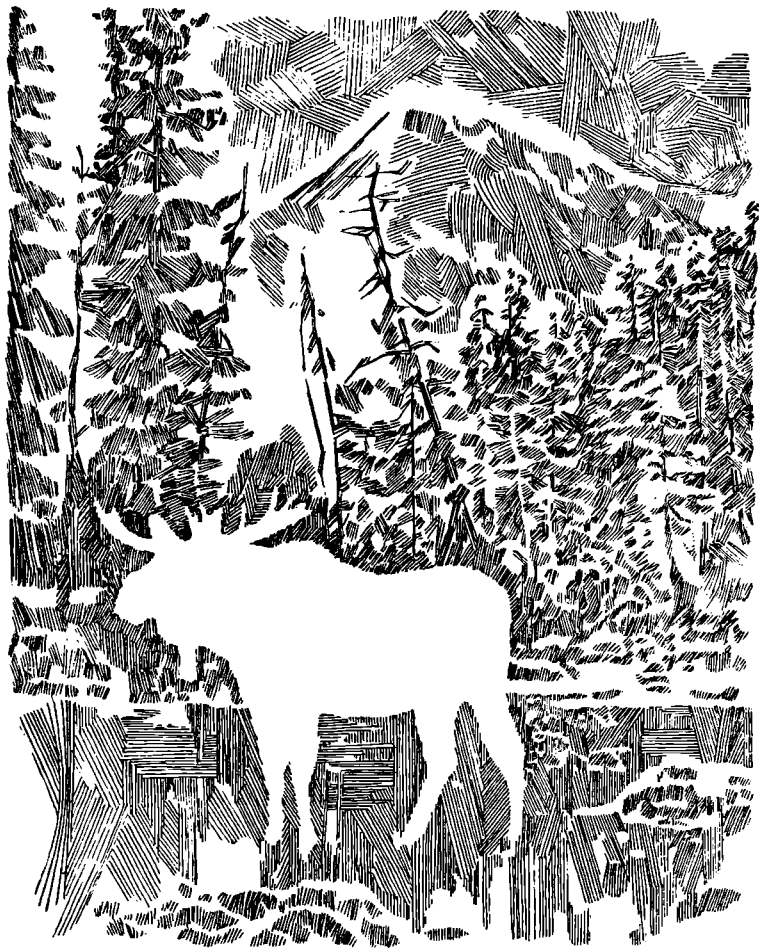
Жалобная мелодичная песенка маленькой птички оборвала тишину; мелодия, полная грусти, бесконечно прекрасная, она зазвучала как прощальная песнь погибшим товарищам. Она лилась и лилась где-то надо мной, а потом все дальше и дальше... Все тише и тише...

Лось, должно быть, привык к звукам моего голоса
и сделал свои собственные выводы
относительно моей настроенности, —
без каких либо стараний
и приманок с моей стороны
он сам определил мою доброжелательность,
которая обещала ему безопасность.

ОДИНОКИЙ ЛОСЬ

Эрнест Сетон-Томпсон высказал предположение, что животное может сразу понять, дружелюбны или враждебны намерения человека по отношению к нему. Мои наблюдения над обитателями наших лесов в основном привели меня к тому же выводу, хотя должен сказать, что далеко не во всех случаях животное способно быстро разобраться в нашем поведении. Наши четвероногие братья вряд ли смогут точно определить цель, преследуемую человеком, однако они наделены от природы своеобразной интуицией, которая, без сомнения, позволяет им почуять отношение человека к ним, и, в зависимости от этого, они ста-

новятся либо настороженно-беспокойными, либо безразличными. Но нельзя утверждать, что звери обладают безошибочным чутьем, они довольно часто ошибаются: инстинкт самосохранения иногда заставляет их быть излишне осторожными.

С давних пор у индейцев и вообще у охотников существует неписаный закон, не позволяющий при приближении к опасному дикому зверю — предполагаемой добыче — слишком упорно смотреть на него или же думать сосредоточенно, что он должен быть убит: зверь может угадать намерения человека, и исход охоты будет печальным.

В тех краях, где звери редко встречаются с человеком, он представляет для них лишь предмет любопытства. При таких случайных и неожиданных встречах дикие звери (большинство из видов) остановятся на месте и будут смотреть на него с удивлением. От человека будет зависеть, сочтут ли его обитатели диких мест за доброго соседа или за врага. Пройдет, быть может, лишь немного времени после того, как человек поселился в лесной глуши, как несколько его дерзких поступков навсегда восстановят против него четвероногих и пернатых обитателей. И наоборот, если человек проявит терпимость или даже открытую доброжелательность, очень скоро он вызовет интерес лесного народа, и кое-кто из них после нескольких несмелых шагов станет часто навещать это странное двуногое существо, такое не похожее ни на кого из них, которое поселилось у них в лесу и живет себе и живет, и никому не мешает.

Из фауны, которая населяла материк Северной Америки в доисторические времена, только лось, бобер и бизон сохранились до наших дней. Только они, по-видимому, были в состоянии приспособиться к коренным изменениям в климате, которые привели к вымиранию таких могучих представителей животного мира, как динозавр и слон. Мне никогда не приходилось иметь дело с бизоном, если не считать, что по какому-то знаменательному случаю меня угощали вяленным бизоньим мясом пятидесятилетней давности. Тем не менее у меня есть основания предполагать, что жи-

вотные, наделенные стадным инстинктом, такие, как бизоны, обладают менее развитыми умственными способностями, чем те, которые живут семьями или в одиночку. Мне кажется, что бобры и лоси обладают какими-то крупными мудростями, которые они унаследовали от своих далеких предков. Мы невольно ждем от бобра чего-то не совсем обычного, потому что его образ жизни требует необыкновенного напряжения умственных и физических сил. Но от лося, как правило, мы не ждем ничего особенного, хотя отдаем ему должное за тонкое обоняние, чуткий слух и за своеобразную хитрость, выработанную в борьбе за существование. Однако не так давно мне пришлось познакомиться с лосем, который, по моему глубокому убеждению, и я это утверждаю вопреки предвзятому мнению, был настолько одарен, что делал свои собственные умозаключения. Лось представлялся мне животным-тугодумом, пока я не познакомился с восьмилетним бычком, который время от времени на протяжении пяти лет навещал меня. Я убедился, как и многие мои друзья, наблюдавшие его, что он может размышлять и в такие минуты поднимается над своей обычной инстинктивной, почти автоматической реакцией.

Сейчас, когда я пишу эти строки, он лежит, спокойно вытянувшись, около моего каноэ и жует свою жвачку, время от времени издавая какой-то гортанный звук, выражающий удовольствие. Ладья, возле которой он примостился, немного защищает его от восточного ветра. Если бы он расположился позади хижины, как он делал это в прошлом году, то был бы лучше защищен от ветра. Однако теперешнее пристанище его находится на более открытом месте, и он может охватить глазом все, что происходит вокруг, включая и мои несложные дела, к которым он проявляет нескрываемый интерес. Белки и сойки, завсегда таи здешних мест, поглядывают на него с любопытством и с некоторым недовольством; лось же никак не реагирует на их суетливую возню.

Впервые поселившись здесь, я скоро узнал, что в этих местах живет лось, и довольно часто мельком видел его; но я не делал

никаких попыток завязать с ним знакомство, а, наоборот, избегал его.

Тем летом мне пришлось срубить на участке несколько тополей, чтобы было больше света для моей фотографической работы. Я заметил, что лось стал украдкой приходить по ночам и объедать листья на сваленных деревьях. Эти посещения открытой столовой продолжались около двух недель, пока на ветках оставались листья. Все это время я регулярно немного поодаль присутствовал при кормежках своего гостя. С тех пор я стал замечать, что лось иногда проходил совсем близко около моей хижины. А бывало, остановится в укрытии и долго смотрит на мое жилище. Постоянно наблюдая за строительными работами бобров, я часто видел, как лось бродил по вершине близлежащего холма. Он даже отваживался выходить за кромку леса, обрамлявшего маленькие просеки, и, стоя совсем неподвижно, словно сам был деревом, наблюдал, как я рубил лес. Я не прерывал своей работы и притворялся, будто совсем не замечаю его. Движения бобров особенно привлекали внимание лося, это было ясно. В конце концов как-то вечером он смело спустился вниз и стал глядеть на бобров, остановившись на небольшом расстоянии от озера. А бобры быстро собрались все вместе и приветствовали его залпом дружно шлепающих по воде хвостов. Все это ничуть не испугало лося, и он подошел еще ближе — посмотреть, что же там происходит.

Лось весит около полутонны и на небольшом бобровом участке такой гость мог наделать немало бед. Немного обеспокоенный таким неожиданным вниманием, я вышел из хижины — до сих пор я все наблюдал из окна. Без малейшего колебания лось повернулся и умчался на вершину холма, а я стал тихонько звать бобров, стараясь успокоить их. Теперь произошло самое интересное: едва успели прозвучать первые звуки моего голоса, как лось замедлил свой бег, потом пошел шагом и остановился. Я продолжал успокаивать бобров, и лось потихоньку стал возвращаться. Он проделал почти весь обратный путь и стал пастись в близлежащей роще, где росла ольха. Трудно поверить, но ласковые слова и тон,

которым я обычно успокаивал бобров, казалось, произвели такое же умиротворяющее действие и на лося. Потом, видимо встревоженный моими быстрыми движениями, лось снова убежал, но только не так далеко, как перед этим. И снова те же звуки успокоили его, он стал пощипывать траву на том месте, где остановился. Он пасся там больше часа, расхаживая вокруг, и не проявлял никакого беспокойства. Потом вдруг сорвался и убежал. Я впервые наблюдал такое поведение дикого животного, с которым у меня было, как говорится, лишь шапочное знакомство. Все это показалось мне почти чудом. Вряд ли можно найти всему этому другое объяснение, чем то, что лось сам, своим умом разобрался в ситуации. Моя роль в этом деле была ничтожной, лось сам решил, как поступить, и соответственно действовал. И все-таки я еще долго ломал голову, не решаясь сделать окончательных выводов. Я проверял снова и снова ответную реакцию этого удивительно милого и деликатного животного, теперь моего частого гостя. Результат был неизменно одним и тем же: лось убежал, когда пугался моего неожиданного появления, затем очень легко возвращался на мой зов. И каждый раз, когда это повторялось, я получал все новые и новые доказательства того, чему я все еще не решался окончательно поверить: без малейшей попытки с моей стороны приручить лося и вообще без всякого поползновения как-либо повлиять на его поведение это поразительное и загадочное создание, дикое и свободное, и ничем мне не обязанное, отзывалось на звук моего голоса и покорялось моей воле. К счастью, это чудо происходило не один раз и на глазах у целого ряда людей, иначе я, пожалуй, не решился бы написать об этом, и мой особый взгляд на психологию поведения лося остался бы никому не известным.

Многим из тех, на чью долю не выпало счастье наблюдать поведение диких зверей на воле, может быть, покажется, что я преувеличиваю, считая поведение лося в этом случае из ряда вон выходящим. Но, как мне кажется, те, кто охотился на лося или жил в местах, где он водится, согласятся с моей точкой зрения. Много

невероятных рассказов было придумано относительно мудрости лося и других животных, многие такие рассказы даже появляются в печати; а потому записи точных наблюдений могут показаться неинтересными и скучными, но именно они в конце концов и выводят на чистую воду авторов увлекательных охотничьих рассказов, обладающих неудержимым полетом фантазии.

Я почти не сомневаюсь, что лось с самого начала правильно понял мое отношение к нему. Очень вероятно, что еще задолго до того, как я его заметил, он внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг, и напряженно прислушивался к звукам, которые доносились с нашего участка. Он, должно быть, привык к звукам моего голоса и сделал свои собственные выводы относительно моей настороженности; **без каких-либо стараний и приманок с моей стороны лось сам определил мою доброжелательность, которая обещала ему безопасность.**

Большинство животных наделено характерными признаками, которые позволяют родичам узнавать их издалека. У бобров, мускусных крыс, дикобразов, а также у птиц это различие сказывается в голосах. Некоторые животные выделяются своей характерной окраской — какими-нибудь пятнами или полосами, резко контрастирующими с основным тоном шкуры: у американского лося белые задние ноги, у европейского оранжевый круп, у виргинского оленя хвост, словно белый платочек, а у скунса белые полосы на темной шкуре. И я тоже, приспособляясь к условиям первобытной природы, придумал для себя отличительный признак: я выдумал слово, которое произносил в одной и той же интонации, на определенной высоте звука. И меня стали узнавать все дикие обитатели наших мест. Вначале у меня это получилось как-то невзначай, произвольно и постепенно перешло в привычку. Повторяя свой клич автоматически, по сложившейся привычке, я не задумывался над тем, какую магическую силу он имел, пока не обнаружил его зачаровывающего действия на такого удивительно стремительного и осторожного зверя, как американский лось. Стоило мне появиться неожиданно или же внезапно раздаться какому-то

необычному звуку, все звери, будь то белки, мускусные крысы, бобры или же лось, моментально останавливались и застывали в порыве движения, словно каменные изваяния разных очертаний и размеров. И стоило мне произнести хорошо знакомое им слово — пусть эти звуки были чужды зверям от природы, — все они, как один, оживали и продолжали прерванную работу.

Прошлым летом и осенью лось провел много времени на территории нашего лагеря. Он бродил спокойно между всяческими моими приспособлениями и оборудованием, кучами дров, палаткой, где был мой склад, лодкой и т. д. Иногда он останавливался у дверей хижины и стоял так долго, что некоторые из моих гостей не без основания опасались, что он переступит порог и войдет в хижину. Я и сам не знал, что придет на ум этому предприимчивому зверю. Однажды он забрался всеми четырьмя ногами в мое маленькое каноэ — неудивительно, что от него остались одни щепки. Каноэ — это легкая ладья, сделанная из березовой коры и холста, а американский лось весит около полутонны. Один раз, когда лось остановился в каком-то тяжелом раздумье у дверей моей хижины, мне пришлось прогнать его, так как он стоял поперек дороги у бобров, которые забегали в хижину и убегали из нее, таская свой строительный материал. В то время бобры уже перестали бояться огромного зверя, но, вероятно, так же как и я, не чувствовали себя вполне уверенными в его присутствии — никто не знал, что ему вздумается сделать, а потому и опасались проходить мимо него.

У всех животных есть свои особые страхи. Я имею в виду не только страхи, свойственные отдельному виду, но и каждому животному в отдельности. Что касается моего лоса, то его всегда пугало, когда кто-нибудь проходил между ним и моим освещенным окном — внезапно колеблющаяся тень падала на него. Он сейчас же бросался бежать, и хотя неизменно возвращался по зову, при повторении такого оскорбления он снова бежал со всех ног. Так эта реакция и осталась у него.

До тех пор, пока бобры не привыкли к лосю и пока его присутствие не стало обычным, они непременно предупреждали меня о нашествии, неистово хлопая хвостами по воде. Но потом, мне кажется, они стали смотреть на него как на своего рода неизбежное зло, которое надо терпеть, хотя оно и неприятно. И лось стал самым обыкновенным явлением, бобры уже не реагировали на его присутствие и перестали бить тревогу. Но случалось всякое. Что бы вы подумали, если, выходя из хижины в ночную пору, вы чуть не упали бы, как это было со мной, потому что споткнулись об огромного зверя, величиной с лошадь. Не правда ли, это может испугать насмерть даже самого храброго человека?!

Пока погода была теплая, лось любил стоять в воде у берега озера. Это было очень занятно для молодых бобряток, они весело плавали вокруг него и от радости громко шлепали хвостами по воде. Лось же, казалось, оставался безучастным ко всему и стоял, не двигаясь с места.

Наблюдая поведение этого своеобразного зверя, я иногда задумывался, не тосковал ли он в одиночестве? Быть может, он стал завсегдатаем нашего лагеря, потому что ему было интересно у нас и наше гостеприимство сулило ему безопасность? Все животные любят развлечения, они становятся возбужденными и игривыми, когда в однообразии повседневной жизни врывается что-то необыкновенное, и, по-видимому, получают очень большое удовольствие от созерцания этого нового, диковинного. Но только одно главное условие должно быть соблюдено: они должны убедиться сначала, что им не грозит опасность. Я уже давно придерживаюсь теории, что наши низшие братья наделены от природы стремлением общаться друг с другом вопреки признанной теории, утверждающей, что в некоторых случаях звери становятся настолько необщительными и ярими, что делаются опасными для своего собственного вида.

Наше знакомство несколько не уменьшило прирожденную настороженность и стремительность лося. Как-то раз я появился из-

за пригорка неожиданно для него, лось тотчас же помчался к противоположному концу этой небольшой возвышенности, огибая ее у подножия, и, используя как прикрытие, пустился в бегство. Я не считаю правильным предположение, что звери, находящиеся в обычных условиях, убегают от опасности в состоянии слепого ужаса и панического страха. Лось, встревоженный моим неожиданным появлением, сохранил полное самообладание, и, когда он услышал с вершины знакомый зов — мой «пароль», — он остановился на расстоянии каких-нибудь ста ярдов и в конце концов позволил мне приблизиться к нему. Мне не хотелось подвергать более длительному испытанию доверие лоса: мы были далеко от лагеря, и в этом месте нам никогда не приходилось встречаться.

Этот случай с лосем вместе с другими ранее сделанными наблюдениями окончательно убедил меня в том, что у животного, даже обратившегося в стремительное бегство, казалось бы, в паническом страхе, мозг работает на все сто процентов. И я уверен, что лишь в брачную пору, или во время острого голода, или в тяжелой неволе животное полностью теряет самообладание.

Пять лет назад, когда я впервые увидел моего лоса — теперь уже совсем взрослого красавца, — он был еще совсем молодым бычком. Только два тоненьких V-образных рога, длиной в один фут, торчали на его голове и, подобно усикам на лице юноши, вместо того чтобы придать мужественность его облику, подчеркивали незрелость. На следующий год он сильно возмужал и его голову украсили уже вполне сформировавшиеся рога — плоские, с разветвлениями, какие и должны быть у взрослого лоса. Поздней осенью, когда пришла пора гона, он стал прохаживаться с гордо поднятой головой, и время от времени раздавался его трубный клич, бросающий дерзкий вызов сопернику, против которого едва ли он был в силах устоять.

Несмотря на то, что молодой лось всегда вел себя очень прилично, как настоящий джентльмен, с наступлением первых же заморозков он за одну ночь стал сам не свой и бродил как лунатик.

Как-то днем он попался мне на глаза, и я с изумлением стал наблюдать за ним. Куда девалась его горделивая осанка, его уравновешенное, спокойное поведение? Казалось, он сам искал себе погибель. Мне захотелось проверить его храбрость. Тогда я принес рожок, сделанный из березовой коры и предназначенный для переклички с лосями во время гона. Я дважды протрубил тревогу. Реакция была мгновенная. Без всякого предупреждения он объявил войну всему, что попадалось на его пути. С ужасным ревом он набросился на иву, на ольху; топтал и бодал поваленные, беспомощно лежащие деревья; набрасывался с яростью на беззащитные молодые деревца, которые попадались ему на глаза. Начал горячий бой с вывернутым пнем и набросился в исступлении на большую кучу пустых ящичков. Стук и грохот этой последней схватки, видно, придали храбрости лосю, и я смотрел в изумлении, как ловко двигался и работал ногами этот огромный зверь.

Однако эти эскапады произвели удручающее впечатление на зрителей, которыми были, если не считать меня самого, мои четвероногие и пернатые друзья. Мне кажется, что умалишенный, свободно бегающий по улицам города с ружьем в руках, должен был бы производить подобное впечатление на прохожих. Я потихоньку удалился со своим рожком и спрятал его подальше. Некоторое время спустя наш храбрый рыцарь покорил всех своих явных врагов — к счастью, он не заметил палатку, где у меня был склад, отправился на новое поле брани в поисках славы. Следя за тем, как он удалялся, меня не покидала тревожная мысль, что он нарвется на большую беду.

Когда я наблюдал это странное поведение лося, у меня было чувство недоумения, подобное тому, если бы мне пришлось вдруг увидеть почтенного друга, показывающего фокусы где-нибудь в толпе, или же с громкими выкриками гонящего колесо по улицам. Примешивалось к этому еще и чувство жалости, которое испытываешь к существу, временно лишившемуся рассудка, и от которого, как от пьяного, не знаешь чего ждать.

Целую неделю, а может быть и дольше, лось не показывался в лагере, и я боялся, не погиб ли он в неравном бою. Но как-то вечером, когда я возвращался из дальнего плавания на каноэ и собирался причалить, я заметил в сумерках знакомую громоздкую фигуру, расположившуюся на моей пристани, прямо у дверей хижины. Каноэ было тяжело нагружено, а вода в озере сильно обмелела, так что я целиком был во власти лося. Но он не стал мне мешать, а поднялся на ноги и стал пощипывать молодые побеги кустарника, растущего поблизости, и дал мне возможность причалить и разгрузить свою ладью.

Лось теперь редко навещает меня и остается ненадолго — на час, не больше. Судя по его поведению, я думаю, что он нашел себе подругу. Я не могу себе представить, на какие хитрости он пошел, чтобы приворожить к себе лосиху в местности, где так много взрослых лосей. Что и говорить, на его стороне были энтузиазм и оптимизм молодости! И он, видно, встретил самочку, такую же молодую, как он сам, и она любовалась импровизированной схваткой с воображаемым соперником и с девичьей восторженностью приветствовала его как победителя призрачного соперника. И если только он так же хорошо соображал, выбирая себе подругу, как тогда, когда он облюбовал мой уголок заповедника для своего пристанища, то я не сомневаюсь, что выбор его был отличный.

Теперь, когда он лежит под окном моей хижины, я вижу, как он бросает настороженные и пристальные взгляды в темную чащу леса. Только в одном направлении время от времени поворачивается его голова; уши настораживаются, раздувающиеся ноздри ловят воздух. И я знаю, что там, вдали, прячется его подруга — она боится выйти на открытое место, не в силах преодолеть свой страх перед неизвестным.

Скоро, подчиняясь всеильному закону природы, он удалится туда, куда его зовет любовь. Он уйдет своей величавой поступью, словно под звуки барабана и военного оркестра, гордый, с осанкой короля. Он достиг теперь своей зрелости, этот великолепный

сын Дикой Природы, отпрыск самого благородного зверя, который когда-либо обитал в этих северных лесах и чье происхождение теряется в тумане далекого прошлого.

Я должен признаться, что не могу подавить в себе затаенное чувство радости, когда думаю, что лось, может быть, оставит ненадолго свою избранницу, снова придет ко мне и ляжет отдохнуть на часок у дверей моей хижины. И сделает он это не по принуждению, не потому, что я его так натренировал, и не в поисках пищи или убежища, а потому, что ему здесь хорошо, что он счастлив и, самое главное, свободен.

А внутри земляной крепости
раздается по ночам тихое бормотание,
очень похожее на лепет детских голосов,
слышны также голоса взрослых обитателей.
Это бобры-строители
 совещаются о новых усовершенствованиях
и выполняют свои мудрые планы.

Восемь лет прошло с тех пор,
как Мак-Джиннис и Мак-Джинти,
самые первые из наших бобров,
поплыли навстречу своей смерти;
уже восемь лет нас отделяют от той роковой ночи,
когда мы с Анахарео стояли на берегу
безымянного пруда
и отвечали на их последний
протяжный жалобный клич.

бобровый дом

Моя хижина в бобровом заповеднике — это не просто охотничий домик. Правда, она первоначально была задумана именно так, но потом подверглась причудливым изменениям благодаря предприимчивости и ловкости бобров.

Одна половина бобрового домика находится внутри моей хижины, другая — снаружи. Обе половины представляют собой прекрасное сооружение, перегороденное посередине стеной моей хижины. Это могло бы вызвать сомнения, показаться неправдоподобным, если бы фотокамера не запечатлела все на снимках и таким образом доказала справедливость моих слов. Наружная часть постройки со-

оружена на самом берегу озера — на площадке, которую я предполагал использовать для себя как пристань. Однако на этом участке, захваченном с веселой непринужденностью, вы найдете сооружение из сучков, палок и земли, над которыми бобры работают по ночам с непревзойденным трудолюбием и усердием. К Бобровому дому, вытянувшемуся на тридцать, а то и больше футов, прикреплен плот из толстых бревен и веток — это бобры запаслись кормом на зиму.

А внутри земляной крепости раздается по ночам тихое бормотание, очень похожее на лепет детских голосов, слышны также голоса взрослых обитателей, это бобры-строители совещаются о новых усовершенствованиях и выполняют свои мудрые планы.

Мои лыжи, подвешенные на крюке, скучают в бездействии. Моя винтовка, дробовик и револьвер, смазанные маслом и очень чистые, висят на своем почетном месте на стене, как это принято в каждом охотничьем домике. Я прибегаю к их помощи, чтобы отпугивать медведей. Мой старый, растянутый от ноши длинный ремень аккуратно свернут на деревянном гвозде. Ножом, предназначенным для скобления шкур, теперь я нарезаю хлеб и копченую грудинку; инструменты и приспособления для окраски шкур лежат, забытые, без дела, на полочке и в ящике, скромно замаскированные, — это лишь реликвии прошлого, оставленные на память. Мои старые, выцветшие костюмы из оленьей шкуры, сильно потрепанные от многолетних странствований, печально поникли и висят друг за дружкой, их некогда задорная бахрама выглядит уныло и вяло — все ждут не дождутся ДНЯ, который больше никогда не придет ни для них, ни для меня. Ведь они отслужили свое время — все, за исключением длинного ремня, который найдет себе еще тысячу применений. И стоит лишь начать говорить о них, как сразу же будешь рассказывать об охоте и исследованиях, о далеких неизвестных местах, куда они путешествовали со мной, когда мы работали все вместе; всегда в пути, всегда в поисках того, что

лежит за дальним холмом, всегда очарованные недоступным, — из всего этого получилась бы повесть, которую стоило бы рассказать.

Когда я сижу за столом и не знаю, что писать дальше, когда память отказывается мне служить, я грызу свой карандаш и гляжу на них. Мне кажется тогда, что эти старые безмолвные товарищи моих скитаний смотрят на меня с упреком, не понимая, как я мог забыть то славное прошлое, которое мы прожили вместе и когда каждый из них так много вложил в него.

Мне чудится, что они нарушают молчание и говорят: это происходило здесь или там; мы отправились туда, или же — это произошло таким образом; неужто я не помню, как мы поймали черную ласку на реке Испанской; разве можно забыть то место, где индейцы рассказали нам историю о Волшебном лесе, — как мы там расположились лагерем на берегу безымянного озера, где никто еще не бывал, и как мы голодали много дней.

Среди этих дорогих моему сердцу вещей есть длинный нож с узким лезвием, он воткнут острием вниз в потрепанные кожаные ножны, не для него предназначенные. Кажется, что он никогда не говорит, не то что другие вещи. Этот нож я нашел на обмелевшем берегу вблизи моей хижины, вместе со старым, ужасно длинным ружьем, которое заржалось с дула. Металлические части ружья были все покрыты ржавчиной, а от ножа осталась лишь половина; я смастерил кожаную рукоятку на этом уникальном оружии и с тех пор всегда ношу его за поясом в старых ножнах, ему не принадлежащих; я отдаю должное ножнам как полезной вещи, но в то же время я считаю их своего рода талисманом и в душе надеюсь, что мудрость старого владельца, быть может, передастся мне.

И пока заржавевшее ружье, древний безмолвный нож и суровые вековечные сосны, охраняющие хижину, не заговорят, останется еще один рассказ, который никому не удастся написать.

Итак, моя хижина открыта, зайдите в нее.

маленькие странники

Глава первая

Шесть лет назад канадское правительство взяло на свое попечение моих бобров, и мы все были зачислены в штат Национальных парков Канады. Так кончилась тревога за жизнь и благополучие маленьких четвероногих спутников моих скитаний. Нас должны были переправить в один из огромных Национальных заповедников Запада. Проехав длинный путь в тысячу миль в товарном вагоне — бобры в специально сконструированном для них жестяном ящике с вентиляцией, а я рядом с ними, — мы прибыли на место своего назначения, к подножию горы Всадник, почти через неделю. Это было тяжелое испытание, и мы очень все устали, но настроение у нас было хорошее.

Очутившись на новом месте, бобры не делали попыток отправиться на поиски воды, хотя в первую ночь они казались взбудораженными и сотню раз то выбегали, то вбегали в хижину, словно для того, чтобы убедиться, что я все еще там, на месте. Первое, за что они принялись, устраиваясь на новом месте, — это расчищать себе тропинку для выхода на берег озера; потом облюбовали себе площадку на том берегу и за месяц выстроили себе огромный дом; правда, они продолжали работать над ним все лето, пока он не достиг восьмифутовой высоты; поперечное сечение его было шестнадцать футов. Здесь у Джелли появилась ее первая мленькая семья. Приручать бобрят было нелегко, они были недостижимы для меня, пока были маленькими, а когда уже немного подросли, были дикими, как ястребята.

Каждую ночь — с наступлением сумерек и до зари — я сидел неподвижно на каком-то застрявшем на мели плоту, на заболоченной части озера. Меня изводили москиты, целыми тучами нападавшие на меня, но я не мог защищаться, боясь испугать разведчика, который мог появиться из бобровой хатки. Здесь я просиживал часами, целыми ночами, пока наконец не приближался кто-нибудь из бобрят. Время от времени они проплывали мимо, иногда смотрели, словно узнавали меня, иногда же совсем игнорировали меня и не удостоивали взглядом. В конце концов они настолько привыкли к моему присутствию на плоту, что стали издавать какой-то слабый звук приветствия, когда проплывали мимо. Постепенно, видимо заинтригованные появлением такого странного существа, неподвижно застывшего на одном и том же месте, бобрята начали подплывать к плоту и, забравшись туда, смотрели на меня внимательно, должно быть, целую минуту, а потом скользили вниз, чтобы разобраться во впечатлениях. Они были абсолютно вне моего контроля, и ничто не заставляло их приближаться ко мне. Через некоторое время я обнаружил, что, соблюдая большую осторожность, можно дотронуться до зверьков; но стоило сделать какое-то неловкое движение, они исчезали и не появлялись всю ночь. Как бы там ни было, но время от времени ко мне на помощь при-

ходила Джелли Ролль. Она подплывала к плоту со всей четверкой и играла с ними около меня: кувыркалась в воде, крепко прижав к груди детеныша; кружилась с бобрятами, резким движением тела разбрасывая их в разные стороны; потом начиналась веселая борьба с двумя или тремя бобрятами зараз, причем Джелли всегда уступала малышам роль победителей; это были забавные сценки, и я с удовольствием за ними наблюдал, хотя в результате этой веселой игры я оставался мокрым с головы до ног. Я всячески старался использовать выгодное положение и, бывало, просовывал руку в эту спотыкающуюся кучу борцов, а они, разыгравшись и, несомненно, подражая бобрехе, хватались за мои пальцы; скоро бобрята привыкли к незнакомому запаху человека и играли и возились со мной, как с матерью. Дальше все пошло легко. К концу месяца они стали ручными, следовали за мной, отвечали на мой зов и иногда с моей помощью залезали в каноэ. Как-то раз, когда после больших усилий мне удалось наконец заманить всех четырех в каноэ, примчалась Джелли, залезла в лодку и вытащила всех до одного оттуда. Родительский инстинкт, охраняющий детенышей, был тогда очень ярко выражен у Раухайда — отца бобрятов. Бывало, когда, прибегая ко всем хитростям и уловкам, на какие я только способен, мне удавалось собрать около себя малышей, он врывался, разбрасывая бобрятов в разные стороны, а потом прогонял их по одному, после чего возвращался ко мне и устраивался рядом. Я не пытался ломать эту привычку, так как понимал, что таков его собственный способ защиты и воспитания бобрятов.

Кинофильмы в несколько тысяч футов были отсняты мною здесь, и Раухайд был главным героем, в более скромных ролях выступала Джелли Ролль, хотя надо сказать, что за последнее время у нее появился темперамент, который может соперничать с темпераментом иных кинозвезд.

Скоро я понял, что природные условия в этом заповеднике мало подходящи для моей работы с бобрами. Озабоченный этим, я полетел ненадолго в Саскачеван и, познакомившись с местным Национальным парком, решил обосноваться с бобрами там.

Необходимо было создать искусственные условия для зимовки бобров на новом месте, так как наш переезд мог состояться не раньше, чем поздней осенью, и бобрам тогда уже не успеть самим подготовиться к зиме. Очень важно было, чтобы эти искусственные сооружения и устройства как можно ближе соответствовали бы бобровым постройкам. Итак, я спроектировал избушку на самом берегу озера, с нырялкой, устроенной в полу, наподобие бобровой, с подводным туннелем, проведенным под одной из стен домика и выходящим прямо в глубокие воды озера. Таким образом, бобры будут устроены на зиму в моем жилище, пока не придет весна, а с ней и оттепель, тогда они займутся своим собственным строительством. В своем стремлении получше устроить жизнь бобров я не забыл и о том, что для них нужно построить временную плотину на ручье. Интересно, что следующим летом бобры выстроили свою плотину, которая была немного выше нашей и расположена была несколько ниже и в более удобном месте, в результате чего плотину, сделанную руками человека, затопило. Заинтересовавшись этим делом, мы обнаружили, что бобровая плотина была выстроена точно на том месте, где сохранились следы старой плотины, построенной лет пятьдесят назад, здесь же нашли и очень старую бобровую хатку, покрытую толстым слоем земли, на которой росли три довольно больших дерева. Для того чтобы разобраться в преимуществах именно этого места и так точно рассчитать возможности для распределения давления — условия, которые нигде по соседству нельзя было найти, — все это, мне кажется, говорит о чем-то большем, чем о высокоспециализированном инстинкте.

Когда я получил извещение о том, что хижина и все необходимые приспособления для бобров готовы, я телеграфировал жене, которая гостила у родственников в Онтарио, и просил ее приехать: ведь сейчас на моих руках было шесть бобров и ее помощь была необходима мне. Анахарео, не теряя времени, выехала к нам. Ей очень понравились бобрята, ведь она впервые их увидела, и они проделали вместе очень приятное путешествие. Джелли,

Раухайд и я, теперь уже опытные путешественники, ехали, как обычно, и нам не то было скучно, не то надоело и было все безразлично, как это бывает у пресыщенных людей. И все же путь был веселее, чем в прошлый раз, потому что перед нашими глазами не расстилались удручающие, бесплодные на вид поля пшеницы, которые напоминали пустыню.

Потребовалась целая флотилия моторных лодок с газолиновыми двигателями, чтобы перевезти нашу коммуну со всем имуществом до первого волока. Там мы преодолели тридцать километров водного пути. Оттуда до озера АЖАУАН, на берегах которого мы должны были поселиться, мы перетащили все (даже бобров!) волоком, длина которого была полкилометра. Последнюю часть пути мы проплыли на каное.

Полсвину избушки, ее заднюю часть, мы отгородили для бобров, оставив только отверстие для выхода зверьков. В этой части нашего жилища не было пола и отсюда начинался туннель, который тянулся на расстоянии семи футов под водой. Все это было устроено по моему плану. Тем не менее пришлось внести некоторые изменения: нужно было закрыть отверстие в перегородке, которое служило для бобров выходом, до того времени, когда начнутся морозы и замерзнет вода, — бобры, переселенные из владений, где все сооружения уже были готовы, как правило, сейчас же отправляются на поиски своего старого жилища; в нашем случае это стремление было особенно ярко выражено, так как они уже успели сделать запасы корма на зиму. В поисках своего старого дома бобер поплывет далеко — то вверх, то вниз по ручью — и будет бегать кругом в растерянности, словно сам не свой. Я знал, что мои ручные бобры не покинут меня, в чем я уже не раз убеждался, — я боялся другого: приближались морозы, и зверьки в своих далеких странствиях могли замерзнуть где-нибудь далеко от дома, или же попасть в лапы волка, или же погибнуть в какой-нибудь другой печальной авантуре. Мы испытывали Джелли Ролль, обладавшую наиболее положительным характером из всей семьи, но даже она заблудилась в зарослях кустар-

ника и отсутствовала три часа; она вернулась сухопутным путем, едва не отморозив себе хвост, и состояние ее было близко к отчаянию.

Бобры хорошо понимали, что они находятся вблизи нырялки, и часы своего бодрствования проводили в неустанной попытке достичь ее. Они долбили пол в нескольких местах и пробовали прогрызть перегородку — нам приходилось загоразживать ее бревнами и чурбанами. Но бобры перегрызали бревна и оттаскивали все, так что нам приходилось быть все время настороже и быстро восстанавливать заграждение. Однажды во время этих раздоров нам повсчастливилось наблюдать очень трогательную сценку.

Раухайд, самый необузданный из всей семьи, был особенно настойчив в своих стремлениях пробраться к выходу — к нырялке. Как-то раз я оттащил его довольно грубо за хвост, чтобы проучить как следует. Мгновенно один из бобрят, маленький самец, любимец Раухайда, бросился к нему, жалобно хныча, вцепился в него и прижался нос к носу; он разыграл такую нежную сценку, что мне стало немного стыдно за свою несдержанность, и я готов был принять справедливые упреки. Это была прекрасная иллюстрация нежной привязанности, существующей между бобрами. Правда, с наступлением зрелости это чувство ослабевает и даже угасает благодаря непреодолимому стремлению странствовать, что наблюдается не только у бобров, но и у существ, стоящих на более высокой ступени развития.

Мы устроили в хижине для удобства бобров водоем довольно больших размеров, и там они проводили много времени. В естественных условиях бобры очень тщательно высушиваются и причесываются после купания, но в хижине они вели себя неряшливо, и на полу была всегда вода. Правда, когда топилась печка, пол частично высыхал, но пар собирался под потолком, и все стены были в потеках от сырости; все стало влажным, и часть продуктов испортилась. Спать ночью было невозможно, мы засыпали утром, когда засыпали бобры. Их непрерывные жалобные крики — настойчивые просьбы пустить на койку — в конце концов покорили нас, —

ведь они были обездолены, попали в неестественные условия, и мы должны были возместить эти неудобства; мы брали их на кровать, совсем мокрых, и разрешали оставаться там, сколько им хотелось. Это успокаивало бобров и давало нам возможность хоть изредка пострелять и поесть.

Джелли Ролль уже была умудрена опытом: два года тому назад ей пришлось провести зиму со мной в хижине, и она теперь вела себя спокойно, с чувством собственного достоинства, и казалось, ничто не могло нарушить ее самообладания, — недаром мы называли ее Королевой.

Но нам, людям, было не по себе: эти вопли и крики, желание все перегрызть, — мы даже опасались, устоит ли хижина на месте, — непрерывное плескание и барахтанье в воде, постоянные попытки соорудить подмости, чтобы перелезть через перегородку, — все это вместе взятое было тяжелым испытанием нашей выдержки.

Но было много и веселых минут. Наблюдать бобрят, когда они пробовали приспособиться к непривычным условиям, — уморительно смешно. Один из них все время ходил на задних лапах, пошатываясь, как дряхлый старик. Случалось, что его братья и сестры, следовавшие по пятам за своими родителями, во время усердного обхода хижины вдруг натыкались на него и валили с ног. Бобренок поднимался, присоединялся к шумной процессии, потом снова отделялся от нее и продолжал уморительное шествие на задних лапах. Он бродил, пошатываясь, все кругом и кругом, поглядывал своими маленькими, черными, словно пуговики от ботинок, глазами, как будто он потерял что-то и не может найти.

Джелли Ролль своим спокойным жизнеутверждающим поведением подчинила себе бобрят, и они всецело полагались на нее. Куда бы она ни пошла, они следовали за ней. Если я ходил по комнате, она всегда шла по моим пятам, а за ней тянулся хвост ее свиты, — цепочка неуклюжих гномиков, переваливающихся и припрыгивающих на своих коротких ножках, без конца что-то лепечущих. Бывало, утомившись, один из бобрят залезал на хвост матери, который скользил позади нее, как на салазки. Выпрямив-

шись, стоя на задних лапах, бобренок цеплялся передними за шерсть бобрехи, а она с нескрываемым удовольствием катала его, в то время как менее предприимчивые малыши плелись сзади или толкались сбоку. В конце концов они все поняли удобство этого вида транспорта и иногда залезали на удивительную тележку-волокушу по два, по три сразу. Если не хватало места для всех больших перепончатых ног сразу, то пассажиры стояли на одной ноге, а другой отбивали такт по полу по пути своего следования. А Джелли Ролль спокойно, не торопясь, продвигалась вперед, как будто эта ноша была ей совсем не в тягость. Мне кажется, что всем нам пошло бы на пользу, если бы мы смогли перенять у бобрехи то самообладание, чувство собственного достоинства, которые помогали ей сохранять душевное равновесие; мы же все, включая и бобров, совершенно истрепали себе нервы, живя в таких противоестественных условиях.

Однажды ночью на наше счастье пришел мороз и всё сковал льдом. Мы открыли отверстие в перегородке, ранее забаррикадированное жестяными ящиками и другими металлическими вещами. Бобры дружно бросились к отверстию, проскользнули в него и всей семьей пошли знакомиться с новым помещением. К нырялке сначала они отнеслись с некоторым опасением, но постепенно стали привыкать и входить в воду. Они не сразу принесли корм, который я приготовил для них на плоту, вблизи жилища, но очень тщательно и аккуратно собрали сначала все ветки тополя, которые лежали под койкой (бобры сами складывали их туда) и отнесли в пещерку, выкопанную мною для них. И до тех пор, пока все топовые ветки не были обглоданы, а объедки не вынесены, они не пользовались кормом с плота.

Они теперь были вполне счастливы; перестали хныкать, жаловаться, боролись, играли, ссорились и ели так, как бывало раньше; несколько дней бобрята совсем не интересовались, что делалось на нашей половине.

Однако этого нельзя было сказать про Джелли Ролль. Обуреваемая неутомимой энергией, эта заботливая мать семейства реши-

ла, что пришло время привести в порядок дверь хижины, из-под которой очень сильно дует. И вот она стала появляться время от времени из нырляки с большим комом глины, который она прижимала к груди, и так шествовала вразвалку до нашей половины хижины, бросала липкую илистую массу на чисто вымытый пол, а потом начинала подталкивать ее к двери, оставляя после себя след по крайней мере в фут шириной. Щель под дверью была ловко, хотя и не очень опрятно замазана, но окончательная отделка продолжалась далеко за полночь — раз восемь за час то появлялась, то уходила бобриха. Утром мне пришлось взяться за лопатку, чтобы открыть дверь. И вот, разбуженная этим шумом, Джелли пришла посмотреть, что происходит. Когда она увидела, что ее сооружение разрушено, она стала визжать и, должно быть, браниться; вся трясаясь от волнения, она отправилась к нырляке и скоро вынырнула, нагруженная глиной. К вечеру она восстановила заграждение. Бобриха с удовлетворением посмотрела на свою работу — все было плотно и хорошо утрамбовано: на радостях она встала на задние лапы и вертела головой и верхней частью корпуса, словно исполняла какой-то вульгарный танец: так Джелли выражала свое большое удовлетворение от выполненной ею работы.

Для нас же этот военный танец был полон мрачных предзнаменований. Мы знали, что теперь бесполезно протестовать — ничто, кроме внезапной смерти, не в силах остановить Джелли Ролль в исполнении замысла, который — она в этом убедилась, — может быть успешно осуществлен. Бобры очень своенравны. И если, предположим, вы захотите, чтобы они вошли в лазейку, есть единственный способ заставить их это сделать: привести к лазейке и тут же оттолкнуть от нее. Всякое сопротивление их воле только подстегивает желание добиваться своего, и привычки, укоренившиеся на протяжении жизни, проведенной в преодолении всевозможных трудностей, приводят иногда к удивительным результатам. В нашем случае разрушение земляной насыпи оказалось бесполезным занятием, так как Джелли, работая с лихорадочной поспешностью, очень быстро восстанавливала ее, и в конце концов мы должны

были сдать. Борьба продолжалась на протяжении нескольких ночей, пока наконец мы не придумали выход из создавшегося положения. Мы перепилили дверь поперек и таким образом получили возможность выхода из хижины, переступая через насыпь и нижнюю часть двери. Но прошло некоторое время, и Джелли перестала интересоваться ремонтом — вместе с Раухайдом она начала усердно таскать из-под льда строительный материал для какого-то сооружения около самой нырялки. Сначала мы думали, что они просто забавляются, но по мере того как строительство продвигалось вперед, мы шутя высказали предположение, что они воздвигают дом, — настроение у них было приподнятое, видно было, что они очень довольны своей работой. И что же? Натаскав из-под льда с берега озера глины, мха и палок, они выстроили над самой нырялкой своеобразную постройку, которая служила спальней для всего семейства; тут же была устроена и сушилка. Они оставили отверстие сбоку этого сооружения, через которое могли проникнуть в нашу комнату, — теперь они снова часто появлялись у нас. Это отверстие бобры залепливали глиной, когда ложились спать, и снова открывали, когда наступали их часы бодрствования и работы.

С помощью ручного электрического фонарика нам удалось разглядеть внутреннее устройство бобрового жилища: все было очень опрятно и чисто, постели были устроены из мелких стружек и разорванных на клочки журналов, которые они стащили у нас: в сушилке у самой воды была травяная подстилка.

Запасы корма, который мне удалось заготовить на плоту, оказались недостаточными для всей зимы, а бобры из-за того, что мы приехали сюда поздней осенью, не успели сами сделать запасов, вот и пришлось мне искать выход из создавшегося положения. Я решил пробить отверстие во льду на озере и старался проталкивать верхушки тополей, молодые побеги ольхи и ивы. Раухайд сразу угадал мои намерения и принялся разламывать ветки и захватывать их под лед. Деревца и ветки, которые были потолще и с трудом разламывались, я предварительно рубил на части, а потом

складывал около проруби. Раухайд не терял времени и быстро все убирал, он опережал меня в работе и терпеливо ждал у проруби, когда я подброшу ему еще. Все это время Джелли была в хижине в гостях у Анахарео. Она вовсе не была ленивой (я имею в виду Джелли), но бобер, по-видимому, был другого мнения: устав от работы без ее помощи, он отправлялся в хижину и вызывал ее оттуда, чтобы она выполнила свою долю; Джелли повиновалась и шла покорно на работу.

Всю зиму — ночи напролет и весь день-деньской — эти шесть энергичных, беспокойных, неугомонных созданий трудились в поте лица, просили, кланчили, воровали, боролись, плясали и играли на полу нашей хижины, пока наконец не пришла весна и они получили возможность жить в естественных условиях, нормальной для бобров жизнью.

маленькие странники

Глава вторая

Есть ли у нас Зима? О да, и еще какая! Настоящий канадец любит Зиму, наслаждается ею. Особенно же ее любят наши северяне.

Но весна обладает своей особой прелестью. Канадский климат прекрасен своим разнообразием. Это не бесконечные трескучие морозы Арктики и не столь же бесконечная жара тропических и субтропических стран; у нас в Канаде четыре разных времени года, и каждое из них приносит свои радости.

Быстрые потоки журчащей воды и аромат первых цветов — это радость Весны. Она приходит с громким, словно бой военного барабана, стуком дятла о сухую ветку, с глухим

звуком похлопывания крыльями шотландской куропатки и мелодичным пением множества певчих птиц на Заре. Над головой кружатся чайки, оглашая воздух несмолкаемыми криками; вот доносится жуткий, тоскливый, почти человеческий хохот полярной гагары. Нельзя без волнения следить за весенним перелетом пернатых; целые фаланги, легионы диких гусей с криками прокладывают свой путь на Север, выстроившись треугольником. Они летят высоко в небе, иногда целую милю над землей, и все-таки отчетливо слышны могучие удары их крыльев.

А для меня Весна приносит еще что-то, вернее, много еще чего. Бобры, освободившись из-под льда после зимней спячки, носятся как угорелые, то вбегают в хижину, то выбегают из нее, по-видимому, без всякой цели, и занимаются какими-то шумными делами, совершенно не считаясь с тем, что я пытаюсь писать книгу. И в этой суете сует, поднимая вещи, которые они сбросили, и спуская вниз то, что они потащили наверх, расставляя по местам стулья, спасая украденные дрова, отвечая на их нетерпеливые возгласы, угощая их яблоками и еще чем-нибудь вкусным, попробую рассказать вам, что такое Весна в бобровом доме.

Мой рассказ пойдет о том, что происходило год назад.

Наступила Весна. Снег и лед постепенно растаяли. Вот уже две недели, как взрослые бобры остались одни: их бобрята, родившиеся прошлой Весной, покинули родительский дом и отправились бродить по белу свету — вернее, по ручьям и озерам. Барахтанье в воде, борьба и бесконечная суматоха, создаваемые ими в хижине, теперь сменились мертвой тишиной; не слышно больше пронзительных криков и воплей, раздававшихся прежде всю ночь напролет. Теперь уже не бросаются в хижину маленькие, очень серьезные зверьки с торчащей шерстью и выпученными глазами, чтобы искать с лихорадочным нетерпением по всем углам то, чего не было там и никогда там не лежало, или же для того, чтобы принести две-три палочки, бросить их у порога на память, а потом умчаться, словно их ожидали важные дела. Боб-

ровый пруд казался мне покинутым и грустным; я все прислушивался и ждал, что вот-вот раздадутся барахтанье и плеск в воде или же долетит эхо приветственного крика детских голосов, словно клич стражника, возвещавшего о своем возвращении домой.

Тишина нарушалась лишь тихим шепотом воды у нырялки, и я грустил, что мои маленькие друзья покинули меня, чувствовал себя потерянным без них и, признаться, хотел присоединиться к их веселой компании и участвовать в дерзновенной аванюре. Но по непреложному закону Природы дети всего живущего на земле по достижении своего совершеннолетия отправляются в странствование, чтобы выполнить предначертания Великого Плана — веления своей судьбы. С другой стороны, я понимал, что в пруду уже становится тесно, потому что бобровая колония быстро разрасталась, и, зная, что так должно быть, мне все-таки хотелось, чтобы было иначе.

Бобры-родители тоже очень тосковали, особенно Раухайд, — он все бродил молча, только изредка жалобно звал. Но в конце концов он примирился с неизбежным и теперь вел себя с тем же самообладанием и выдержкой, с которыми встречал и другие превратности бобровой жизни.

Как-то раз, вскоре после того, как бобрята ушли из дому, я услышал, сидя за ужином, тяжелое размеренное топанье за стеной хижины; шаги все приближались и, наконец, затихли. Всегда прислушиваясь к необычным звукам, я отворил дверь и увидел, как Раухайд терпеливо ждал, чтобы его впустили. Он стоял на задних лапах, выпрямившись во весь рост, с большим комом глины в передних лапах; затем быстро переступил порог, проследовал через всю хижину и опустил свою ношу на пристройку, которую он соорудил прошлой зимой вместе с Джелли Ролль над самой нырялкой. Потом повернулся, чтобы уйти, и, видимо, очень довольный собой, несколько раз подпрыгнул, направился к дверям и стал скрестись, чтобы его выпустили из хижины. Но это оказалось не все. Он скоро вернулся, а потом ушел, снова при-

шел. Так же на протяжении всей ночи уходил и приходил, и каждый раз, входя в хижину, он приносил тяжелый ком из глины, палок и камней, который он прижимал к груди передними лапами. И каждый раз он проделывал путь около сорока футов, которые отделяли постройку от берега озера. Большие палки и маленькие бревна он подкатывал, продвигаясь на четвереньках, но все-таки большую часть строительного материала он переносил, шествуя почти как человек, выпрямившись во весь рост. Мне казалось, что, случись какое-нибудь препятствие на пути, он повалился бы вперед, но он шел смело, не позволяя себе отдыхать, шел уверенной, хорошо сбалансированной походкой.

Мое предположение, что бобры устраиваются на постоянное жительство прямо в хижине, оказалось не шуткой, но строгой и довольно-таки неприятной действительностью.

Раухайд строил бобровый дом в моей горнице, прямо перед моими глазами.

Джелли временно отсутствовала, она была занята своим делом за пределами хижины: начала строительство новой плотины, которая должна была превзойти то, что сооружено руками человека. Интересно, что, закончив свою плотину, Джелли проделала отверстие-лазейку в соседней, расположенной на более высоком уровне, поверх которой нужно было все время перелезать. Тем дело и кончилось. Это было в конце Лета.

Вскоре строительство бобрового дома всецело поглотило внимание обоих бобров. Ежедневно на протяжении всей ночи и во второй половине дня раздавалось топание ног; что-то бобры все время волочили, что-то затыкали; были слышны мягкие звуки и резкие удары, тяжелое храпящее дыхание, когда строительный материал доставлялся на место и пускался в работу. Глину размягчали и утрамбовывали, палки очень ловко втыкали на некотором расстоянии друг от друга, и если концы где-то торчали, их аккуратно подравнивали. Обломанные концы палок использовались для дальнейшего строительства и залеплялись глиной, а если они снова где-нибудь торчали, то их обязательно обламывали или пе-

регрызали, и так до тех пор, пока плетень из прутьев и палок длиной в шесть футов совсем не исчезал в земляном валу.

Бобры работали очень прилежно и настойчиво, собирая материал с берега озера, или, схватившись за палку передними лапами, как за лопату, выкапывали со дна глину и плыли очень осторожно, чтобы доставить свой груз без потерь; они подплывали к своей пристани — как раз напротив хижины — и становились на задние лапы только за тем, чтобы коснуться дна. Они работали упорно, не позволяя себе отдыхать, и за час успевали обернуться туда и обратно двенадцать раз; шли до хижины иногда по одному, иногда в торжественной процессии друг за другом, такой уверенной, целеустремленной твердой походкой, словно это шествовало само Время.

Джелли не останавливалась перед дверью, а со свойственной ей самоуверенностью сильно толкала ее и широко открывала; Раухайд скоро научился делать то же самое, хотя, будучи от природы более застенчивым и тихим, делал это более деликатно. Со временем Королева сама научилась открывать дверь изнутри, чтобы выйти из хижины. Поощряя такое поведение, я прикрепил петлю из ремня вместо дверной ручки, и она всегда ею пользовалась. Другое дело Раухайд: он по-прежнему терпеливо ждал у двери, чтобы я выпустил его, — на наши усовершенствования он не обратил никакого внимания. В конце концов я решил, что гораздо удобнее держать дверь все время открытой, несмотря на целые тучи москитов, которые залетали в хижину.

Восемь лет прошло с тех пор, как Мак-Джиннис и Мак-Джинти, самые первые из наших бобров, поплыли навстречу своей смерти; целых восемь лет отделяют нас от той роковой ночи, когда мы с Анахарео стояли на берегу безымянного пруда и отвечали на их последний протяжный жалобный клич; мы смотрели на расходившиеся по обе стороны волны, маленькие безмолвные волны, — они нам ничего не сказали; может быть, они и рассказали бы нам о своем пути, если бы только мы смогли понимать их лепет.

Наблюдая теперь все, что происходит у меня перед глазами,

видя, с каким удовлетворением, я бы сказал, даже упоением работают вместе Джелли Ролль и Раухайд, я невольно вспомнил ту трогательную баррикаду, которую выстроили маленькие бобры в нашей далекой хижине на Березовом озере, с трудом собрав кое-какой материал, и подумал, как счастливы они были бы здесь. И в то же время, если бы они были с нами, размышляя я, мы никогда не нашли бы Джелли Ролль и Раухайда. В конце концов я вынужден был признать, что все должно было быть так, как оно есть, и, что если бы мне предложили сделать выбор между этими двумя парами «младших братцев», я не смог бы это сделать. Мы не в силах изменить хода событий, но никто не отнимет у нас воспоминания.

Теперь у Джелли появились новые планы — она решила вырыть яму на участке прямо перед хижинкой и все царапала и скребла землю; делала она это то ли для того, чтобы сложить туда запасы корней, то ли для того, чтобы иметь кладовую хотя бы на будущее. Я настойчиво уговаривал ее прекратить эту подрывную работу, так как боялся, что хижина рухнет, мне казалось даже, что она поняла. Но я ошибся. Джелли перехитрила меня. Как-то утром, выходя из хижины, я споткнулся и провалился в глубокую яму, которую мой землекоп успел вырыть за ночь. Кроме этой самостоятельной работы, она кое-что переняла у Раухайда и стала, как и он, бросать ком глины прямо у двери, ради экономии труда, а потом подталкивала его лапой через всю хижину, оставляя после себя невероятную грязь; вот и приходилось каждое утро браться за лопату и скребок, чтобы навести порядок в хижине.

Эта строительная работа продвигалась быстро; не прошло и двух недель, как большой бобровый дом, занявший значительную часть нашего жилья, был готов. На этот раз я счел своевременным попросить Управление заповедниками прислать мне кинооператора, чтобы запечатлеть инженерную деятельность бобров. В ответ на это скоро приехал кинооператор, тот самый, который снимал бобров в окрестностях горы Всадник незадолго до нашего переезда на озеро Ажауан. Вместе с ним приехало несколько человек его

помощников. Чтобы получить хорошее освещение для съемок, пришлось снять крышу с хижины, но все хлопоты и расходы казались незначительными по сравнению с блестящими результатами киносъемок. Было заснято около двух тысяч футов очень интересного материала. Бобры были запечатлены не только в их повседневной трудовой деятельности, но и в импровизированных юмористических сценах, стяжавших им бессмертную славу.

Наши гости были очень любезны и предупредительны с бобрами на протяжении целой недели работы, хотя надо сказать, что Джелли, с ее своенравным характером, то и дело ставила их в затруднительное положение и часто завладевала всей сценой, исполняя свой потешный военный танец.

У кинооператора, кроме его огромной машины, была еще и целая батарея фотоаппаратов. Люди стояли наготове, ожидая момента щелкнуть, крутить пленку, остановить. Эта необычная обстановка взвинчивала бобров; Джелли порой все надоедало, и она демонстративно уходила, долго не возвращаясь: Раухайд держал себя с большей выдержкой и самообладанием. А я подбадривал бобров ласковыми словами, подходя то к одному, то к другому, и время от времени раздавался хорошо знакомый им протяжный напев: «О-о-о-о-ль-ль р-а-а-а-й-т *, Джелли», «О-о-о-о-о-ль-ль р-а-а-а-й-т, Раухайд», «О-о-о-о-ль-ль р-а-а-а-й-т, Маа-уи». И этот монотонный призыв околдовал и самого фотографа-художника, большого мастера своего дела, обладавшего темпераментом, не менее пылким, чем наша Королева-Джелли; в конце концов он незаметно для себя перенял мою систему работы и подходил то к одному, то к другому своему помощнику, напевая: «О-о-о-о-ль-ль р-р-р-р-а-й-т, Томми», «О-о-о-о-ль-ль р-а-а-а-а-й-т, Джимми», — и никто не осмеливался смеяться.

Стоит ли говорить, что я не мог относиться равнодушно к тому, что у нас происходило, — были моменты, когда в нашей хижине царил атмосфера настоящей киностудии.

---

* «Все в порядке» (англ.).

Бобровый дом теперь стал уже вполне жилым, и казалось, что там теперь делать нечего, однако бобры продолжали настойчиво достраивать его каждое Лето. В настоящее время, когда я пишу эти строки, он занимает по меньшей мере одну третью часть площади пола хижины и отличается большой прочностью.

Теперь с каждым днем становится все яснее, почему бобры так неутомимо работали. Ожидалось большое событие, самое большое за весь год.

Джелли Ролль стала какой-то вялой, трудилась все меньше, все больше и больше времени проводила возле меня. Бывало, положит голову ко мне на колени и так заснет. Казалось, ей нужны были мое внимание и участие, и стоило шепнуть ей несколько ласковых слов или немного ее погладить, как она сильнее прижималась ко мне и тихо урчала от удовольствия.

По ночам бобры все ходили взад и вперед и что-то приносили. Ожидающая мать подолгу рылась на берегу озера и возвращалась домой с пучком сосновых и еще каких-то корешков, а Раухайд предпринимал по ночам таинственные походы в глубь леса, если ветер был благоприятный, если же нет, он не уходил далеко и, обеспокоенный, быстро возвращался, всегда с пучком корешков и трав, которые он выкопал. Ни травинки из этих запасов не было съедено, а все бережно хранилось. Стены бобрового дома, которые уже достигли толщины в четыре фута, позволяли увеличить и усовершенствовать внутреннее помещение, и нам отчетливо было слышно, как бобры трудились.

Они оставили отверстие-лазейку с одной стороны своего дома, и это давало им доступ к нашему жилью, а мы получили, таким образом, возможность рассмотреть, как они устроили свои «внутренние покои». Спальня была поднята повыше с тем расчетом, чтобы постели оставались сухими, а вода хорошо стекала, — никто из семьи не мог позволить себе лечь в постель, если он предварительно не выжал воду из шерсти, не причесался и не поскребся в пещерке, специально для этого предназначенной. Новая плотина была теперь усовершенствована так, чтобы уровень воды в нырляке поднялся

выше, почти наравне с полом. Это было сделано для того, чтобы крошечные смешные бобрята, отправляясь в первое неведомое путешествие на своих маленьких неверных ножках, могли бы легко соскользнуть в воду и вылезти из нее, пока их мать бродит по лесу, собирая для них пищу.

Циновка-плот, сплетенная из палок и веток, укреплена у входа в дом, чтобы легче было бобряткам вылезти из глубокой воды; осенью этот плот разрастался и превращался в большой плот, на котором бобры заготавливали корм на Зиму. Но главное назначение плота-циновки было служить укрытием, где бобрята могли прятаться в случае нападения хищной птицы, ведь до трехнедельного возраста, а иногда и постарше, они не умеют нырять. Дополнительно к этому заботливые родители устроили запасные выходы, были вырыты спасательные лазейки в случае, если туннель будет захвачен земноводным врагом — выдрой — или голодной щукой.

Несколько недель назад ко мне приехал погостить один индеец; он ехал верхом на лошади, и после его отъезда осталось некоторое количество сена. Раухайд несколько раз отправлялся на место, где лежало сено, и все присматривался; наконец как-то ночью он начал его перетаскивать. Бобер забирал сено большими охапками и прижимал к себе передними лапами, потом шел, выпрямившись, на задних лапах; он нес свою ношу на расстояние тридцати футов и шел бродом вниз, по склону высокого берега. Это была очень трудная задача — не только потому, что большая охапка сена заслоняла ему глаза и он не видел, куда идет, но еще и потому, что благодаря своему телосложению бобер может свободно передвигаться по ровному месту или же взбираться на возвышенность, но спускаться ему трудно. То, что бобер был озабочен переноской сена для подстилки и что Джелли последнее время не показывалась, навело меня на мысль, что волнующее событие вот-вот должно было произойти. И на самом деле: в один из вечеров Месяца Цветов, в период полнолуния, ко мне донесся через отверстие в толстой стене бобрового дома тоненький жалобный плач, удивительно похожий на плач ново-

рожденного ребенка; еще и еще один голосок добавили свои слабенькие, дрожащие звуки к нежному хору; детские голоса заглушались хриплыми, мычащими, гудящими звуками колыбельной песни бобров-родителей. Мне было жалко бобрят; мне казалось, что вряд ли можно убаюкать малышей такими грубыми, басистыми голосами, которые гремели над их нежными ушами. Но может быть, это был просто семейный разговор, когда счастливые родители делились своими чувствами, восторгаясь младенцами.

Тихонько я заглянул через дверь этой детской комнаты и стал единственным свидетелем маленькой семейной сцены, на которую нельзя было смотреть равнодушно. Четыре пушистых красновато-коричневых, прекрасно сложенных бобрят около четырех дюймов в длину, с круглыми черными глазами и короткими, словно резиновыми, хвостами, лежали беспомощные, а бобриха-мать своими огрубевшими от работы лапами, удивительно похожими на руки человека, нянчила и баюкала их. И когда она выполняла свой материнский долг, ласково урча и бормоча, в криках и плаче ее отпрысков можно было ясно уловить нотку протеста, совсем как у новорожденных детей, — первые ощущения и наиболее характерные из модуляций, которыми бобер выражает свои эмоции.

Наблюдая поведение бобра-отца, я могу с уверенностью сказать, что если он и не оказывал посильную помощь в момент родов, то, во всяком случае, он сделал все от него зависящее непосредственно после появления на свет малышей. Позже он подполз к нырялке и опустился под воду настолько тихо и осторожно, что в сумерках я не смог уловить точно момент его исчезновения. Стоило ему только очутиться в свободных водах, как поведение его резко изменилось. С громкими криками он пустился вплавь, шлепал что есть мочи хвостом по воде, неистово брызгаясь и кувыркаясь. Потом он поплыл вдоль берега озера, а я решил сопровождать его в каноэ. У всех, кто был свидетелем происшествий на озере, не оставалось сомнений, что взвинченное состояние бобра было прямым результатом радостного события в его семье. Путешествие по озеру скоро приняло характер

триумфального марша по воде; взбудораженный бобер время от времени громко кричал, то и дело залезал ко мне в каноз, потом быстро вылезал и бросался на берег, и снова плыл обратно, сам не свой и не в силах выразить обуревавшие его чувства. Когда же я опустился на колени в каноз, шепча ему ласковые слова и целые фразы, которые он за два года нашей тесной дружбы уже хорошо понимал, я с грустью думал, что где-то еще таится злой враг, который — получи он только возможность — убьет бобриху и маленьких бобрят, разрушит землянку со всеми сооружениями, с таким упорным трудом воздвигнутыми в защиту от хищников. Я жалел своего бессловесного преданного друга, и мне порой хотелось, чтобы мои радости были такими же ясными, как его, и не были затуманены тревогой за будущее.

Всю эту ночь, так же как и многие последующие ночи, Раухайд без устали собирал и относил домой подстилку и был очень занят всевозможными семейными делами. Когда бобриха отлучалась из дому, чтобы собрать корешки и травы, он даже баюкал бобрят, стараясь напевать им, как это делает мать, только у него получалось некрасиво. Если Джелли долго не возвращалась, он не уходил из землянки, а все возился с неугомонными бобрятами, разнимал их, когда они дрались, издавал какие-то необычные звуки, которые успокаивали малышей. Временами его самоотверженное выполнение отцовского долга просто поражало меня.

Как-то раз, когда мы сидели, наблюдали, прислушиваясь, мне вспомнился один случай, который произошел много лет назад во время охоты в районе Абитиб, тогда еще глухом месте. Однажды вечером после того, как мы разбили лагерь, один из охотников нашей группы проследил и убил большую бобриху. Это было Весной, но никто не подумал о беспомощных осиротевших бобрятах, жизнь которых всецело зависела от матери. Помнится, я даже завидовал этому охотнику и жалел, что бобриха попала не мне. И всю ту ночь со стороны пруда ко мне снова и снова доносился звук, которого раньше я никогда не слышал, — одна протяжная тоскливая нота, словно на струнном инструмен-

те, часто повторяющаяся, ищущая, настойчивая. Я был в недоумении и обратился к пожилому человеку с вопросом, что за животное издает такой звук. Он мне ответил довольно угрюмо, что там кричит сова. Я знал, что это не так. Рано утром, когда мы двинулись в путь, этот жалостный крик был все еще слышен. Теперь я знаю этот звук: то был отчаянный зов бобра, потерявшего свою подругу. И кажется, мне понятно теперь, почему опытный охотник, несомненно знавший, как и я теперь знаю, истинное значение этого крика, ответил угрюмо, невпопад, лишь бы отмахнуться от вопроса. Я видел, сколько заботы и любви отдавал Раухайд своим малышам. А один раз я был свидетелем, даже помощником в его неистовых поисках и слышал, как у него вырвались жуткие крики тревоги, когда Джелли однажды очень долго не возвращалась домой. Этот душераздирающий зов, который я так часто слышу теперь, иногда заставляет меня вспомнить ту ночь, тридцать лет тому назад, когда обезумевший тоскующий бобер все искал свою подругу, не зная, что никогда ее больше не увидит; и все звал, звал, а ее уши уже не слышали. И, не дождавшись ее, он сделал все возможное, чтобы выходить малышей, а они медленно умирали на его глазах.

Проливные дожди и пронизывающие ветры заставили бобра закрыть лазейку в бобровом доме изнутри и снаружи так, что жизнь новой бобровой семьи была скрыта от меня по крайней мере на три недели. Согласно нашей политике невмешательства, которой мы строго придерживались, не было сделано никаких попыток открыть отверстие. Мы накопили много интересных наблюдений над бобрами, но этот период жизни остался для меня закрытой книгой; он также осложнил проблему приручения этих подвижных, капризных, своенравных зверьков.

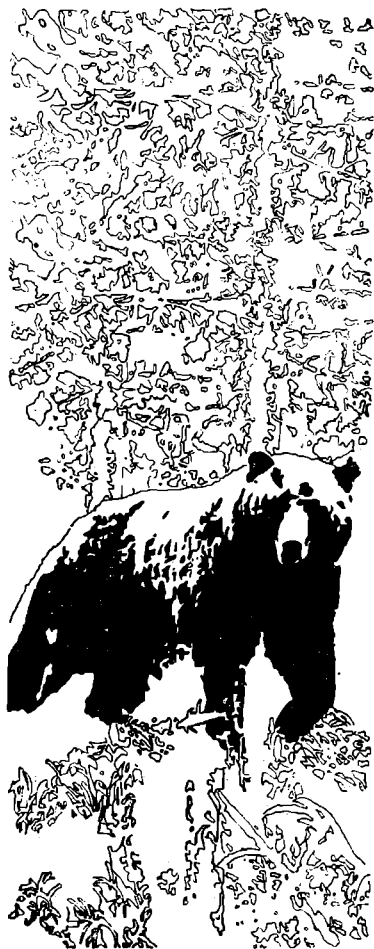

Как-то раз
было получено сообщение
из одного курортного городка,
что медведи,
обвиняемые в коварстве и злодеяниях,
медведи, не понятые взрослыми,
были найдены в зарослях,
тайком играющими с детьми.

медведи из уаскезье

Уаскезье — курортный городок из палаток, разбитых на широком песчаном берегу озера того же имени, огромного озера, у которого конца-края не видно. Линия горизонта, где обрывистые, поросшие сосновым лесом берега почти сходятся, оставляя лишь узкую полосу воды, шириной не более полета стрелы, заметна для глаза только при солнечном свете летнего дня. И как ни велико это расстояние, приплыв туда, вы обнаруживаете, что сделали всего лишь половину пути.

Когда вы стоите на берегах озера Уаскезье, у вас появляется лишь смутное представление о настоящем значении слова «расстояние». В три-

дцати милях от городка, позади дальних теснин лежит озеро Ажаран; здесь, в одном из крупнейших канадских заповедников, живут мой бобровый народ и я. Добраться сюда можно только водным путем. Эти уединенные места вполне доступны для тех, кто загорится желанием проделать такое путешествие, а Бобровый дом окажет им свое теплое гостеприимство.

Стоит мне увидеть приближающееся со стороны волока каноез или же заметить появление человека, который пробирается по дальним извилистым тропам леса, как меня охватывает большая радость, и я с удовольствием предвкушаю встречу гостя с Джелли Ролль, Раухайдом и другими членами их клана. Я живу здесь совсем один, если не считать моих четвероногих и пернатых друзей, и встречи с людьми мне очень дороги, важны и прямо-таки необходимы: они очень много мне дают.

Необъятные просторы этого дикого края покрыты девственными лесами и многочисленными озерами. Вы можете идти к Востоку и к Западу на невообразимое расстояние, и к Северу до самого Полярного круга — везде будет все та же первобытная Природа, и лишь изредка повстречаются торговые посты.

Каждую весну в Уаскезье приезжают люди и разбирают лагерь — вырастает целый город палаток; каждую осень они уезжают, оставляя огромную ненаселенную территорию на попечение диких зверей и птиц, а также и на мое попечение.

Должно быть, самые интересные из всех летних гостей Уаскезье — это медведи. Здесь встречаются всевозможные медведи: медвежата весом около ста фунтов, только что начинающие самостоятельную жизнь, и большие медведи, которые весят шестьсот фунтов, — это вовсе не самые крупные, это просто обыкновенные медведи, каких здесь много. Вы встретите здесь черных медведей с рыжими мордами, рыжевато-коричневых, темно-коричневых и просто коричневых, обыкновенных, а мне как-то попался на глаза медведь с яркой бронзовой окраской. Здесь нет только гризли. Медведи — это безобидные, добродушные существа, которые ни на кого не обращают ни малейшего внимания

(мне не раз приходилось видеть медведя, шествующего по проезжей дороге). Улицы городка освещены по ночам, но фонари находятся на большом расстоянии друг от друга, и этого освещения недостаточно; случалось, что люди в темноте насккивали на медведей и пугали их до полусмерти; в связи с этим было внесено предложение улучшить освещение городка. Интересно наблюдать, как шесть, а то и больше медведей собираются кучкой около летних кухонь, обнюхивают и выбирают себе куски из подачек поваров; надо отдать справедливость косматым, что они ведут себя очень вежливо по отношению друг к другу и совсем не обращают внимания на толпу любопытных, которые смотрят на них во все глаза и непрерывно щелкают фотокамерой, стоя на расстоянии всего лишь 20 футов.

Недалеко от курортного городка Уаскезье среди зарослей кустарников, через которые проходит большая проезжая дорога, живет медведица с медвежатами. Они часто выходят на дорогу и поджидают машину. Стоит вам остановить машину, как они подойдут всей семьей и без всяких стеснений станут выпрашивать лакомые кусочки. Это, конечно, несколько дискредитирует старые рассказы о свирепости медведицы, у которой есть медвежата, однако людей, сидящих в машине, это очень забавляет, и они потом с гордостью рассказывают, как смотрели в глаза «страшному зверю» — медведице.

Молодые и неопытные медведи, впервые поселившиеся в Уаскезье, не знакомые еще с местными порядками, то и дело что-нибудь натворят: то заберутся в палатки, еще никем не занятые, и засыпают там, то залезают головой вниз в мусорные баки и барахтаются, пока к ним не придут на помощь. Одна моя знакомая рассказывала, что как-то, войдя в свою палатку, она заметила — так ей показалось — большую черную собаку, которая улеглась, словно дома, и на ее появление реагировала полным безразличием. Рассердившись на бесцеремонность непрошеного гостя, женщина сначала шлепнула его рукой, а потом стала выгонять веником, — тогда только она увидела, что эта была со-

всем не собака, а медведь довольно-таки больших размеров. Медведь не обиделся и спокойно ушел.

Рассказывали мне и такой случай. Медвежонок, скитаясь между палатками, стащил женские трусики. Немного поиграл ими, и, не найдя в этом ничего интересного, он отправился на поиски новых приключений. Но не тут-то было — трусы связали его движения, зацепившись за когти. Он то и дело останавливался и пробовал стряхнуть их; иногда он даже становился на задние лапы, поднимая высоко над головой переднюю лапу, и махал трусами, словно флагом. Он вертелся, извивался, тщетно пытаясь освободиться от ненавистных пут, потом останавливался в забавной позе, словно смущенный своим бессилием. В конце концов трусы взлетели на воздух и повисли на ветке дерева; медвежонок взглянул на них с облегчением и побрел себе дальше.

Говорят, что один из косолапых был завсегдаем гостиницы и ежедневно в определенный час непринужденно входил на кухню; это был довольно большой медведь, и повара, чтобы поддерживать с ним дружественные отношения, оставляли для него всякие угощения в виде пирога и других лакомств, а сами уходили во двор. Наевшись досыта, медведь уходил спокойно, а повара возвращались на кухню со вздохом облегчения.

Случалось, что малообразованный медведь, незнакомый еще с городской жизнью, вваливался на склад. Особенного вреда и убытка он не причинял, и главная вина ложилась на сторожа, который забывал запереть дверь на складе. Как бы там ни было, но ни один уважающий себя медведь не позволит себе этого, ведь гораздо легче и приличнее выпросить себе еду на кухне.

Как-то раз было получено сообщение из одного курортного городка (не из Уаскезье), что медведи, обвиняемые в коварстве и злодеяниях, медведи, не понятые взрослыми, были найдены в зарослях тайком играющими с детьми. Я не знаю, что еще может сделать медведь, чтобы заслужить доверие взрослых, — остается только посадить ребят к себе на спину и привезти их в город.

Поверьте мне, что ваш медведь добрый малый, и он с удовольствием съест любую пищу, которую вы ему дадите или же забудете убрать. Характер у него веселый, и не следует преувеличивать его недостатки. Он хочет, чтобы вы его поняли, и не надо с ним быть мелочным. То, что медведи иногда вламываются в кладовые и вытаскивают оттуда мешки с мукой для того, чтобы рассыпать ее на земле площадью в пол-акра и поваляться, говорит всего лишь о том, что медведи игривы и им нравится валяться. Я считаю вполне справедливым, что за такие проделки медведя надо наказывать, и если к тому же вы ему покажете соблазнительную витрину с мясными и свиными консервами в банках по два килограмма весом (не трудитесь их открывать, медведь сам сумеет открыть) да еще банки с медом, то внимание медведя будет отвлечено от муки хотя бы на некоторое время.

Медведи придают особый колорит этим местам, и большинство из завсегдатаев Уаскезье считают, что именно косолапые привлекают сюда людей. Быть может, некоторые робкие души испугаются, если встретят компанию медведей на главной улице городка, но таких пугливых немного, большинству нравятся эти встречи. Медведь — это клоун лесов; неуклюжий и подчас вороватый, он все же очень милый и добродушный малый, когда с ним хорошо обращаются.

В окрестностях Уаскезье, где водится много медведей, не зарегистрировано ни одного несчастного случая от столкновения с медведем, известны только комические происшествия.

Дикие животные очень быстро распознают заповедные места, как только туда попадают. За короткое время они становятся совсем ручными, спокойно живут своей жизнью и не вмешиваются в дела человека, если только он не вмешивается в их дела. Кажется, что им нравятся новые и интересные развлечения, которые они здесь находят. Несколько лисиц очень красивой окраски — черно-бурые, серебристо-серые — сделали этот летний курорт своей постоянной обителью. Несмотря на то, что лисицы прирожденные путешественницы и странствуют далеко по

необъятным просторам, эти предприимчивые существа проводят большую часть своего времени на курорте. Однажды я имел удовольствие встретить целое лисье семейство: очень красивая серебристо-серая лисица с четырьмя черными как смоль лисятами, подростками, стояла у дороги и смотрела, как я проходил мимо. Зимой они постоянные посетители хижины проводника-переводчика, где им оказывают теплое гостеприимство и, конечно, никогда не забудут накормить; было бы очень нехорошо, если бы человек причинил им зло.

Я редко бываю в Уаскезье и не все знаю, что там происходит из года в год, поэтому я с удивлением смотрел на стадо оленей, которое спокойно проследовало мимо толпы любопытных. Их было пять. Они шли легко и грациозно, вереницей друг за другом, как индейцы, и, казалось, следили за каждым шагом своей непринужденной пружинящей поступи, — быстрые, дикие и свободные дети Первобытной Природы, посланцы лесной глуши. Кто-то сказал: «Это совершенные создания».

И он был прав.

Незадолго до того один ручной олень фактически жил в курортном городке Уаскезье. Он умер, говорят, от злоупотребления табаком. Нет, он не курил, но, как некоторые другие животные, очень любил жевать табак и был, как мне говорили, своего рода наркоманом. Как-то вечером он увидел, что одна молодая женщина пошла погулять по набережной. Олень тоже решил прогуляться и пошел за ней. Женщина знала этого оленя, поэтому не стала отгонять его, и они шли рядом по набережной. Почувствовав усталость, женщина присела. Олень последовал ее примеру.

Потом молодая женщина решила, что ей пора возвращаться домой, и встала. Но олень, по-видимому, еще не собирался уходить и, легонько толкнув ее, заставил сесть, а сам улегся возле нее. Прошло довольно много времени, когда женщина снова попыталась встать, но это ей не удалось, спутник снова заставил ее сесть. Это повторялось несколько раз, и женщина, боясь рассердить оленя, решила не двигаться с места; олень продолжал ле-

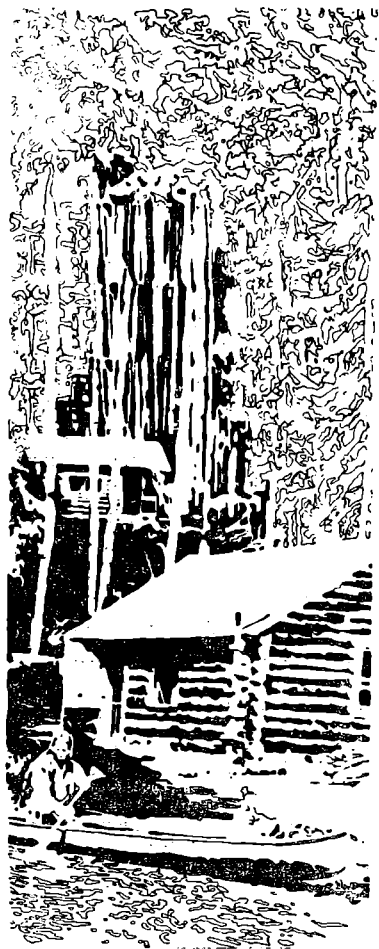
жать у ее ног. Наконец на выручку молодой женщине пришло несколько ее друзей, тогда олень сдался и вместе со всеми отправился в город.

Звери, которые продолжают жить на холмах среди Дикой Природы, окружающей со всех сторон Уаскезье, смотрят, конечно, с упреком на перебежчиков. Но они ничего не предпринимают, чтобы удержать своих собратьев, и количество беглецов с каждым годом увеличивается.

большие и маленькие обитатели леса

Солнце зашло. Бледный месяц плывет над спокойной поверхностью озера Ажауан. В тихом, тихом лесу ложатся длинные темные тени.

Ажауан, маленькое глубокое озеро, сверкает и переливается, словно ртуть, в своих холмистых, покрытых лесом берегах. Лес то поднимается на холмы, то опять спускается вниз; зелеными сонными волнами он простирается все дальше и дальше на Север, до самых берегов Ледовитого океана.

Вода день за днем отражает капризные настроения озера и вечно меняющийся цвет неба. Сегодня днем озеро изумрудно-зеленое, прозрачное, в нем отражается лес;

но лишь спустится ночь, и оно уже будет казаться серебряным в лучах лунного света; а вечером, в торжественные минуты солнечного заката, оно загорится багрянцем.

На берегу озера, у самой воды, стоит маленькая бревенчатая хижина — бобровый дом, мой дом. Это очень скромное жилище построено по рисунку, в котором я воспроизвел почти в точности домик Мак-Джинниса — ту ОПУСТЕВШУЮ ХИЖИНУ в далекой Темискауте, где было начало всего и где я писал свои рассказы.

Бобровый дом не только мой дом, здесь живут мои бобры, здесь же собираются и разные обитатели леса, в самом сердце которого мы живем. Наши гости, большие и маленькие, дикие и пугливые, скрывающиеся среди густой зелени, нарушают правила своей тайной жизни, приходят ко мне из лесной чащи — некоторые для того, чтобы поселиться, другие навещают время от времени. Тут и маленький бобренок, похожий на мышку; он все вертится возле меня в надежде, что я забуду закрыть крышкой миску с маслом; и огромный лось, величиной с лошадь, с живописными рогами, достигающими трех с половиной футов в ширину, — мой частый гость, который погружается в тяжелое раздумье, остановившись под моим окном*.

Несмотря на то, что я живу в уединении, вдали от людей, я редко чувствую одиночество. Стоит мне выйти за порог моей хижины, как маленький зверек с пышным развевающимся хвостом или же другой, с затейливо расписанной шкуркой, мчится во всю прыть и, увидев меня или услышав мой тихий зов, подсматривает, чем я его угощу. Эта мелюзга очень быстро обнаруживает, где я живу, а также то, что от меня никто не уходит без лакомства. Крупные звери приходят ко мне не ради угощения, в лесу они в изобилии находят себе корм; мне кажется, они ищут общения с живым существом, какое-то разнообразие в жизни, подобно тому, как люди, живущие в глуши, время от времени отправляются в город в поисках развлечений.

---

* Этого лося я описал в рассказе «Одинокий лось».

Зато среди птиц есть настоящие попрошайки, особенно этим отличаются сойки — общительные серые разбойники. Они появляются бесшумно, как привидение, неизвестно откуда, при первом ударе топора или струйке дыма от костра, и добиваются гостеприимства благодаря очень милым, подкупающим повадкам. Их смешные проказы нарушают однообразие жизни и не дают скучать. Человеку, живущему в глуши леса, кажется, что дружба с ними стоит нескольких кусочков хлеба или мяса. Однако он скоро обнаружит, что их не устраивает часть завтрака, они хотят получить весь без остатка. Эти хитрые проказники настойчивы до невероятности; если им не удалось получить столько, сколько хотелось, они усядутся вокруг на ветках, очень грустные, и с упреком будут смотреть на вас, словно они умирают с голоду, пока неопытный путешественник не станет щедро угощать их.

Две сойки с лесного участка, где я впервые поселился, созвали с бесконечных нехоженных троп леса всю свою братию, гнездившуюся на расстоянии по меньшей мере пяти миль. Эта ватага попрошаек вплотную следует за мной во время моих постоянных обходов леса. Когда я выхожу из хижины с топором ли в руках или с пустым горшком, все равно с чем, сейчас же раздаются пронзительные крики бдительных дозорных, которые часами терпеливо дожидались моего появления; если перевести эти птичьи возгласы на наш язык, то будет что-нибудь вроде: «Вот и он, братцы!» Когда я останавливаюсь, они усаживаются со всех сторон на ветки и смотрят на меня, иные игриво, другие торжественно или же заискивающе, в зависимости от настроения, доверительно пересвистываясь между собой. Мой прямой пристальный взгляд почти всегда нарушает их напряженное внимание, и некоторые отворачивают в сторону голову: то ли это означает отказ от каких-то скрытых намерений (а они способны выдолбить глаз у бронзовой обезьяны), или же они прикидываются равнодушными к угощениям, этого я не берусь отгадать. И все же напускная скромность не мешает им настроенно следить за каждым моим движением,

они не оставят незамеченным ни одного кусочка, брошенного даже позади них, не в поле их зрения. Большинство из них научилось садиться на мою вытянутую руку и клевать осторожно то, что им предложено, другие же опускаются на меня пикирующим полетом и схватывают свою долю на лету. Что и говорить, сойки прожорливы и не упускают случая уворовать, но зато они веселые и добродушные сорванцы и с ними не скучно. Эти хитрые создания распевают жалобную песенку, казалось бы, для того, чтобы усладить слух усталого путешественника, но я сильно подозреваю, что они выманивают у него подачку своей чарующей песней сирены. Сойки с удивительной настойчивостью добиваются того, что им надо. Однажды я наблюдал, как дятел отнял у сойки замороженную кость от говядины, а сойка терпеливо дожидалась той минуты, когда красноголовый бросит возиться с ней. Дятел оказался неопытным в этом деле: он долбил кость, как привык долбить дерево, и кусочки мороженого мяса разлетались в разные стороны. Когда он кончил свою работу, перед ним оказалась хорошо очищенная, блестящая, но несъедобная кость. Это доставило большое удовольствие сойке, сразу оценившей выгодное положение, — она стала прыгать вокруг и собирать кусочки разлетевшегося мяса; завтрак получился сытный. А бедняга дятел тяжело поработал, но остался ни с чем.

Птицы с ярким оперением редко встречаются на Севере, и хохлатый дятел с его малиновой и пестрой, рельефно выписанной окраской радует глаз, когда стремительно, словно стрела, он перелетает с дерева на дерево. И как он любит шум! Чтобы помешать бобрам подтачивать лучшие деревья вокруг хижины, мне пришлось сделать на нижнюю часть стволов, начиная от корня, жестяную защитную повязку. А это оказалось чудесным подарком для дятлов всей округи — они забавляются здесь, выстукивая клюзами свои маленькие концерты. Уже давно у меня вошло в привычку бодрствовать по ночам и ложиться спать на рассвете. И стоит мне улечься, как дятлы начинают выстукивать свою барабанную дробь по жести, заглушить которую смогли бы лишь

выстрелы из пулеметов; среди этого дьявольского шума я должен пытаться заснуть; иногда это мне удается, иногда нет. Вспоминаются далекие годы, когда я начинал охотиться, — у меня не было часов, и я придумал себе своеобразный будильник, чтобы вставать рано; для этого я положил крепко замороженное мясо в жестяную миску и поставил ее на низкую крышу своей лачуги, прямо над изголовьем своей койки. Как только начинало светать, сойки принимались долбить мороженое мясо, поднимая при этом такой треск и шум, что мертвый проснулся бы. Мне кажется, никому, кроме меня, не пришло в голову такое изобретение; оно имело даже некоторое преимущество перед обыкновенным будильником: во время плохой погоды птицы не прилетали ко мне, и мой будильник молчал, а во время большого снегопада звук был приглушенный, и я знал, что мне не надо рано вставать.

Вблизи моей хижины живет семейство дятла, самочка устроила себе гнездо в дупле и высидела там птенцов. С самого раннего утра раздается их монотонное безумолчное щебетание, оно продолжается до вечера, и мне кажется, что оно никогда не прекращается. Если бы для радио когда-нибудь потребовались пронзительные птичьи голоса, не знающие усталости, то этим птенцам можно было бы предсказать блестящее будущее.

Черный дрозд, черный как смоль, с ярко-карминовыми пятнами на крыльях, тоже украшает наш северный лес. Но самая восхитительная из всех моих пернатых гостей — колибри, крошечная птичка с блестящим оперением; ее перышки настолько миниатюрны, что кажутся чешуей; в своем туго облегающем наряде, переливающимся всеми цветами радуги — опаловым, изумрудным, рубиново-красным, — она больше похожа на драгоценную китайскую безделушку, чем на живое существо. Колибри гостит у нас недолго. Она порхает среди кустов шиповника и во время полета машет крыльями с такой невероятной быстротой, что становится неувидимой для глаза, видишь лишь расплывчатое пятно. Но вот она сорвалась и исчезла с молниеносной быстротой — сказочное видение волшебной красоты.

Уже несколько весен подряд появляется здесь хохлатая куропатка с выводком. Два-три птенца становятся жертвой совы, но большинство из них выживает благодаря бдительной охране воинственной матери. Утки, бекасы и другие водяные птицы, и даже певчие птички, гнездящиеся на земле, притворяются беспомощными и отступают, как будто раненые, с трогательным оптимизмом надеясь обмануть врага и увести его в сторону от гнезда с птенцами. И куропатки прибегают к такой же защите, но гораздо чаще с отчаянной храбростью они нападают даже на человека — с громкими воинствующими криками самка бросается на лету ему прямо в лицо или же атакует, растопырив крылья, шипя, как змея. Такая самоотверженная храбрость вызывает преклонение перед маленьким пернатым существом даже у самых грубых людей. Зимой, когда ее птенцы уже давно покинули гнездо и улетели неизвестно куда, она спит, зарывшись в рыхлый снег сугроба, а днем разгуливает изящной походкой по двору, если не слишком холодно. Если же стоит сильный мороз, куропатка то растопыривает свои перья, то снова прижимает их, и кажется, что она то надувает, то выпускает из себя воздух и выглядит то оперенным мячом, передвигающимся на тонких ножках, то снова приглаженной и изящной. Она облюбовала себе красивый тополь недалеко от моей хижины и год за годом зимой объедала его почки. Так продолжалось несколько лет, пока тополь не погиб.

Сегодня орел парил величественно над моим лагерем. Он летел низко, в тишине леса удары его могучих крыльев звучали громко и зловеще. Он немного замедлил свой полет, словно хотел остановиться, но потом, видно, передумал и продолжал свой путь. Я не видел его около двух лет, хотя его гнездо находится не дальше мили от меня. Орел, по моим наблюдениям, — единственная птица, которая во время полета поворачивает голову из стороны в сторону и смотрит вокруг себя, а этот орел, пролетая, повернул голову назад и бросил на меня испытующий взгляд.

Но вот я слышу позади себя легкий, но неистовый топот — и в одно мгновение белка, прорезая воздух, садится мне на спи-

ну, потом, вскарабкавшись на плечо, она выхватывает из моих пальцев земляной орех, который я всегда держу для нее про запас. Теперь она спешит на полочку, прибитую мною к стене хижины специально для нее; устроившись там поудобнее, она очень ловко очищает ядро ореха и съедает его. Иногда, если у нее хорошее настроение, она это проделывает перед моими гостями. Большинство белок, которые навещают меня, быстро очищают орех от скорлупы и грызут его, эта же настолько привередлива, что снимет сначала кожуру с ореха, прежде чем съесть его. Как и большинство белок, она бежит со скоростью ста миль в час и всегда находится в состоянии неистовой активности. Я ее назвал Шепави — Попрыгуньей. И как не похож на нее по характеру мой маленький тихий друг — Лунатик; еще совсем маленьким зверьком она войдет, бывало, в мою хижину и бродит кругом, как потерянная, будто бы и без всякой цели, словно во сне или в каком-то отрешенном от внешнего мира состоянии. Из всех белок, которых мне приходилось наблюдать, Лунатик была единственной, которая ходила, обычно они скачут галопом. Она была нетороплива и очень мила, одна из немногих белок, которая давалась в руки; большую часть своего времени она проводила у моих ног. Когда я начинал рубить дрова, она была тут как тут и легко могла заплатить жизнью. Один раз она вскочила на горячую печку и после этого куда-то исчезла. Мне очень недоставало моего маленького друга, я грустил и думал, что любимой белочки уже нет на свете. Наш двор казался пустынным без нее; ее тропинки и ветки, где она ютилась раньше, были занесены снегом, на некоторых уже появились другие, менее интересные белки... Но этим летом Лунатик вернулась. Она осталась такой же доверчивой и милой, хотя, должно быть, чему-нибудь научилась во время своих странствований по белу свету. Теперь при появлении всякой другой белки она становилась невыносимо свирепой.

Когда Лунатик исчезла, я начал приручать другую белку, что мне до некоторой степени удалось. Потом еще одна из этих летающих акробатов выставила свою кандидатуру. И теперь меня

преследуют три на редкость не дружные между собой существа, вздорные и драчливые, три комка нервной энергии, три ума, три существа с одной лишь мыслью — опередить другого. Каждый смотрит на территорию вблизи хижины, как на свои персональные владения, и будет драться до иступления с тем из своих собратьев, кто осмелится туда ступить. Белка не принадлежит к стадным животным, и ее территориальные права более или менее признаются. Но я боюсь, что своим стремлением сделать так, чтобы всем было хорошо, я несколько нарушил естественное соотношение вещей. Я пробовал кормить белок отдельно, каждую на ее маленькой территории, и тут я понял свою ошибку. Большую часть того, что им достается, они не съедают, а прячут на вершине дерева или где-нибудь между ветвями и заявляют о своих правах протяжным дрожащим криком, высказывающим недоверие всему миру. Но этот вызов достигает обратных результатов, и, вместо того чтобы отогнать грабителей, он привлекает внимание двух других членов воинствующего триумvirата. Стоит им только появиться, как начинается драка; обиженный нападает на противника с такой яростью и стремительностью, как будто хочет уничтожить его немедленно. Но когда нападающий приземлится, намеченной жертвы уже нет на месте; тут начинается неистовая погоня, сопровождаемая воинственными криками и яростным ворчанием. Незванный гость, независимо от своей физической силы, признает свою вину перед нападающим хозяином. Я заметил, что белка, которая преследует, всегда старается бежать не быстрее убегающего врага, так что их разделяет все время одно и то же расстояние. Потом погоня где-то обрывается. И все кончается ничем.

Как-то раз Попрыгунья и Лунатик появились одновременно, одна с одной стороны, вторая — с другой. С большой осторожностью я дал каждой по ореху, стараясь, чтобы они не заметили друг друга. Но не тут-то было, провести их не удалось. Как одна, так и другая приняли свирепый вид и угржающе смотрели друг на друга. Вдруг обе повернулись и побежали в противоположном направлении со скоростью, на которую только были способны, и

каждой из них мерещилось, что за ней гонится другая. Все это очень безобидно и занято, без кровопролития, всего лишь хорошее упражнение в беге.

По сравнению с другими, более одаренными природой животными белки не блещут умственными способностями, и все-таки их нельзя назвать глупыми. По моим наблюдениям, они отличаются очень хорошей памятью и всегда узнают меня среди чужих людей, узнали даже после того, как я отсутствовал целый год. Они проверяют каждую шишку, которую сбрасывают с вершины дерева, прежде чем ее положить в кладовую на зиму, куда отбираются только самые хорошие, плохие же зарывают отдельно во избежание ошибки. Сила белки не пропорциональна ее размеру. Я видел, как белка, держа половину большого яблока во рту, без видимого усилия прыгала вверх и вниз — с земли на большой корень поваленного дерева, который возвышался над ее головой на двенадцать дюймов; это равносильно тому, как если бы человек делал прыжки вверх на десять футов, держа в руках мешок картофеля.

Одно время мускусная крыса жила под полом моей хижины; она выстроила себе там жилище, которое было почти точной копией бобровой хатки. Малыши были очень кроткие и приучились приходить на мой зов, совсем как бобры. Они часто навещали меня в моей хижине, входили непринужденно, не проявляя ни капли страха, только у них не хватало силы самим открывать дверь. Вскоре они нашли выход из положения — зверьки обнаружили неплотно прилегающую доску, стали дергать и потягивать ее, пока не расшатали; доска начинала тарыхтеть, а они стояли, тихо что-то бормоча, видно, разговаривали между собой, и ждали с нетерпением, пока я их впущу. Одна мускусная крыса повадилась ходить вместе с бобрами и терпеливо ждала в сторонке, пока я раздавал им корм, а когда я звал бобрят: «Маа-уи!» — она думала, что я зову ее, и брела по воде с маленькими бобрятами, стараясь не отставать от них. В отличие от своих собратьев, эта мускусная крыса дружила с бобрами — всеми, за исключением Джелли Ролль,

которая ревновала ее ко мне; стоило зверьку заметить ее, как он старался спрятаться, стать незаметным, насколько это было возможно. Однако, когда детеныши мускусной крысы, моей соседки, впервые начали показываться на воде (случалось, под покровительством нашей знакомой, уже взрослой мускусной крысы), Джелли Ролль подплывала совсем близко, с интересом следила за ними и совсем не проявляла вражды. Эти интересные и умные грызуны неправильно названы «мускусными крысами», у них нет ничего общего с крысами, это самые близкие родичи бобров, их двоюродные братья, и похожи они друг на друга своим внешним обликом, образом жизни, повадками.

Я дружил с ними на протяжении нескольких лет, но, к моему большому огорчению, одна из эпидемий, которой они подвержены так же, как и лесные кролики, погубила всех до одного... Иногда мне чудится, что их маленькие тени плывут по озеру Ажауан, что их привидения бродят по потешному уютному домику, где они жили так счастливо.

Был у меня сердечный друг — самочка сурка. Из года в год она рыла себе нору под полом моего лесного домика, и каждый год у нее появлялись на свет маленькие сурчата, если так можно назвать ее детенышей. Это была немолодая, но очень милая леди; она часто и подолгу следила за моей работой и так привыкла ко мне, что даже разрешала брать на руки своих малышей — привилегия, которой пользуются немногие. Но когда приходили чужие, она ложилась плашмя на землю, закрывая собой выход из норы, чтобы сурчата не выползли наружу; когда же гости уходили, она издавала какой-то громкий свистящий крик с видом победителя, словно она прогнала неприятеля. Пришло время, и ее не стало. Другой сурок поселился в ее уютной землянке, это была молодая, очень складно сложенная самочка; она любила стоять, вытянувшись во весь рост, как человек, перед своим входом и даже пыталась заглядывать в мое оконце.

Я часто вспоминаю своих скромных маленьких друзей, которые вошли в мою жизнь на короткое время и потом умерли.

Огромное большинство людей имеет лишь смутное представление о животных и не может понять, что же на самом деле они собой представляют. Каждое животное имеет свои особые черты, заметные лишь внимательному наблюдателю.

Среди наиболее развитых и умственно одаренных видов нет двух существ, совершенно одинаковых, каждое имеет свою неповторимую индивидуальность. Очень часто их повадки удивительно напоминают поведение людей, это особенно касается грызунов. Они порой кажутся абсолютно разумными, их движения целеустремленны, а манера выражать свои чувства изумительно напоминает поведение маленьких детей (ищущий взгляд, капризные движения, обидчивость, когда их дразнят, простодушие и бесхитростность, огорчение, когда попадают в большую беду, их нежная привязанность друг к другу). Все это я сам наблюдал и никогда не перестану жалеть, что в дни своей молодости так усердно охотился на них. Но даже в те годы мне было тяжело убивать, и я всегда предпочитал находить их мертвыми; лучше никогда не видеть безнадежную борьбу, предсмертную агонию и долгие часы безутешного горя. Даже теперь, несмотря на лишения и трудности, которые я испытал, отказавшись от охоты, меня никогда не оставляет чувство, что я навсегда останусь у них в неоплатном долгу. Только тот, кто принял к сердцу всю горечь страданий наших младших братьев, может себе представить, что действительно означают современные методы охоты для звериного населения леса.

Быть может, вы, мой читатель, с которым я делюсь своими мыслями, найдете мои рассуждения немного сложными. Но жизнь в лесу заставляет не только быть настороженным, но и располагает к внимательным и глубоким размышлениям. Помните, что тот, кто живет в первобытном лесу, в этом храме Природы, способен видеть гораздо дальше и глубже, чем человек, живущий в обычных городских условиях.

Только невежеством, бездумием или озлобленностью людей можно объяснить то, что совершенно безобидные звери получили

репутацию опасных, и жестоко преследуются. Немного доброжелательности и уважения к их свободе — вот все, что нужно от вас диким животным. Все же я должен оговориться, что свобода не всегда правильно используется ими. Так было с моим скунсом. Он облюбовал себе мою палатку, где я устроил склад продуктов, часто скрывался там, и в конце концов я обнаружил среди кулей и ящиков его новорожденное потомство. Он, конечно, не учел всех обстоятельств и сделал это без злого умысла, потому я не имею к нему никаких претензий, все обошлось мирно, к удовольствию обеих сторон. Скунс — прирожденный джентльмен, но, к сожалению, не может отгадывать мыслей и не знает ваших намерений, когда вы натываетесь на него в темноте. Обычно ваши мысли враждебны, и он соответственно реагирует, но его нелегко рассердить, а терпение его удивительно; только доведенный до неистовства, он выставит против вас свою батарею. Скунс, освещенный лунным светом, — феерическое зрелище: вы видите только длинные белые, горизонтально расположенные полосы и белый чепчик на голове, черный фон его шкуры не улавливается глазом; быстрыми гибкими движениями он поворачивается то в одну, то в другую сторону, и чудится, что извивается белая ядовитая змея с белым пятном на голове. Этот безобидный, беспечный зверек, видимо, убежден в том, что людям очень приятно, когда он появляется в их палатках, хижинах или под полом дач. Но все же, каким бы неприятным ни было открытие, что скунс поселился в продуктовой палатке, это все-таки лучше, чем увидеть лося в каное. А со мной был такой случай; спешу добавить, что меня самого в каное в тот момент не было. В то утро я вытащил лодку на песчаный берег озера и собирался отправиться в местечко Уаскезье, расположенное на расстоянии тридцати миль водного пути от моего лагеря. Делая последние приготовления для своего путешествия, я вдруг услышал легкий треск и хруст. Выглянув в окно, я увидел своего приятеля лося. Не торопясь, он спокойно расхаживал взад и вперед по моему каное. Я выбежал к нему из хижины с криками, это, видно, напомнило ему о чем-то, и он стал

вытаскивать ноги из дыр, в которых ему, видно, было не очень удобно; выбравшись, он встал в стороне, созерцая вдребезги раздавленное каноэ; при этом вид у него был глубокомысленный и отрешенный. Это была явная небрежность с его стороны, и я помню, что рассердился на него. Правда, было одно смягчающее обстоятельство — его молодость и неопытность. Но для меня это было плохое утешение. Как-никак, а каноэ нужная вещь, когда предстоит путешествие исключительно водным путем протяжением в тридцать миль. Лось, огромный, как лошадь, зверь, — опасный гость, и особенно если он стал у вас завсегдатаем; необходимо убирать с его пути все, что ломается и бьется. Чтобы быть справедливым, я должен взять часть вины на себя: мне нужно было спрятать свое каноэ где-нибудь повыше на дереве и получше его там закрепить. Итак, перестав сердиться на лося, я положил поврежденное каноэ на козлы и собирался его отремонтировать при первой возможности. Такое необычное положение моей ладьи возбудило явное любопытство у бобров. Как-то ночью эти предприимчивые и удивительно умные зверьки повалили дерево как раз поперек многострадального суденышка — каноэ разлетелось на мелкие щепки.

Никто из этих моих гостей ничего не ждал от меня, за исключением бобров, с которыми я сюда приехал. Но до тех пор, пока я не появился на сцене, они сами боролись за свое существование; и если бы я неожиданно исчез, они, должно быть, разбрелись бы по разным местам, но жили бы не хуже, чем здесь. В глубине души я все же лелею надежду, что кто-нибудь из них тосковал бы без меня. Мне доставляет большую радость кормить моих друзей и наблюдать своеобразную манеру каждого из них брать лакомые кусочки; интересно, как они приближаются ко мне и как ведут себя после еды. Очень любопытно, проснувшись поздним утром или днем после бессонной ночи, увидеть, как все угощения исчезли, потому что, пока я спал, разная лесная мелюзга, а иногда и большие звери, хорошо поработали, бегая туда и обратно, унося с собой столько лакомых кусочков, сколько они могли унести.

Мне доставляет большое удовольствие слышать, как проголодавшиеся труженики, усердно потрудившиеся несколько часов, что-то бормочут от удовольствия, уплетая за обе щеки сухари, яблоки, или же набрасываются на блюдечко с рисом, залезая туда обеими лапками и жадно поглощая это угощение. А зимой я радуюсь, когда нахожу углубление в снегу под старым корнем, потому что знаю: это дом счастливых маленьких созданий, которые крепко спят, туго набив свои животики.

Жизнь каждого из этих тружеников Дикой Природы настолько интересна и своеобразна, что стоит набраться терпения и повнимательнее наблюдать их. Можно узнать много интересного и о тех, кто живет в воде или на ее поверхности и труднее поддается изучению и влиянию: о водяных жуках, которые оставляют свою естественную среду и выползают из скалы, чтобы погреться на солнце, или о гордых гагарах-белошейках, самых крупных и совершенных из ныряющих птиц. Гагары носятся вокруг озера наперегонки друг с другом с какими-то необыкновенными всплесками и шумами и доводят бобров до неистовства своим загадочным полчеловеческим хохотом. Однако эти царь-птицы не умеют ходить, зато летают отлично, а в воде играют с артистической свободой.

У гагары обычно только один или два птенца, мать сажает их на спину, и так они весело плавают. Иногда у них гостят другие гагары, и я видел у нас на озере перед окнами моей хижины до восьми в стае. Но постоянно в каждом озере живет лишь пара гагар, и только в том случае, если озеро очень большое, их бывает больше. Гагары играют и плавают на озере все лето. Они улетают на Юг ранней осенью и всегда на протяжении всей своей жизни, которая, как мне говорили, длится сто лет, возвращаются. Вполне вероятно, что гагары, подобно орлам и диким гусям, составляют брачные пары на всю жизнь. Мое предположение подтверждается тем фактом, что с тех пор, как я поселился на озере Ажауан, одна и та же пара ютилась здесь каждое лето, и я не знаю, как долго они жили здесь раньше. Обе гагары знают меня очень хорошо, хотя с самочкой у нас нет такой тесной дружбы, как

с самцом. Он подплывает к хижине регулярно каждое утро, вскоре после рассвета, и разговаривает со мной на расстоянии около ста футов; у него очень громкий голос, и я мало что понимаю из того, что он мне говорит; когда я появляюсь на озере в своем каное, он приветствует меня в знак дружбы трубным кличем. Но стоит только кому-нибудь из чужих показаться на озере или же у берега на опушке леса, как он издает какой-то необычный предостерегающий клич. Гагара величественная, очень красивая птица и не только служит украшением здешних мест, но и помогает нам.

Каждый из этих обитателей леса и озера делает свое дело и, как бы ничтожно он ни выглядел, выполняет свой долг, предназначенный ему природой. Даже крошечные птички, едва заметные среди этих необъятных просторов, имеют свое собственное место в жизни леса. Посмотрите, как они прыгают веселой стайкой среди опавшей листвы, собирая корм, необходимый для поддержания их крошечной жизни; посмотрите, какие у них живые глазки, какие они умные и уверенные в себе создания, понаблюдайте внимательно, и вряд ли вы будете сомневаться в их праве на существование и в том, что они выполняют свой долг.

Звери очень быстро узнают заповедные места. Как это происходит, я не знаю, должно быть, есть что-то в самой атмосфере этих мест, или же дикие существа обладают каким-то особым чутьем, помогающим им угадывать опасность и безопасность на расстоянии. Одним из них нужно некоторое время, чтобы оценить положение, другие же реагируют почти моментально — все зависит от сообразительности или же настроения данного индивидуума.

Попробую пояснить свою мысль примером. Это было осенним вечером, два года назад. Я смотрю в окно и вижу оленя, который пасется на зеленом пригорке недалеко от моей хижины. Я открываю дверь, тихонько, не торопясь, спокойным свободным шагом, совсем не подкрадываясь, выхожу из дому. У оленя напрягается каждый мускул, он поднимает голову и смотрит на меня словно невидящим взглядом. В этот момент белка промелькнула быстро, но беззвучно, потому что листья на деревьях мокрые. Олень мо-

ментально переводит свой взгляд (но уши остаются неподвижными) и следит за каждым мелким движением белки на пути ее продвижения; он все видит. Потом олень поворачивает голову назад, его глаза на одной линии с ушами — и смотрит на меня. Я говорю ласково, успокаивающе. Вот он махнул хвостом, это означает, что решение принято: либо он умчится сейчас высокими пружинящими прыжками, либо примирится с созданным положением и останется. Как он поступит, не знаю. Я снова обращаюсь к нему и тихонько приближаюсь, продолжая говорить. Тогда он успокаивается; напряженный взгляд становится мягче, а потом олень выражает мне свое самое большое доверие: поворачивается ко мне задом, затем наклоняется и подбирает молодые веточки, которые белка сбросила с вершины сосны; пощипывая их, он время от времени смотрит на меня. Так у меня завязалась новая дружба.

Редко, когда возле меня нет того или другого из моих подопечных, хотя я и не всегда их вижу... Треск поваленного дерева или же пронзительный крик молодых бобров с озера вдруг встревожили дремлющее эхо. Дверь внезапно открывается, и я вижу в лохматых лапах пришельца ком глины с палками и сучьями — строительный материал для землянки, сооружаемой в моей хижине; потом легкие семенящие шаги направляются ко мне через всю хижину — это сурок забежал за своей ночной порцией яблока; а вот послышался шорох рогов среди ветвей ивы. Все эти звуки хорошо знакомы мне, не меньше, чем горожанам уличные шумы; они свидетельствуют о том, что я не одинок.

В этих местах, как и в любой дикой местности, встречаются хищники, поэтому я должен быть все время начеку, чтобы оградить моих лесных друзей от опасности. Волки, койоты, медведи, совы, норки и куницы — все они реальные или возможные враги. Те из ночных хищников, которые нападают и днем и ночью, ловкие и хитрые, вечно голодные, делают смертельный набег и быстро исчезают. Поэтому на протяжении многих лет я не провел ни одной ночи в постели. С наступлением сумерек я начинаю свой

обход и хожу всю ночь напролет, окруженный бархатной чернотой задумчивого леса, где тихо шепчутся деревья.

И когда я брожу так по волшебным чертогам Тишины, ни один звук, какой бы слабый он ни был, не ускользает от моего слуха. Я должен уловить все звуки, ведь каждый имеет свое значение, я должен определить их быстро и безошибочно, ибо от остроты моих чувств и точности действий может зависеть жизнь тех, кто смотрит на меня с надеждой и ждет моей защиты. Но не только я прислушиваюсь все время к сигналам бедствий, охраняя своих друзей, — они платят мне тем же.

Моя жизнь стала похожа на жизнь разведчиков лесных войн в былые времена, и даже во сне какой-нибудь необычный звук, долетевший из лесу, или же внезапное смятение в Бобровом Доме, а порой просто ворвавшийся привычный шум моментально будят меня. Опасность притаилась в неверных тенях, ожидая наступления дня, когда обостренная настороженность моих подопечных или же моя, менее чуткая, притупится. И все же ее нельзя обнаружить без предупреждения. Сурок, поселившийся в моих дровах, вдруг свистит оглушительно среди ночи без видимой причины вместо того, чтобы спокойно спать; раздается испуганный крик сойки, белка несется без оглядки и, достигнув надежного укрытия, бросает вызов врагу. Я слышу глухой крик совы, белая, как привидение, она скрыта среди зелени, но я знаю — вот-вот она нападет; потом мимолетный звук, едва уловимый шорох, и, извиваясь как змея, промелькнула ласка, быстрая, гибкая, безжалостная, — лесной разбойник, убийца. И ту и другую я должен уничтожить моментально, другой возможности не будет.

Немного позже, быть может, я услышу, как легко и спокойно расхаживающий олень вдруг сделает несколько испуганных прыжков, а пасущийся невдалеке лось — я хорошо его вижу, потому что ярко светит луна, вдруг перестанет пастись, чтобы поймать какое-то, как будто и неральные, звуки или же почуять предупреждение об опасности в набежавшем ветерке; с озера донесется заунывный крик гагары, встревоженный, таинственный, пугающий.

А вслед за ним самый оглушительный из всех ночных звуков, словно пронзительный выстрел из ружья, — дружное шлепанье бобровых хвостов по воде. Потом вдруг воцаряется тишина, зловещая, напряженная, — каждое живое существо в окрестности остановилось, припало к земле или же застыло в порыве движения и в мучительной тревоге ждет, кто же первый зашевелится. Внезапно я вижу, как пробирается извилистой тропой призрачный, словно привидение среди теней, злой разбойник лесной глуши — волк!

Вот тогда, если светит луна и если я вовремя прицельюсь, а самое главное, спокойно и точно сделаю расчет, сокрушительный выстрел моего ружья положит конец происшествию и на много дней избавит моих друзей от тревоги и страшной неизвестности.

Вот так все, что можно услышать и увидеть, а также то, чего нельзя ни услышать, ни увидеть, а о чем можно лишь смутно догадываться, рассказывает мне, как идут дела у лесных обитателей, днем и ночью напоминая о моей ответственности перед ними, потому что они живут здесь под моей защитой.

Необходимо сохранить
огромные массивы девственного леса
в целях эстетических,
патриотических так же, как и экономических.
Я не берусь быть судьей
и воспитателем общества и не претендую
сказать миру новое слово.
Я только хочу помочь,
в меру своих сил, тем безмолвным существам,
среди которых протекла моя жизнь

человек и природа

Чем дольше человек живет в глуши леса, тем больше и больше он любит Дикую Природу во всем ее многообразии. В конце концов ему становится неприятным охотиться, и если необходимость заставляет его убить, он сделает это с чувством сожаления и сознания своей вины. Старые индейцы, неизменно соблюдавшие языческие обычаи (кстати сказать, среди этих обычаев есть много очень красивых и достойных сохранения), совершали обряд погребения, когда им случалось убить зверя, стоящего на высокой ступени развития и заслуживающего уважения и любви людей. Это чувство приходило медленно,

но проникало очень глубоко и казалось мне результатом жизни, направленной главным образом на разрушение, а не на созидание. Я не могу себе представить, что этот переворот в сознании произошел только у меня, и имею достаточно фактов в доказательство того, что люди, побывавшие в аналогичных условиях, за исключением, может быть, только невежд или людей, не способных к мышлению, надменных и эгоистов, переживали то же самое хотя бы в какой-то мере.

Человек, долго проживший в лесу, познавший его тайны и очарованный его прелестью, невольно будет проявлять внимание ко всему живому, что окружает его; у него появится чувство ответственности перед лесом, и, прокладывая себе тропу, он будет стараться не топтать цветы. Не раз я встречал людей, которые, поборов смущение перед присутствующими, находили в себе мужество спасти жизнь муравьев, жаб, змей и других низших существ, рискуя быть поднятыми на смех. Это были мужественные, суровые люди, чье внимание, казалось бы, не должны были привлекать такие ничтожные существа. Говоря о жабах, неядовитых змеях и других невзрачных, безвредных и часто полезных созданиях, мне хочется сказать, что преследование их является результатом ненависти, возникшей от безрассудного страха со стороны тех, кто ничего о них не знает.

Есть на свете много людей, которые ходят по лесу как слепые. Они смотрят на величественные деревья несравненной красоты и высчитывают, сколько квадратных футов досок получится из них или же сколько долларов можно получить с каждой бобровой хатки. Для таких людей прелесть Дикой Природы не существует. Помню, как однажды, уже много лет назад, я работал проводником и повел одного туриста на вершину горы, чтобы показать необозримую панораму девственного соснового бора. Он расстился у наших ног и терялся в голубой дали. Мой спутник посмотрел вниз — редко кому выпадает счастье любоваться такой сказочной картиной, — я ждал, что услышу восторженные

восклицания, но реакция была неожиданной. Он сказал деловито: «Вот бы срубить все это и погрузить на эстакаду. Это, скажу я вам, было бы здорово!»

Отдавая дань уважения экономике, я все же должен сказать: лес существует не только для того, чтобы быть использованным в качестве строительного материала. Необходимо сохранить огромные массивы девственного леса в целях эстетических, патристических так же, как и в экономических, не говоря уже о работе по лесовозобновлению. Что касается последнего, то при разумном ведении лесного хозяйства можно снабжать промышленность лесными материалами, не разоряя леса. Необходимо обязать коммерческие предприятия сажать шесть-двенадцать деревьев вместо каждого срубленного; таким образом, они сами обеспечат себя строительными материалами. И пусть никто не смотрит жадными глазами на уцелевшие еще в Канаде массивы первобытного леса, потому что лес будет быстро уничтожен, если только дать волю коммерсантам.

Говорят, все живое создано для того, чтобы служить человеку. Но так ли это? Рабство уже вышло из моды, и никто не станет утверждать, что сосновые шишки зреют специально для белок, а олени живут в лесу лишь для того, чтобы волки были сыты. Очувшись в лесу, мы перестаем чувствовать свое превосходство перед волком или белкой, наоборот, мы часто чувствуем себя беспомощными. Люди в огромном своем большинстве не хотят даже слышать о том, что животные, хотя бы в какой-то мере, могут быть одарены умственными способностями; поведение животных они объясняют только инстинктом. Однако многие животные наделены умственными способностями, а все люди — инстинктами. Человек стоит на самой высокой ступени развития по сравнению со всеми живыми существами на Земле, однако это еще не означает, что Природа принадлежит ему, как он надменно это воображает. Он принадлежит ей. Щедрая Природа подарила большие богатства своим детям, и если человек возьмет свою долю, это будет вполне справедливо и честно; но

он не должен обижать другие существа и отнимать у них необходимое, они тоже хотят жить.

Природные богатства должны быть использованы благоразумно, и скромность будет здесь хорошим советчиком. Представьте себе человека, гуляющего в чудесном саду; в знак гостеприимства ему разрешили нарвать себе столько цветов, сколько захочется. И не слишком ли часто мы поступаем как неразумные дети (я говорю мы, потому что и я грешил этим в своей молодости), унося целые охапки цветов, и, не в силах унести все, рассыпаем и топчем их под ногами.

Каждое живое существо в своей борьбе за жизнь в какой-то мере безжалостно по отношению к другим видам. Человек же извлекает пользу из всего и ото всех, включая своих менее счастливых собратьев. Почти всегда он добывает гораздо больше, чем ему нужно, разоряет природу, не думая о будущем, — это самый большой грабитель, который существует на земле. И, несмотря на высокое положение, которого он достиг, многому ему надо поучиться и поработать над собой, чтобы стать доброжелательным, сдержанным, снисходительным не только в отношении низших существ, но и в отношении своего собрата — человека.

Размышляя обо всем в глуши леса, я пришел к заключению, что есть настоящая необходимость в наш цивилизованный век издать закон, запрещающий эксплуатацию детского труда в промышленности; подумать только, в течение одного года тысячи подростков были ранены, а некоторые убиты во время работы, в то время как предприниматель-спекулянт богател, собирая большие доходы на дешевом труде. Слишком грустно сознавать, что даже дети становятся добычей хищнического инстинкта коммерсантов.

Когда я впервые узнал об этом, я с трудом мог поверить и до сих пор не могу сообразить, почему нужен закон, чтобы положить конец этому злу.

Не обидел ли я Вас, мой читатель? Я не хотел этого. Но если по своему незнанию и недостаточной образованности я допустил ошибку, это произошло оттого, что во время моих недавних путешествий в центры цивилизации я видел много такого, что было для меня полной неожиданностью, многое, чего я никак не мог понять, что ошеломляло меня и вызывало недоумение. У нас, жителей леса, свои неписанные законы, хотя, по правде сказать, и не все хорошие.

Я все еще охотник, но не тот, что раньше, — фотокамера теперь мое оружие. Это гораздо интереснее, хотя подчас и труднее. Я больше не убиваю, если только этого не требует абсолютная необходимость. Некоторым нравится иметь ягдташ, полный дичи, другим — украшать стены своего охотничьего домика шкурами зверей, это дело вкуса, но я люблю их живыми.

Я не берусь быть судьей и воспитателем общества и не претендую сказать миру новое слово. Я только хочу помочь, в меру своих сил, тем безмолвным существам, среди которых протекала моя жизнь. И если этим трудом я принесу немного пользы своему собрату — человеку, я буду чувствовать себя вдвойне удовлетворенным.

Я не рассчитываю сделать много за тот короткий срок, который мне остается жить, но я лелею надежду помочь, хотя бы в очень скромных пределах, заложить фундамент, на котором в будущем более умелые руки и умные головы воздвигнут здание. Таким образом, я смогу быть сколько-нибудь полезным в работе по защите и спасению от окончательного уничтожения некоторых из интереснейших и полезных обитателей наших бескрайних просторов. Они ждут лишь доброты и понимания человека, чтобы проявить все, что в них заложено природой, и иметь возможность развиваться. Я говорю о рядовых представителях огромной немой армии живых существ, которые не могут нам ничего сказать.

Одним из интереснейших результатов поставленной мной задачи было то, что мне довелось войти в контакт с людьми самых различных профессий. Мне посчастливилось найти много друзей, и я надеюсь, что найду еще больше. Это дорого мне не только потому, что я расширю свой кругозор и становлюсь более образованным, но, помимо всего, это доставляет мне радость.

Много времени отдаю переписке со школьниками. Я получаю от них огромное количество писем. Одни написаны детскими каракулями, другие наспех — с кляксами, третьи очень аккуратно, со старательно выведенными буквами; каждое из них вдумчивое, и все они носят следы большого труда, вложенного в них удивительно доверчивыми и полными надежд авторами, — любовный труд, если только такой существует. Этой перепиской я очень горжусь. Я стараюсь ответить всем, и шлю письма то на имя всего коллектива, то на имя педагога, а иногда, если характер письма того требует, отвечаю своему корреспонденту лично.

Это моя самая ответственная переписка, потому что я чувствую, таким путем мне дана возможность участвовать в созидательной работе. Но семена, посеянные в молодые, жаждущие знаний умы, прорастут и распустятся цветами добра, когда, быть может, имя садовника будет давно забыто.

ЭПИЛОГ

Над озером Ажауан взошла луна. Ее лучи светят в окно и падают на крышу Бобрового Дома, выстроенного внутри хижины.

Я сижу один, и все ночные голоса раздаются около меня. Я слышу нежный шепот, торопливый шорох, едва уловимый шелест.

Луна отбрасывает зыбкие тени между рядами деревьев. Серебристые лучи скользят по мерцающей поверхности пруда, и все вокруг кажется призрачным, таинственным.

На берегу, собравшись в кучку, сидят маленькие бобры. Они поводят носиками, оглядываются и шепчутся, словно дети, которым почудился дождь.

Я кончил писать.

И пока я писал, мне все время казалось, что действующие лица моих рассказов пришли из Прошлого, ожили и снова сыграли свою роль.

Пока я рассказывал, о чем они думали, что говорили, что делали, кто знает, быть может, они все собрались возле хижины, в этой тихой зачарованной роще.

И мне чудится, что Тишина уже не царит в роще, в нее ворвались голоса героев моих

рассказов, что в хижине бьет ключом жизнь, что дверь гостеприимно открыта, через окна льется яркий свет и огонь потрескивает в очаге.

Я знаю, что хижина не опустеет больше и роща не будет покинутой и забытой, пока на свете существует хоть один читатель моей книги — друг природы; волшебной силой сочувствия и понимания он воскресит в своем воображении долину, полную воспоминаний, и ее обитателей, которые так терпеливо ждут друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Опустевшая хижина	15
Сыновья Ки-уэй-кено	23
Один день в тайном городе	31
Сосна (рассказ-легенда)	43
Прощание	69
Одинокий лось	79
Бобровый Дом	93
Маленькие странники. Глава первая.	97
Маленькие странники. Глава вторая	109
Медведи из Уаскезье	123
Большие и маленькие обитатели леса	131
Человек и Природа	151
Эпилог	157

Серая Сова (Вэша Куоннезин)

С32 Рассказы опустевшей хижины. Пер. с англ.
А. Макаровой. М., «Молодая гвардия», 1974.

160 с, с ил. (Бригантина) 200 000 экз. 42 к.

Книга замечательного индейского писателя рассказывает о любви к природе и глубоком беспокойстве за ее судьбу.

С $\frac{70302-097}{078(02)-74}$ 174-74

И (Канад)

Серая Сова (Вэша Куоннезин)

РАССКАЗЫ ОПУСТЕВШЕЙ ХИЖИНЫ. М., «Молодая гвардия», 1974.

И (Канад)

Редактор **С. Митрохина**
Художник **Б. Жутовский**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Л. Курлыцова**
Корректоры: **Г. Трибунская, А. Стрепихеева**

Сдано в набор 27/XI 1973 г. Подписано к печати 4/IV 1974 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5 (усл. 7). Уч.-изд. л. 7.3.
Тираж 200 000 экз. Цена 42 коп. Заказ 2017. Т. П. 1974 г., № 174.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

42 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СЕРАЯ СОВА

**Рассказы
опустевшей
жижины**

